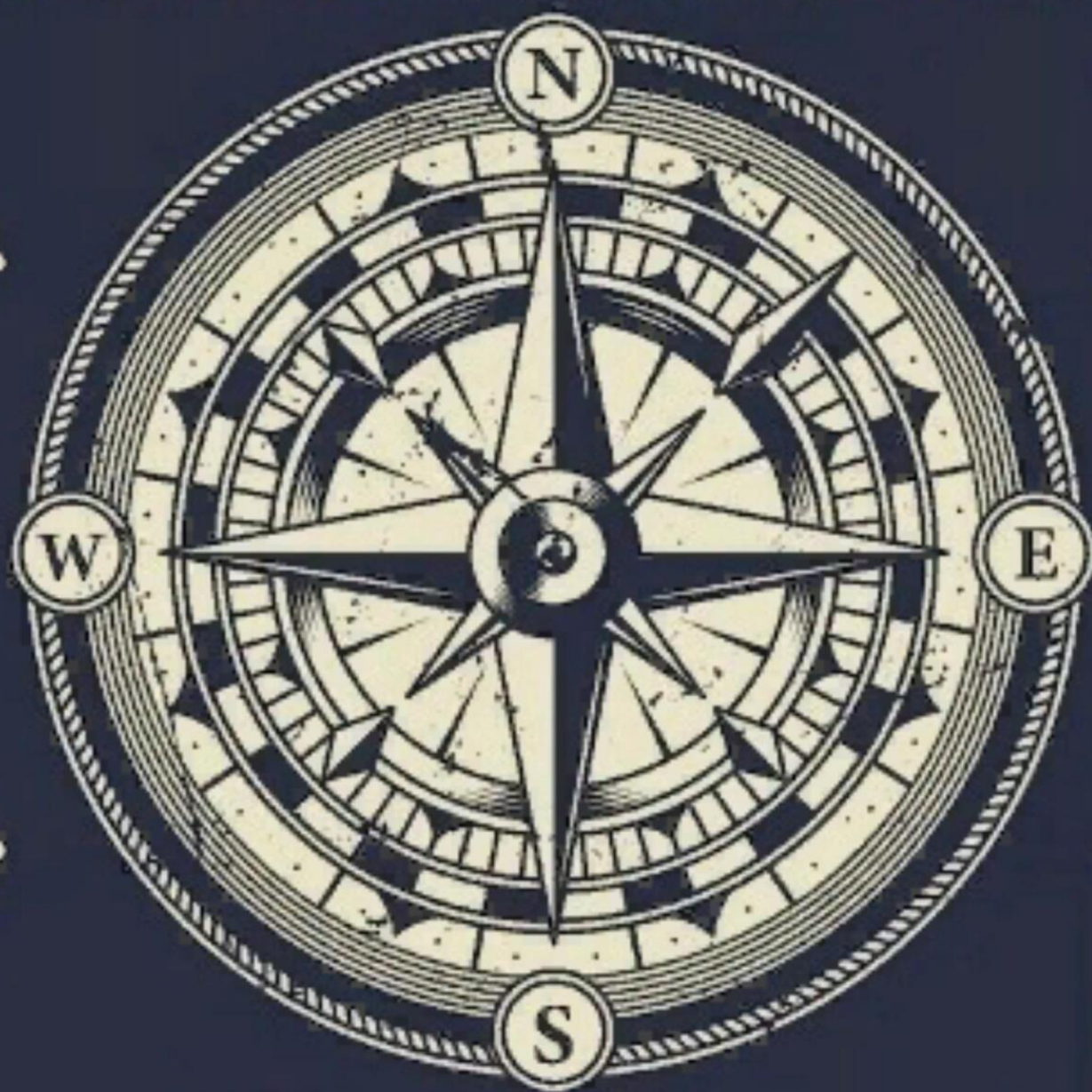

А.Б.Лавров

**РУССКИЙ ПРОРЫВ
ЗА ЮЖНЫЙ ПОЛЯРНЫЙ КРУГ**

ЖИЛ ОТВАЖНЫЙ АДМИРАЛ

Документальные повести

Алексей Лавров

**Русский прорыв за
Южный полярный круг.
Жил отважный адмирал**

«Автор»

2021

Лавров А. Б.

Русский прорыв за Южный полярный круг. Жил отважный адмирал / А. Б. Лавров — «Автор», 2021

Документальная повесть «Русский прорыв за Южный полярный круг» рассказывает об экспедиции Ф.Ф.Беллинсгаузена – М.П.Лазарева, открывшей в 1820 г Антарктиду – «6-й континент» нашей планеты. В книге кратко излагается история поисков "Неизвестной Южной земли", рассматривается одна до сих пор неразгаданная загадка Антарктики. Описаны приключения участников кругосветного плавания 1819 - 1821 гг в полярных и тропических водах. В 2023 г исполнится 235 лет со дня рождения выдающегося русского мореплавателя, флотоводца и государственного деятеля Михаила Петровича Лазарева. Ему посвящена документальная повесть «Жил отважный адмирал». Опираясь на документы, автор пытается воссоздать в основных деталях подлинную картину жизни и деятельности одного из первооткрывателей Антарктиды, героя Наваринской битвы, с 1833 г - командующего российским Черноморским флотом. Книга опровергает ряд представлений, навязанных читателям некоторыми художественными и «научно-популярными» литературными произведениями.

© Лавров А. Б., 2021

© Автор, 2021

Содержание

РУССКИЙ ПРОРЫВ ЗА ЮЖНЫЙ ПОЛЯРНЫЙ КРУГ. Вступление	5
Глава 1. «То-чего-не-может-быть»? Неоткрытый материк на карте XVI века	10
Глава 2. Древние мыслители и «Неизвестная Южная земля»	16
Глава 3. В поисках неведомого материка	22
Глава 4. XVIII век: конец «погони за призраком»?	31
Глава 5. «Штормовать в далёком море посылает нас страна»	42
Глава 6. От Кронштадта до Рио через светящееся море	55
Глава 7. «Курс на берег нелюдимый...»	64
Глава 8. «Колумб Российский между льдами»	78
Глава 9. Почему аборигены не съели ни Беллинсгаузена, ни Лазарева	93
Глава 10. Сюрпризы сердитых морей и опасных архипелагов	104
Глава 11. «И вновь уходит в никуда вчера открытый нами берег»	126
Глава 12. «Нет на свете дали, нет таких морей, где бы не видали наших кораблей!»	142
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Алексей Лавров

Русский прорыв за Южный полярный круг. Жил отважный адмирал

РУССКИЙ ПРОРЫВ ЗА ЮЖНЫЙ ПОЛЯРНЫЙ КРУГ. Вступление

200 лет назад, 28 января 1820 г, два корабля – русские военные шлюпы «Восток» и «Мирный» – впервые в истории мореплавания достигли последнего остававшегося ещё неоткрытым материка нашей планеты: «ледяного континента», легендарной Terra Australis Incognita – «Неизвестной южной земли».

Что предшествовало этому грандиозному событию? Почему до того знаменательного дня путешественники из разных стран в течение нескольких столетий искали в Южном полушарии материк, который ни до них, ни на их памяти никто не видел (по крайней мере, такова современная общепринятая в научном мире точка зрения)? Когда и как возникло предположение, что на крайнем Юге Земли должен находиться какой-то континент?

Точного ответа на последний вопрос мы не знаем и сегодня. Было ли это изначально гениальной догадкой или неясным отголоском знания, полученного нашими далёкими предками гораздо раньше от некоей забытой высокоразвитой цивилизации – исчезнувшей земной или даже внеземной?

Известно лишь, что в существовании Южного материка были убеждены ещё мыслители древних Греции и Рима, и что это их мнение разделяли «грамотеи» Средневековья и космографы эпохи Возрождения. По мнению официальной современной науки, все они исходили из чисто умозрительного предположения, что наличие обширной суши в противоположной Северу с его континентами части земного шара необходимо для сохранения последнего в равновесии. А в Полинезии бытовала странная легенда о вожде Ху-Те, который якобы заплыл на своей лодке далеко-далеко на юг и увидел там ледяные горы с уходившими в небеса и окутанными облаками вершинами...

С конца XV в многие отважные мореплаватели пытались дойти до таинственной земли. По мере расширения знаний европейцев о Южном полушарии гипотетическая Terra Incognita на картах уменьшалась в размерах, а её границы сдвигались всё южнее и южнее, пока, наконец, не «отступили» за полярный круг.

В XVIII в вопрос, казалось, был решён: Джеймс Кук, совершивший в 1772 – 1775 гг своё второе кругосветное плавание с основной целью открытия Южного материка либо доказательства его отсутствия, пришёл к выводу, что такого континента нет или он принципиально недоступим. Подавляющее большинство географов Великобритании, Франции и других великих морских держав приняли заявление Кука на веру и сочли любые дальнейшие попытки обнаружить Terra Australis бессмысленными.

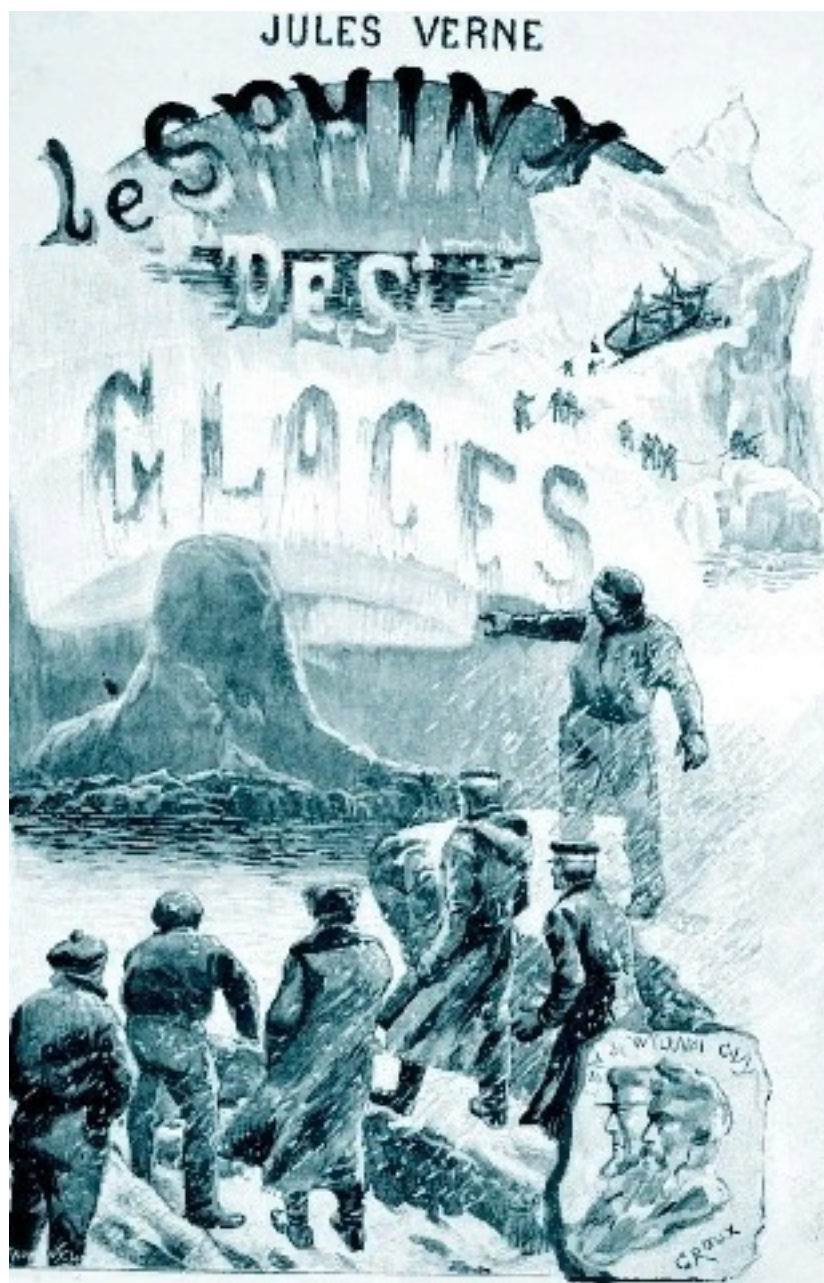
Иначе рассуждали в России, лишь в начале XIX века вышедшей, благодаря великому Крузенштерну, на большие океанские дороги.

Ещё в 1761 г М.В.Ломоносов, развивая мысль европейских учёных предыдущих столетий, утверждал, что в южной полярной области должен быть континент. Выдающиеся русские географы и мореплаватели, такие, как Г.А.Сарычев, В.М.Головнин, О.Е.Коцебу и тот же И.Ф.Крузенштерн, горячо поддерживали идею организовать русскую экспедицию в Антарктику и даже разработали её планы. Когда решение о снаряжении такой экспедиции было принято, начальником её – и командиром корабля «Восток» – был назначен Фаддей Фаддеевич

Беллинсгаузен, 240-летний юбилей которого мы отмечали 29 августа 2019 года. Командиром сопутствовавшего «Востоку» шлюпа «Мирный» стал Михаил Петрович Лазарев. Роль этого человека в истории нашего военно-морского флота столь значительна, а жизнь настолько полна событиями и славными делами, вплоть до героических подвигов, что даже достижение «шестого континента» выглядит в ней ярким и впечатляющим, но всего лишь эпизодом.

Ещё один недавний юбилей, относящийся к первому плаванию россиян в антарктические воды, связан с датой 16 июля 2019 г, когда исполнилось ровно 200 лет со дня отправления кораблей Беллинсгаузена и Лазарева в путь.

И до, и после открытия в ней материка южная полярная область была для нас, землян, «территорией загадок» – и, несмотря на всё, что мы узнали о ней за 3 столетия, по сей день остаётся таковой. В этом своём качестве она пленяла и пленяет воображение писателей-фантастов разных стран и веков – от Готфрида Августа Бюргера, Эдгара По и Жюль Верна до Говарда Филлипса Лавкрафта, Александра Казанцева и преуспевающего ныне Клайва Каслера. Авторы утопий и антиутопий, стилизаций под средневековые легенды и авантюрных романов «посылали» в Антарктику своих персонажей и «размещали» там то колоссальных размеров воронку, в которую низвергались со страшной силой воды трёх земных океанов, то гигантский магнит в виде зловещего «ледяного сфинкса», то последние поселения чудовищных потомков древних нечеловекообразных разумных обитателей Земли, то секретные военные базы Третьего Рейха или каких-нибудь нынешних претендентов на абсолютную власть над миром, то и вовсе огромные подлёдные города и заводы...

Рисунок 1. Иллюстрация к роману Жюль Верна "Ледяной сфинкс"

Периодически появляются сообщения о якобы обнаруженных на «шестом континенте» НЛО, останках динозавров, руинах крепостей и пирамид... Британский писатель, журналист и режиссёр документального кино Грэхэм Хэнкок предлагает искать в Антарктиде следы гипотетической цивилизации атлантов...

Можно, конечно, презрительно отмахиваться от таких сообщений, как от «фэйков», «уток» или «дешёвых сенсаций», а идеи вроде хэнкоковской обзывать «бредовыми» и «антинаучными». Но вот вам факт: одно из величайших зоологических открытий XX века было сделано именно в Южной полярной области и именно кинорепортёрами!

В 1947 г в Германии показывали документальный фильм, снятый в Антарктиде американской экспедицией под руководством адмирала Ричарда Бэрда. Случилось так, что на сеансе присутствовал известный зоолог доктор И.Крумбигель. Каково же было его удивление, когда на экране появились пингвины совершенно неизвестной учёным породы!

Выяснилось, что участники экспедиции не только засняли на киноплёнку новый вид, но даже привезли несколько таких пингвинов в Новую Зеландию и продали зоопарку города Веллингтона. И при этом никто из исследователей не подозревал, какое открытие они сделали!

«Совершенно непостижимо, как американские и новозеландские зоологи не обратили внимание на этих птиц?» – недоумевал, вспоминая ту историю, советский учёный-биолог Игорь Иванович Акимушкин.¹

И.Крумбигель предложил назвать новооткрытых пингвинов в честь начальника обнаружившей их экспедиции, т.е. пингвинами Бэрда.

Рисунок 2. Ричард Бэрд (в центре) на антарктической станции «Little America IV»

В предлагаемой вашему вниманию повести относительно подробно рассказывается лишь об одной из поныне неразгаданных загадок Антарктики.

Рассмотрение многочисленных тайн «ледяного материка» и выдвигаемых в связи с ними ещё более многочисленных гипотез не входило в мои намерения. Я видел свою задачу в другом.

Кругосветному плаванию Беллинсгаузена – Лазарева посвящено немало книг, статей, очерков и т.п. Но, насколько я могу судить, большинство из них можно отнести к двум основным категориям.

В первых экспедиция рассматривается исключительно в русском контексте, без оглядки на предвалявшие её многовековые искания зарубежных учёных и мореплавателей (из послед-

---

¹ Акимушкин И.И. «Следы невиданных зверей». 2-е издание. М, «Мысль», 1964, с. 146.

них упоминается, как правило, один Кук). Нет, сентенции о всемирно-историческом значении открытия Антарктиды обязательно присутствуют, но при таком подходе они звучат голословно.

Публикации второй категории, наоборот, включают рассказ о походе «Востока» и «Мирного» в общий обзор эволюции мировой географической мысли и когда-либо производившихся в южных полярных водах исследований. Но именно поэтому непосредственно о русской экспедиции здесь сообщается до обидного мало: акцент делается в основном на её пребывании за полярным кругом. Открытия наших капитанов в тропиках, сопровождавшиеся событиями, не уступавшими по остроте сюжетных коллизий приключениям героев Германа Мелвилла, Жюль Верна и Джозефа Конрада, либо остаются «за кадром», либо упоминаются мимоходом, в нескольких строках, а некоторые важные, но не с географической точки зрения, эпизоды плавания (например, приём командиров русских кораблей королём Португалии и непосредственное наблюдение Фаддеем Фаддеевичем, Михаилом Петровичем и их подчинёнными отбытия королевской эскадры из Рио-де-Жанейро в Европу) и вовсе игнорируются.

Встречаются статьи и книги, перенасыщенные информацией об узкопрофильных и мало-понятных неспециалистам исследованиях – например, о результатах опытов по определению удельного веса и степени прозрачности океанской воды. Такие экскурсии, на мой взгляд, «засушивают» повествование и делают его неинтересным широкой публике – а на неё-то, по идее, и рассчитана научно-популярная литература.

Признавая за каждым из авторов право писать на выбранную им или ей тему так, как он или она считает нужным, я, тем не менее, попытался избежать вышеотмеченных крайностей и, не прибегая к художественному вымыслу, но и не воспроизводя первоисточники во всех деталях, создать правдивую, разноплановую и, по возможности, живую картину того замечательного путешествия. Насколько моя задумка удалась – судить читателям.

Глава 1. «То-чего-не-может-быть»? Неоткрытый материк на карте XVI века

*«Исхитрись-ка мне добыть
То-Чаво-Не-Может-Быть!
Запиши себе название,
Чтобы в спешке не забыть!»*

Такое вот коварное поручение дал царь своему верному «служак» в сатирической поэме Леонида Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца». Как Федот выпутался из этой ситуации, известно всем, кто прочитал до конца вышеназванное произведение. Но сейчас хотелось бы поговорить не о перипетиях филатовского сюжета, а о, скажем так, сюжете альтернативном – точнее, о другой возможности для Федота оставить «в дураках» венценосного пакостника. Дело в том, что и в наш с вами век тотального торжества всеобъясняющих научных концепций в разных местах, странах и даже концах света можно увидеть сохранившиеся с незапамятных (порой в буквальном смысле слова) времён артефакты, которые, каждый по-своему, являются «тем, чего не может быть». По крайней мере, таковыми они выглядят в контексте изучаемой сегодня в школах и вузах всемирной истории. Тем не менее, артефакты эти реально существуют, и Федот, знай он о них, мог бы понять несуразную, на первый взгляд, сентенцию монарха как приказ доставить один из них к царскому двору. Возможно, наиболее удобным вариантом стрелец посчитал бы поездку в Стамбул – всё-таки не очень далеко от России...

В 1929 г в этом городе, во дворце Топкапи, был создан Музей древностей. И уже 9 ноября того же года директору Турецкого национального музея Б.Халилу Элдему попались на глаза два обрывка более чем странной карты. Она была вычерчена неким Пири Рейсом, мореплавателем, бывшим некогда адмиралом флотов Османской империи в Красном море и Персидском заливе. Известно, что рисовать карты он начал в 1513 г в городе Галлиполи, а четырьмя годами позже, в 1517-м, когда город посетил покоритель Египта султан Селим I, Рейс передал тому свои изделия.

Те из них, что дошли до наших дней, выполнены на шкуре газели весьма тщательно подобранными красками. Согласно комментариям самого автора, которые мы находим в описании «Бахрийе», эти «чертежи» входили в считавшийся полностью утерянным адмиральский атлас. Последний, как указывает Рейс, включал 20 различных карт:

«Чертил их бедный Пири Рейс, сын Хадши Мехмета, известный как племянник Кемаля Рейса, в городе Гелиболу (Галлиполи – А.Л.). Да благословит Господь их обоих, в месяц святого Мухаррема года 919 (9 марта – 7 апреля 1513 г – А.Л.).

В том же «Бахрийе» адмирал говорит, что при создании своего атласа использовал не собственные наработки, а уже нарисованные до него карты – от применявшихся в его время до гораздо более древних. Так, по словам восточного морехода, очертания побережья западного материка и близлежащих островов он позаимствовал с карты Христофора Колумба (до сих пор, кстати, не найденной). Некоторые другие первоисточники атласа Рейс относил к эре, называемой нами дохристианской, в частности, к IV её столетию (эпоха Александра Македонского, которому якобы один из них и принадлежал). Тем не менее, турецкий флотоводец категорически утверждает: «Карты, подобной этой, в настоящее время не имеет никто».

В чём же уникальность работы Пири Рейса?

В 1940-е ряд музеев и библиотек обзавелись крупномасштабными копиями сохранившихся фрагментов его атласа. А десятилетие спустя, в 1954 г, такие же листы оказались на

письменном столе у одного из опытейших специалистов по древним морским картам – американца Арлингтона Хамфри Мэллери. Он-то и обнаружил на этих листах «то, чего не может быть» – изображения островов, береговых линий и даже целых континентов, которые в 1513 г не были ещё открыты!

Если сведения о Южной Америке, неизвестные современникам Пири Рейса, турок мог теоретически (хотя не совсем понятно – как именно) получить от Колумба (тот вернулся из своего последнего плавания в 1504 г), то от кого «сын Хадши Мехмета» мог узнать о существовании Антарктиды, открытой через 300 лет после завершения Рейсом работы над атласом? Гениальное предвидение? Подтвердившаяся гипотеза? Но откуда такая точность воспроизведения деталей, такие удивительно знакомые географам XX в очертания?

Чувствуя, что за всем этим скрывается нечто экстраординарное, Мэллери показал копии карт своему коллеге Уолтерсу, работавшему в Гидрографическом институте ВМС США. Тот, изучив артефакты, также был изумлён. Даже если не принимать во внимание то «незначительное» обстоятельство, что на картах начала XVI в Америка в ТАКОМ виде просто не фигурировала (у Рейса воспроизведено в невероятных для его времени подробностях не только восточное побережье южноамериканского континента, но и горная цепь Анд в совсем тогда неисследованной западной части материка, и река Амазонка), поражала точность отображения как расстояний между Старым и Новым Светом, так и местоположения ряда островов (Канарских, Азорских и открытых только в 1592 г Фолклендских!).

Рисунок 3. Фрагмент карты Пири Рейса. Сравнение изображений Южной Америки на карте Пири Рейса и на современной карте

Правда, американских картографов несколько смутили присутствовавшие у Рейса искажения – например, Южной Америки в продольном направлении. Было похоже, что турок пользовался какой-то необычной системой координат. Мэллери и Уолтерс предположили, что он исходил из представления о Земле как о диске, и изготовили сетку, позволявшую перенести начерченные Рейсом карты на сегодняшний глобус. И тут их изумление перешло всякие границы.

Оказывается, не только линия берегов обеих Америк, но и очертания Антарктиды почти полностью совпадали с теми, которые мы имеем СЕГОДНЯ!

Возникало ощущение, что Пири Рейс, вычерчивая свои карты, руководствовался современными знаниями о морях и континентах. Ошарашенные исследователи буквально по миллиметрам сравнивали древний «чертёж» с профилями земель, полученными с помощью аэрофотосъёмки, съёмки под водой в инфракрасных лучах, посредством измерений глубин судовыми эхолотами и с использованием других новейших технических средств. Совпадение за совпадением! Были, правда, и отличия: сейчас архипелаг Огненная Земля отделён от Антарктиды суровыми водами пролива Дрейка, а у Пири Рейса он соединён с «ледяным континентом» какой-то полоской суши. Но вот что интересно: по современным геологическим данным такой «сухопутный мост» между Южным материком и Огненной землёй действительно существовал! Но было это... приблизительно 11 000 лет назад, ближе к концу ледникового периода. И этот исчезнувший задолго до появления первых «цивилизованных государств», не говоря уже об экспедициях в высокие южные широты, кусок суши мы находим на карте начала XVI века!

Не менее удивительно и то, что Пири Рейс скрупулёзно воспроизвёл острова, заливы, другие изгибы береговой линии и даже горы Антарктиды, которые и сегодня не видны «невооружённому глазу»: их скрывает толстый ледяной покров.

В 1957-м, объявленном Международным геофизическим годом, к исследованию таинственных документов подключился директор обсерватории Уэстон и картограф американских ВМС Пейтер Лайнхем. Его заключение было аналогичным: карты трёхсотлетней давности содержат «непостижимо» достоверную информацию, которая в части «шестого континента» стала известна даже нам, людям XX столетия, только после шведско-норвежско-британских экспедиций в Антарктику в 1949 и 1952 годах!

Для полноты картины приведём фрагменты стенограммы выступления Мэллери и Лайнхема 28 августа 1956 г в Джорджтаунском университете (Уоррен – фамилия председательствующего на слушаниях):

Уоррен:

«Нам сегодня трудно понять, как картографы могли быть настолько точны за столько столетий до нас, тогда как мы лишь недавно изобрели современный научный метод картографии».

Мэллери:

«Конечно, это была проблема, над которой мы ломали головы... Во всяком случае, мы не можем себе представить, как им без самолёта удалось составить такую точную карту. Однако факт остаётся фактом: они её составили, и не только это, они абсолютно точно определили градусы долготы, а мы научились этому около двухсот лет тому назад».

Уоррен:

«Пейтер Лайнхем, Вы принимали участие в сейсморазведке Антарктики. Разделяете ли Вы энтузиазм относительно этих новых открытий?»

Лайнхем:

«Конечно, разделяю. С помощью сейсмического метода мы обнаружили вещи, которые, по-видимому, подтверждают множество набросков, сделанных на картах: массивы суши, проекции гор, морей, островов.. Я думаю, с помощью сейсмического метода мы можем освободить ото льда эти земли, которые обозначены на карте, и это докажет, что эти карты ещё более правильны, чем мы склонны сейчас думать».

Впоследствии артефактами заинтересовался человек, которого часто называют «отцом картографии»: профессор Кинского колледжа (Нью-Хемпшир, США) Чарльз Хатчинс Хэпгуд. Ещё в конце 1959 года в Библиотеке конгресса в Вашингтоне он обнаружил карту, нарисованную в 1531 г Оронтеусом Финиусом. Там тоже была показана Антарктида с побережьем, реками и горными массивами, ныне неразличимыми под толстым слоем льда. Правда, рельеф

центральной части материка у Финиуса отсутствует, из чего Хэпгуд заключил, что на момент создания карты (точнее, её первоисточника) там уже имелась ледяная «шапка».

В 1949 г экспедиция адмирала Бэрда занималась буровыми работами в море Росса – примерно там, где у Финиуса обозначены речные русла. В процессе бурения исследователи наткнулись на основательно перемешанные отложения мелкозернистых пород, которые могли быть принесены в море только реками, текущими из умеренных (лишённых ледяного покрова) широт. Изобретённый доктором У.Д.Ури радиоактивный метод датировки позволил сотрудникам Института Карнеги в Вашингтоне более или менее точно установить время, когда формировались пласты этих отложений. Выяснилось, что изображённые Финиусом реки протекали по территории Антарктиды приблизительно 6 тыс. лет назад (в официальной историографии это примерно соответствует времени зарождения первых земных цивилизаций – шумерской и египетской). И лишь позже, около 4000 г до н.э., после длительного тёплого периода, на дне моря Росса стали скапливаться осадки «ледникового типа».

И вот тот же Хэпгуд, пытавшийся разгадать загадки карты Финиуса, узнаёт о существовании ещё одной аналогичной карты, датируемой, к тому же, более ранним временем! Выказанный американским учёным живой интерес в данной ситуации, разумеется, вполне понятен.

После продолжительной переписки с личным составом занимавшейся картографированием Антарктики 8-й эскадрильи технической разведки Стратегического командования ВВС США, профессор 6 июля 1960 г получил от их командира подполковника Гарольда З. Олмейера письмо, в котором говорилось:

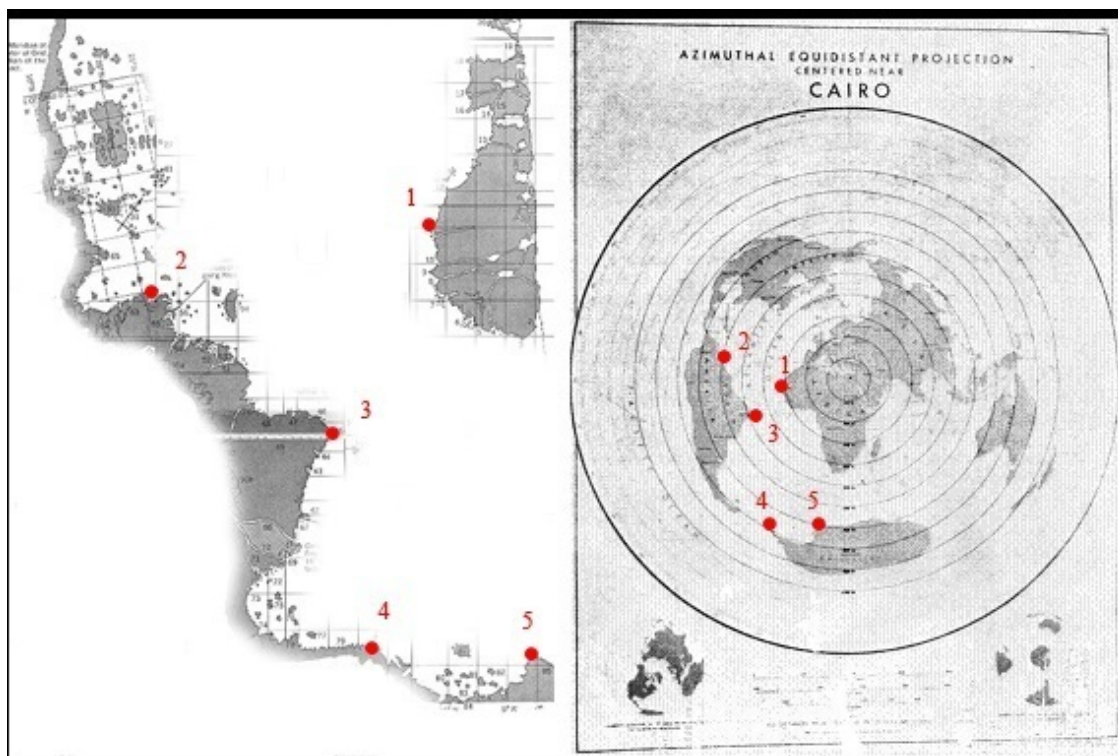
«По всей видимости, береговые линии были нанесены на карту ДО ТОГО, КАК АНТАРКТИКА ПОКРЫЛАСЬ ЛЬДОМ (выделено мной – А.Л.). Толщина льда в этой области составляет сегодня около одной мили (1609 м, если миля сухопутная; если морская, то 1853 м – А.Л.). Мы не представляем, как данные этой карты можно согласовать с географическими знаниями, имевшимися в 1513 г».

Пожалуй, и у Федота-стрельца были все основания заинтересоваться картой Рейса... Правда, не факт, что, получись у героя филатовской сказки каким-нибудь образом ею завладеть и доставить её царю, последний, не отличавшийся, по сюжету, большим умом, понял бы, что именно ему принесли.

Но как же всё-таки объяснить столь удивительную осведомлённость средневековых картографов? Откуда получили они информацию, которой человечество, как принято считать, не имело до конца 40-х – начала 50-х годов XX в? Кто был автором тех карт или иных документов, которые послужили первоисточниками для использовавшихся Пири Рейсом и Оронтеусом Финиусом?

Убедительно ответить на эти вопросы, не выходя за рамки ограничений, налагаемых неприкосновенными для современной официальной науки догмами, не представляется возможным. Только один пример: сотрудники технической разведки ВВС США определили центр проекции карты Пири Рейса. При взгляде на предложенную ими схему возникает ощущение, что оригиналом для неизвестного далёкого предшественника турецкого адмирала послужил... фотоснимок, сделанный с орбиты Земли примерно над тем местом, где сегодня расположен город Каир!

Как это согласуется с нашим школьным курсом истории?

Рисунок 4. Азимутальная проекция и карта Пири Рейса

Будем исходить из того, что карты Рейса и Финиуса не являются фальшивками. Подлинность османских карт неоднократно была подтверждена не только в Турции – в частности, графологической экспертизой заметок на полях. Что касается работы Финиуса, то ещё в том же XVI в она была включена в знаменитый двухчастный «Атлас, или Космографические соображения о сотворении мира и вид сотворенного» (1585–89), изданный небезызвестным Герардом Кремером, вошедшим в историю под фамилией Меркатор. Это говорит о безоговорочном доверии к Финиусу великого учёного.

Итак, мы имеем, одновременно, и подлинные исторические документы, и «то-чаво-не-может-быть» в соответствии со сформированными у нас представлениями. Столкнувшись с такой комбинацией «очевидного и невероятного», Хэпгуд решил исходить из первого, т.е. из очевидности, и предложил смелую гипотезу. Согласно ей, 10 000 – 6000 лет назад, т.е. ещё до шумеров и египтян, на нашей планете уже существовала высокоразвитая цивилизация, прекрасно знавшая географию и овладевшая искусством не только мореплавания, но и воздухоплавания.

Как здесь не вспомнить легенды о древнейших «працивилизациях», погибших в результате планетарных катастроф или каких-то иных неведомых напастей ещё до известной нам записанной всемирной истории – Атлантиде, Лемурии, Пацифиде? Может быть, в этих легендах есть доля истины?

Ещё дальше пошёл швейцарский писатель, кинорежиссёр и независимый исследователь Эрих фон Дэникен, известный как один из наиболее последовательных пропагандистов теории палеоконтактов (т.е. посещения нашей планеты в доисторическом прошлом разумными существами внеземного происхождения). Он, вполне ожидаемо от апологета такой концепции, задался вопросом: а землянами ли вообще были созданы пресловутые первоисточники географических артефактов?

«Карты Пири Рейса, – пишет фон Дэникен, – убедительное косвенное доказательство в пользу моей теории давнего визита из космоса. Мне совершенно ясно: инопланетяне с орбитальных станций провели картографирование планеты; во время визита они подарили карты

одному из предков; в качестве священных реликвий они сохранялись на протяжении тысячелетий и, наконец, попали в руки к ловкому адмиралу. Составляя свой атлас, он понятия не имел о том, что изображает. Правда, карты турецкого адмирала не являются оригиналом: это копии с копий и ещё раз копии с копий². Однако кто бы ни сделал их несколько тысячелетий тому назад, он должен был уметь летать и фотографировать!

Несомненно, от такого утверждения у некоторых захватывает дух. Древние карты, сделанные с больших высот, – это мысль, которую лучше не додумывать до конца. Иногда мне кажется, будто человек боится, что исчезнет туман, покрывающий его прошлое, потому что со школьной премудростью так хорошо и спокойно живётся...»

При всей «экзотичности» идей Хэпгуда и фон Дэникена нельзя, если быть до конца честным, не признать, что никаких более «приземлённых» (опять-таки в прямом смысле слова) версий происхождения карт Рейса и Финиуса официальная наука пока предложить не в состоянии. А потому, дабы не уподобляться филатовскому царю, не будем «с порога» отвергать и такие вот неординарные гипотезы по известному принципу «быть не может, потому что не может быть никогда».

Лучше вспомним давно установленные и никем не оспариваемые факты из истории поиска «шестого» континента нашей планеты – так называемой «Неизвестной южной земли» (*Terra Australis Incognita* на латыни). О них и пойдёт речь ниже.

---

² Этим, по мнению Ч.Х.Хэпгуда, объясняется ряд ошибок на картах Пири Рейса. Американский учёный считал, что образцы, на основе которых вычерчивались предшествовавшие турецким карты, отличались намного большей точностью, поскольку их создатели, кто бы они ни были, знали форму и размер Земли, применяли методы сферической тригонометрии и измерили окружность экватора с точностью до примерно 100 километров. Пири Рейс же, копируя несохранившиеся изображения, допустил ошибки потому, что не владел приёмами «доисторических» картографов. Вместе со своими студентами Хэпгуд разработал методику исправления сделанных в XVI столетии ошибок и с её помощью, как он сам полагал, приблизил изделия Рейса к уровню точности их древних оригиналов.

Глава 2. Древние мыслители и «Неизвестная Южная земля»

По мнению большинства историков, мысль о шарообразности нашей планеты первым высказал грек Парменид, живший в конце VI – начале V в до н.э. По Эвдоксу Книдскому (ок. 406 – 355 г до н.э.), на Земле существуют два огромных массива суши: ойкумена, или населённая людьми территория в северном полушарии, известная грекам, и пока неизвестная им, но сопоставимая с ойкуменой по размерам и тоже обитаемая «твёрдь» – в южном. Это мнение Эвдокса, как и многие другие его воззрения, разделял Аристотель – один из величайших учёных античности (384 – 322 гг до н.э.).

Во II в до н.э. наибольшую популярность в качестве пропагандиста гипотезы «Неведомой южной земли» приобрёл хранитель царской библиотеки в Пергаме Кратес (Кратет) Милосский. Где-то между 168 и 165 годами до н.э. он сделал большой глобус и обозначил на нём маршруты персонажей эпических поэм Гомера «Илиада» и «Одиссея» – Улисса (Одиссея) и Менелая.

На глобусе Кратеса океан занимает всё пространство между северным и южным тропиками, или «жаркий необитаемый пояс», а также располагается в направлении с севера на юг от полюса к полюсу – причём воды, близкие к полюсам (за полярными кругами) показаны как замёрзшие. В границах этого «меридианального» океана живут, по Кратесу, такие упоминавшиеся в «Одиссее» племена, как «не знающие ночи великаны», или «не знающие дня керберийцы» (в современном прочтении – киммерийцы). Первые якобы населяют области «кратчайших» ночей, т.е. север Европы, известный древним по рассказам великого греческого путешественника и учёного Пифея, действительно побывавшего в тех землях ещё во 2-й половине IV в. до н.э. Киммерийцы же и вовсе обитают на полюсе, где ночь продолжается 6 месяцев, а остаток года занимает «мрачный день».

Рисунок 5. Глобус Кратеса

По словам древнегреческого географа Страбона, для изображения Земли необходим шар «наподобие шара Кратеса», но для того, чтобы изображение объектов на поверхности планеты было относительно отчётливым, шар этот должен иметь размер «не менее десяти футов (примерно 3 м 5 см – А.Л.) в диаметре».

Для нас, однако, глобус Кратеса особенно интересен тем, что на нём видны 4 материка – 2 в северном полушарии и 2 в южном, – формирующих по одной населённой людьми полосу суши на каждое полушарие. Философ и географ Посидоний (ок. 135 – 51 гг до н.э.) тоже полагал, что непременно должна существовать не просто пригодная для жизни, а реально обитаемая полоса земли на юге, ибо, по его словам, «природа любит жизнь» и не терпит пустоты. Он оперировал понятиями «антэки» («живущие напротив»), которых также называл «эффиопами», и «антиподы» («под ногами»). Последние якобы могут ходить по суше, живя «под нами», и не падать в небо, потому что все тяжёлые тела притягиваются к центру земного шара (!)

Аналогично рассуждал самый известный в истории ученик Посидония – римский философ, оратор и политик Марк Туллий Цицерон (106 – 43 гг до н.э.). Персонаж его произведения «Сон Сципиона» слышит во сне исходящую от звёзд музыку и видит Землю – шар с четырьмя разделёнными океанами «мирами» суши, один из которых – это знакомая уже нам ойкумена, а в других тоже живут люди. В этой картине мира обитаемые территории от Иберии

(Испании) до индийской реки Ганг охватывают часть северного полушария, где есть ещё один континент с населением, состоящим из пэриэков («рядом живущих»). А в «не известном нам южном поясе, который греки именуют противоположной землёй», живут народы, названные Посидонием «антэки» и «антиподы» (см. выше).

Интересно, что многие средневековые учёные мужи знали сочинения Цицерона в основном по комментариям к ним, сделанным примерно в начале V в н.э. римским грамматиком Амвросием Феодосием Макробием. Этот последний выделял на поверхности шарообразной Земли климатические пояса, причём считал жаркий пояс непригодным для обитания и препятствующим общению жителей ойкумены с жителями умеренного пояса на Юге, т.е. с “transversi” («живущими напротив») и “obliqui” («антиподами»), которые не могут упасть с поверхности противоположного полушария в небеса: ведь никто не падает вверх!

Однако мы забегаем вперёд. Хронологически следующим в нашем списке должен идти первый античный географ, чей труд целиком сохранился – Помпоний Мела (I в н.э.) родом из Южной Испании. Он утверждал, что не до конца, но хотя бы отчасти изученные тогда Европа, Азия и Африка отделяются на юге водами трёх морей (Эфиопского, Красного и Индийского) от некоей тоже окружённой водой неизведанной земли, населённой «антихтонами» («противо-живущими»). При этом Мела ссылаясь на мнение выдающегося античного учёного Гиппарха (160 – 125 гг до н.э.), предполагавшего, что Тапробан (Шри-Ланка, он же Цейлон) – не большой остров, а северная оконечность материка «антихтонов». Сам Мела допускал, что в той же земле «противоживущих» расположены истоки Нила, якобы уходящего там под землю и несущего свои воды в северное полушарие... под дном экваториального океана. В соответствии с этой гипотезой, летние разливы реки, снова выходящей из-под земли уже в Ливии, объясняются обилием зимних дождей в тех самых «нижних» странах.

Развивая гипотезу об антиподах, римский учёный Плиний Старший (23 – 79 гг н.э.) писал о недостатке просвещения у людей, спрашивающих, почему эти «подножные» (для северян) обитатели южного умеренного пояса не падают с земной поверхности. С тем же успехом, говорил он, и антиподы могут спросить, почему не сваливаются в небо жители ойкумены.

Так мы постепенно подошли к воистину эпохальному труду «Руководство по географии» астронома и картографа из Александрии Клавдия Птолемея, состоявшему из 8 частей и демонстрировавшему всеобъемлющую, как представлялось в то время (II в н.э.), картину земной поверхности.

Птолемей привёл около 8 тысяч названий различных объектов (рек, заливов, гор, городов) – от Скандинавии до верховьев Нила, от Атлантического океана до земель Индокитая, – а для многих также указал, определив посредством астрономических наблюдений Солнца и других звёзд, географические координаты.

«В самый подходящий момент, когда максимально раздвинулись пределы известного древним мира, великий гений Птолемея объединил в одно целое всю совокупность географических знаний и подал их в блестящей рамке широких обобщений. Несмотря на допущенные ошибки, мир по Птолемею всё же просуществовал целых 1250 лет как всеми признанный высший предел познания лика Земли. Вплоть до XVI в труд Птолемея оставался, можно сказать, библией географических знаний, служившей основой для всех дальнейших исследований», – отмечал авторитетный историк и специалист по древней географии Р.Хенниг.

К своему труду александриец приложил 27 созданных им самим карт, в том числе подробную карту мира. Для этой последней учёный разработал особую картографическую проекцию, вошедшую в историю как проекция его имени. И хотя система географических координат применялась и до него (Марином Тирским и некоторыми другими античными географами), Птолемей основательно её усовершенствовал и использовал на своей карте параллели и меридианы. Ничего подобного этому прежде никто не вычерчивал, и более того – никто вплоть до XV в не сделал ничего лучше.

Рисунок 6. Клавдий Птолемей

Что же мы видим на карте Птолемея? Здесь изображены 3 основных части света: Европа, Азия и Ливия, т.е. Африка. Атлантический океан омывает Европу и Ливию с запада, а вот Индийский океан по Птолемею – вообще фактически не океан, а гигантское озеро, замкнутое с юга огромным массивом суши. Этот последний именуется Terra Incognita (англ. Unknown Land – «Неведомая земля») и соединяет Ливию с Азией. Северное побережье «Неведомой земли» лежит примерно на 11 градусах южной широты. Атлантический океан тоже замыкается с юга – берегом Ливии, поворачивающим на запад южнее экватора и достигающим до левой кромки карты. На севере же Европы суша упирается в верхнюю кромку восточнее Балтийского моря (у Птолемея «Венедский залив»).

Рисунок 7. Карта Птолемея

Обратите внимание, как близко на шарообразной поверхности Земли находится запад Европы (особенно Пиренейский полуостров) от востока Азии. Возможно, именно эта ошибка Птолемея, перешедшая в труды более поздних географов, внушила Колумбу мысль достигнуть берегов Индии, Китая и Японии западным путём.

Извлечённые из архивов в XX в карты Оронтеуса Финиуса и Пири Рейса (см. главу 1) позволяют предположить, что отрывочные и очень неопределённые сведения об Антарктиде могли дойти уже и до кого-то из античных географов. Но и из карты Птолемея, и тем более из работ его предшественников видно, что никакой сколько-нибудь точной информации о реальных размерах и форме далёкой «Неизвестной земли» у этих учёных не было, что их представления даже об уже известных тогда материках были, во многом, чисто умозрительными, не подкреплёнными никакими открытиями современных им экспедиций³.

Сказанное отнюдь не умаляет заслуг древних мыслителей. Трудам Амвросия Макробия, Помпония Мелы и (главным образом) Птолемея человечество обязано гипотезой о существо-

³ Приходится делать такое уточнение, когда сталкиваешься в том же интернете с опусами, имеющими крайне претенциозные заголовки вроде «Тайна старинной карты РАСКРЫТА» (речь идёт о карте Пири Рейса, о которой говорится в главе 1). Начиная читать подобные статьи, очень скоро убеждаешься, что их авторы пытаются не докопаться до истины, а любой ценой, путём каких угодно натяжек и даже подтасовок, свести всё непонятное к уже известному и привычному. В интересующем нас случае это выглядит так: южный материк изображался на картах и во времена Пири Рейса, и задолго до него, это была просто догадка, которая «понравилась» многим учёным, а значит, карта Рейса не представляет собой ничего необычного. Сии, с позволения сказать, исследователи элементарно игнорируют тот факт, что по-настоящему удивительным в турецкой карте является не присутствие на ней «шестого континента», а то, с какой невероятной ДАЖЕ ДЛЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА достоверностью он изображён! Об ошибках и искажениях на карте также см. в предыдущей главе.

вании в Южном полушарии нашей планеты огромного континента, за которым закрепилось название Terra Australis – «Южная земля». Эта гипотеза просуществовала до последней трети XVIII в и определила направление поисков многих выдающихся мореплавателей как позднего Средневековья, так и Нового времени.

Глава 3. В поисках неведомого материка

Представление о наличии к югу от экватора населённого массива суши перекочевало из трактатов античных мыслителей в рукописи средневековых европейских «книжников». В эпоху Ренессанса ряд учёных полагали, что некий огромный материк – Terra Australis – простирается от субэкваториальных областей до самого Южного полюса.

Это представление было опровергнуто морскими путешествиями португальцев в конце XV в – Бартоломеу Диаша в 1488 г и особенно Васко да Гамы в Индию в 1497 – 1498 гг в обход открытого Диашем южного африканского мыса. Последнее доказало, что Африка, во всяком случае, ни с каким другим континентом на юге не соединяется.

В результате на картах мира условно изображаемые берега «Неведомой земли» – Terra Incognita – существенно сместились вниз. В 1515 г Иоганн Шёнер на своём глобусе впервые в эпоху Великих географических открытий изобразил этот материк в виде гигантского разомкнутого кольца суши, охватывающего океан, якобы расположенный в области противоположного Северному полюсу планеты. По Шёнеру, кольцеобразный континент отделялся проливом от «Бразилии», т.е. уже известной тогда территории Южной Америки.

Правоту Шёнера вроде бы подтвердило кругосветное плавание под началом Фернандо Магеллана, завершившееся 6 сентября 1522 г возвращением лишь одного из пяти судов – каракки «Виктория» (капитан – Хуан Себастьян де Элькано). Магеллан действительно увидел к югу от американского континента землю и даже дал ей название – Tierra Del Fuego (Огненная Земля) – потому что ночью на южном берегу открытого им пролива наблюдались многочисленные огоньки костров. Географы начала XVI в приняли этот берег за север той самой Terra Australis. В 1570 г она появляется, в нарочито детализированном виде, на карте фламандца Авраама Ортелия.

Рисунок 8. Фернандо Магеллан

Однако уже в 1578 г английская военно-морская экспедиция Френсиса Дрейка обнаружила к югу от Огненной Земли океанские воды. Это заставило учёных мужей пересмотреть свои взгляды в том смысле, что неизвестный континент, если таковой существует, располагается южнее, чем думали после плавания да Гамы, а Огненная Земля – вероятно, не выступ материкового побережья, а просто архипелаг.

Тем не менее, гипотеза продолжала жить и даже получила нечто вроде теоретического обоснования. Великий географ Герард Кремер, более известный как Меркатор, не только нанёс «Неведомую землю» на карту своего «Атласа, или Космографических соображений о сотворении мира и вида сотворённого» (1585–89), но и утверждал, что в южном полушарии просто не может НЕ быть такого материка, поскольку без него нельзя было бы уравновесить колоссальный объём суши северного полушария. Как видим, делается попытка развить древнюю идею симметричного расположения суши на нашей планете (см. главу 2).

Между тем в 1616 г голландская экспедиция Ле-Мера-Схаутена открывает мыс Горн, самую южную точку Америки (как части света) и Огненной Земли, в результате чего стано-

вится совершенно ясно, что последняя – архипелаг, южнее которого, как мы знаем теперь, лежит 1000 км океанских вод, получивших название пролива Дрейка.

Возможно, лишь отступление от первоначального плана кампании не позволило самому Френсису Дрейку окончательно убедиться в том, что весь юг Огненной Земли омывается водами. По крайней мере, найденные в прошлом веке профессором Тэйлором документы, относящиеся к плаванию Дрейка в 1577 – 1580 гг, вроде бы свидетельствуют, что изначально предполагался не (реально состоявшийся) поход англичан к Молуккским островам, а исследование побережья «неизвестной земли» с карты Ортелия. Но товарищи Дрейка по плаванию не советовали ему делать таких попыток, поскольку, по их мнению, непрерывные и очень сильные встречные ветра в этой части Тихого океана не дали бы кораблям возможности пройти на запад вдоль таинственных берегов.

Рисунок 9. Сэр Френсис Дрейк

В Восточном полушарии также находили земли, производившие впечатление оконечностей или выступов Terra Australis Incognita – «Неведомого Южного материка». 1 ноября 1542 г эскадра Руя Лопеса Вильяловоса в составе 6 судов (4 больших, 2 малых) отправилась из испанской Мексики в Тихий океан с целью поиска новых территорий и овладения ими. Мореплаватели открыли несколько островов, относимых сейчас к Маршалловым и Каролинским, достигли уже принадлежавших тогда Испании Филиппин, потом дошли до Молуккских ост-

ровов. Оттуда командир Вильяловос отослал обратно в Мексику судно под командованием Иньиго Ортиса Ретеса. Тот решил идти на восток в экваториальных водах и в результате вышел к северо-западному берегу какой-то земли (вообще-то, открытому ещё в 1526 г португальцем Жоржи Минезишем). Ретес прошёл вдоль северного побережья этой очень большой суши на юго-восток, по его подсчётам, лиг 230 (ок. 1400 км), видел вдали высокие горы, много раз высаживался на берег, а иногда вынужден был со своей командой отражать нападения темнокожих туземных воинов, выходивших в море на крупных лодках с высокими надстройками. Испанскому капитану, видимо, эти люди показались похожими на африканцев из Гвинеи – почему он и назвал всю землю Новой Гвинеей. Сменив юго-восточное направление на северное, Ретес вскоре вынужден был уступить желанию измученного экипажа и возвратиться на Молуккские острова.

Первым, кто обозначил на карте землю под названием Новая Гвинея, был упоминавшийся выше Г.Меркатор (в 1569 г, ещё до издания знаменитого «Атласа») – и буквально все картографы тогдашней Европы сочли эту сушу частью Южного материка. Особый интерес к ней проявили испанцы, предположившие, что оттуда можно вывезти немало золота и чернокожих рабов, дабы заменить последними «слабосильных», во множестве умиравших на вестиндских плантациях и в перуанских рудниках индейцев.

19 ноября 1567 г из порта Кальяо (Перу) отбыли 2 судна под началом Альваро Менданы де Нейры, имевшего приказ найти «известные острова и континент» в Южном океане, «поскольку многие очень опытные в математике мужи вывели заключение, что таковые должны находиться в тех местах». 15 января 1568 г испанцы открыли обитаемый коралловый островок с кокосовыми пальмами (возможно, один из островов Эллис), но не смогли высадиться на нём из-за препятствовавших ветров. Было это у 7 градусов южной широты, а 7 февраля юго-западнее, у 8 градусов, обнаружилась вроде бы «большая земля», отгороженная от моря барьером коралловых рифов, с населёнными чернокожими туземцами деревнями на берегу и поросшими тропическим лесом горами вдалеке. Это был остров Санта-Исабель. Высавившись здесь, люди Менданы соорудили маленький бриг для плавания между островами и уже на нём обошли прилегающие воды. В первом таком походе открыли большие острова Малаита и Гвадаканал на юго-востоке и Шуазель на северо-западе, во втором – юго-восточнее Санта-Исабели ещё один большой остров – Сан-Кристобаль. Однако туземцы вели себя агрессивно, и в августе эскадра Менданы отчалила от островов.

Обратный путь к американским берегам затянулся из-за ветров, вынудивших испанцев подняться из Южного полушария даже выше Северного тропика. Удлинение плавания привело к тому, что на кораблях начались голод и цинга, и прежде чем суда (в январе 1569 г) добрались до Мексики, экипажи их значительно поределели.

По возвращении в Перу Менданы заявил, что открыл, не много – не мало, страну Офир, откуда, по Библии, корабли царя Соломона привозили золото для декорирования Иерусалимского храма (отсюда название, данное им архипелагу – Соломоновы острова). Колониальные власти Менданы не поверили – уж слишком фантастично выглядели его предположения в сравнении с реально увиденным. Как говорилось в официальном сообщении, «хотя они и слышали о лучших землях, они не нашли ни золота, ни серебра, ни каких-либо товаров или... другого источника прибыли, и все встреченные ими туземцы были нагие дикари».

Но «вода камень точит», и через 25 лет (!) Менданы удалось-таки уговорить власти Перу снарядить новую экспедицию к тому же архипелагу.

5 судов отправились в путь 16 июня 1595 г, а 21 июля открыли самый юго-восточный остров архипелага, который называли Маркизскими островами (в честь маркиза Каньете, вице-короля Перу). Здесь произошло кровавое столкновение с туземцами, многие из последних были убиты и ранены. Пополнив на близлежащих островах запасы провизии, Менданы пошёл на запад. По пути к открытым 7 сентября и названным Санта-Крус островам один испанский

корабль бесследно исчез во время шторма. На островах от болезни умер сам Менданья, и его вдова донья Изабелла приняла на себя командование. Фактически, однако, эскадру дальше повёл португалец на испанской службе, бывалый моряк Педро Эрнандо Кирос.

10 февраля 1596 г, потеряв в пути ещё один корабль, прибыли на Филиппины, и лишь через 2 с половиной года добрались до Акапулько, в Мексике, на двух оставшихся судах.

Кирос убедил администрацию колонии назначить его начальником следующей посылаемой на поиск «Неведомой земли» экспедиции.

Отправившись в декабре 1605 г из Кальяо на запад, на трёх кораблях, испанцы в феврале 1606 г обнаружили в Южной Полинезии несколько атоллов в архипелаге, известном сейчас как Туамоту, а потом и другие острова, населённые стройными, красивыми людьми с тёмно-золотистой кожей. Когда 7 апреля моряки Кироса высадились на одном таком острове, чтобы пополнить запасы пресной воды и дров и набрать фруктов, тамошний вождь рассказал им о десятках малых островов немного к югу от этого и какой-то «большой земле» ещё южнее. Острова были уже известными испанцам Санта-Крус, но что за «большая земля» находилась за ними?

Кирос пошёл на юг и, в конце концов, достиг высокого берега, простиравшегося на юго-восток, насколько хватало глаз. Понятно, о чём думал командующий, когда его корабли заходили в глубокий залив, чтобы стать на якорь.

1 мая 1606 г испанцы впервые ступили на открытую землю. Кирос объявил её так долго разыскивавшимся материком и окрестил «Австралией Духа Святого». Он заложил на берегу первое христианское поселение, назвав его соответственно – Новый Иерусалим. Но уже через 5 недель после прибытия начальник экспедиции неожиданно вышел на одном судне из бухты и отправился назад в Америку. Хотя сам он утверждал, что просто отплыл в разведку и потом не смог возвратиться из-за сносившего его в открытое море сильного ветра, более вероятным представляется другое объяснение: он торопился заявить о своём открытии и личном праве на должность королевского наместника во вновь обрётённых землях.

Вернувшись, Кирос написал отчёты, в сравнении с которыми меркнут даже сочинённые намного позже истории барона Мюнхгаузена. Но колониальные чиновники не оценили по достоинству игру его воображения – тем более, что в следующем, 1607 г, они узнали о гораздо более – без всякого вымысла – значительном открытии.

Дело в том, что в Новом Иерусалиме Диего Прадо-и-Товар и Луис Ваэс Торрес, капитаны двух оставшихся там судов, занялись обследованием береговой линии «Австралии Духа Святого» и очень скоро выяснили, что никакой это не материк, а просто большой архипелаг (современные Новые Гебриды). Тогда они решили двинуться дальше на запад, первыми из европейцев вошли в Коралловое море и 14 июля на 11 градусах 30 минутах южной широты увидели землю, которую Торрес принял за берег Новой Гвинеи (на самом деле это тоже был остров, возможно, какой-то из Луизиад⁴). Продолжая путь к западу вдоль гряды коралловых

---

⁴ Точная идентификация открытых испанцами в XVI – XVII вв земель нередко затрудняется тем, что, как писал в 1820 г командир шлюпа «Мирный» в русской кругосветной экспедиции 1819 – 1821 гг лейтенант Михаил Петрович Лазарев, «все испанцами обрётённые острова, как найдено другими мореплавателями, означены на картах ошибочно не только на несколько градусов по долготе, но даже и по широте, а от того такие обретения испанцев отыскивать весьма трудно...». Там же Лазарев высказывает предположение о причинах такой неточности испанских карт: «Многие заключают, что испанцы при открытиях своих нарочно вымышляют ложные широты и долготы, дабы не допустить других морских держав воспользоваться сими обретениями, но я полагаю, что таковая неверность происходила всегда от недостатка нужных инструментов, а может быть, и самих познаний начальствовавших судами, ибо какие выгоды могли побудить испанцев скрывать положения некоторых голых островов, или, лучше сказать, камней, которые могут быть полезны токмо морским птицам». Однако даже из упомянутых в данной главе фактов видно, что испанцы – от самих руководителей экспедиций (начиная с плававшего под флагом Кастилии и Леона Колумба) до правительств «католических королей» – действительно часто дезинформировали общественность о своих географических открытиях, а иногда и полностью их засекречивали. Это было связано именно с боязнью конкуренции, но если правительство имело в виду угрозу интересам государства, исходившую от других держав, то капитаны и флотоводцы опасались интриг и подвохов со стороны недоброжелателей и завистников из своего же окружения. Эти последние

рифов и островков, суда добрались, наконец, до берега, который уже бесспорно принадлежал Новой Гвинее. По-прежнему держа курс на запад, капитаны следовали вдоль южного побережья этого самого большого после Гренландии острова нашей планеты, пока не убедились, что на юге он не соединяется с сушей.

Учёный мир узнал о результатах плавания Торреса только через 150 с лишним лет, поскольку информация о них была засекречена правительством Испании. Примерно в 1765 г английскому гидрографу Александру Далримплу посчастливилось стать обладателем копии написанного Торресом отчёта, и именно Далримпл предложил назвать именем этого капитана пролив между Новой Гвинеей и Австралией. Но факт наличия такого пролива подвергался сомнению вплоть до первого кругосветного плавания Джеймса Кука (1768 – 1771 гг), в ходе которого открытие Торреса было подтверждено.

В 1610-х – 1640-х годах новую информацию для размышления дали европейским географам голландские мореплаватели, открывшие и отметившие на картах некоторые участки западного, северо-западного и юго-западного побережья Австралии и назвавшие всё это в совокупности Новой Голландией.

В очередной раз неизвестная ранее и не исследованная до конца на тот момент земля была принята за выступающую к северу часть обширного материка. Но полученные к тому времени сведения об этой «части» (якобы протянувшейся от Новой Гвинее до места, где южный австралийский берег пересекается с меридианом 133 градуса 30 мин. восточной долготы) не позволяли сделать какие-либо конкретные выводы о размерах, населении и природных богатствах всего гипотетического континента. Вот почему в 1642 г, по повелению Антона Ван-Димена, верховного правителя голландской Индонезии, из столицы последней Батавии (сейчас Джакарта, столица независимой Индонезии) вышли к острову Маврикий 2 корабля. Командовал ими талантливый навигатор Абель Тасман. Задание его было традиционным для тогдашних исследователей южных вод: попытаться найти неизвестный материк и возвратится на остров Яву, конкретнее в Батавию, по возможности обогнув Новую Голландию с юга и пройдя возле Соломоновых островов.

пользуясь коррумпированностью госаппарата, могли добиться, например, назначения себя на высокие посты в подлежащих колонизации землях в обход имевших на это законное право первооткрывателей – и присвоить, таким образом, плоды трудов мореходов. Отсюда – попытки навигаторов скрыть от посторонних данные о местоположении обнаруженных в плаваниях островов, архипелагов, исследованных территорий и т.п. и обнародовать вместо них ложные сведения, которыми никто не смог бы воспользоваться. Ведь точные координаты даже какой-нибудь бесполезной в практическом отношении скалы могли бы упростить последователям первооткрывателя поиск другой виденной им суши! Теми же соображениями объясняется, по-видимому, поспешность возвращения в Америку капитана Кирса в 1606 г.

Рисунок 10. Абель Тасман

Корабли Тасмана оставили Маврикий 8 октября. Поначалу шли на юг, потом на восток, используя западные штормовые ветра между южными 44-й и 49-й параллелями. 24 ноября увидели возвышающиеся над волнами берега какой-то земли, названной Тасманом Ван-Дименовой (современный о-в Тасмания) и принятой им за южный выступ Новой Голландии.

Плавание на восток продолжалось, и 13 декабря глазам голландцев предстала ещё одна незнакомая земля – Южный остров Новой Зеландии, и на ней – горы, Южные Альпы. Пройдя примерно 600 км вдоль берегов, моряки 18 декабря впервые встретились с новозеландскими аборигенами-маори. Лучше бы этой встречи не было: туземцы зверски убили трёх матросов, причём, как уверял Тасман, те не дали для нападения на себя абсолютно никакого повода.

Оставив эти, мягко говоря, негостеприимные берега, голландцы держали курс на север, потом на северо-восток, открыли острова Тонга и уже от них двинулись обратно на северо-запад. Миновали множество атоллов и коралловых рифов, открыли восточные острова архипелага Фиджи, затем взяли западнее и 22 марта 1643 г достигли, наконец, Соломоновых островов. Идя от них домой вдоль северного побережья Новой Гвинеи, исследовали 1000 его километров. В Батавию прибыли только 15 июня 1643 г.

Результаты экспедиции впечатляли: она убедительно доказала, что Новая Голландия – не часть тянувшейся до полюса суши, и «отодвинула» границу области Индийского океана, в которой была ещё надежда найти неизвестный континент, к югу от 45-й параллели. Оставался, однако, нерешённым вопрос о размерах и очертаниях открытой Тасманом Новой Зеландии. Сам голландский навигатор допускал, что она-то и есть настоящий берег Южного материка, и не желавшие отказываться от перспективы обнаружения, исследования и присвоения большого континента мореплаватели, учёные и политики охотно ухватились за это многообещающее допущение.

Поиски Terra Australis Incognita вступали в новую фазу.

Глава 4. XVIII век: конец «погони за призраком»?

В середине февраля 1684 г мимо мыса Горн шёл на захваченном им в предыдущем году в Гвинейском заливе голландском корабле английский пиратский капитан Джон Кук⁵. Сильный шторм, встретивший здесь «джентльменов удачи», отнёс их судно к 60 градусам 30 минутам южной широты. Благодаря Куку и плывшему вместе с ним моряку и учёному (впоследствии также командиру корабля) Уильяму Дампиру мир узнал, что и на этой параллели нет никакой земли, а пресловутый континент если и есть смысл искать, то ещё южнее.

В августе 1721 г в тех же широтах проходила эскадра из трёх кораблей, отправленная голландской Вест-Индской компанией на поиски материка в соответствующей части Тихого океана. Командовал эскадрой Якоб Роггевен. От мыса Горн он дошёл почти до 61 градуса южной широты, несмотря на препятствовавшие движению к югу сильные западные ветры и дрейфовавшие навстречу голландцам айсберги – плавающие ледяные горы, из-за которых морякам приходилось постоянно быть настороже. Наблюдая за этими глыбами, Роггевен, между прочим, сделал интересный вывод: «Такие массы льда могут дать только земли, где царит всеобщий холод».

Это действительно была замечательная догадка: приблизительно в 320 милях (ок. 593 км) к юго-востоку от достигнутой Роггевеном точки располагалась доходящая на севере до параллели 63 градуса 13 минут Земля Грэйама – узкая часть Антарктического полуострова.

Голландский мореплаватель, однако, не добрался до неё, а взял курс на северо-запад. В Тихом океане он открыл загадочный остров Пасхи, или, на туземном языке, Рапа-Нуи, с неизвестно кем и почему воздвигнутыми гигантскими каменными изваяниями. Были открыты и другие острова, но ничего похожего на материк Роггевен не обнаружил.

В 1730-х годах за дело берутся французы. «Пионером» можно считать Жана Батиста Буве де Лозье, посланного правительством в 1738 г с двумя кораблями искать неоткрытый континент в южной части Атлантического океана. 1 января 1739 г на 54°51' южной широты и 4° восточной долготы он увидел покрытую снегом землю и назвал её небольшой полуостров мысом Обрезания. Большинство географов с готовностью провозгласили найденную Буве землю материком, хотя полного единства во мнениях по этому вопросу ни в научных кругах, ни тем более среди моряков всё-таки не было. К тому же, Буве неправильно определил координаты виденной им суши, из-за чего она, так же, как открывавшиеся испанцами в XVI – XVII веках острова, «потерялась» для более поздних исследователей.

Первая французская кругосветная экспедиция на фрегате «Будэз» и транспорте «Этуаль» под командованием Луи Антуана де Бугенвиля в 1768 г повторно обнаружила в Меланезии землю, открытую в 1606 г «испанским португальцем» Педро Эрнандо Кирсом и названную тем «Австралией Духа Святого»⁶. Убедившись окончательно, что земля эта – остров, не имеющий никакого отношения к Южному континенту, Бугенвиль отправился дальше и в том же году, 28 июня, опять-таки повторно разыскал Соломоновы острова, «потерявшиеся» из-за, мягко говоря, неточного указания испанскими первооткрывателями их долготы⁷.

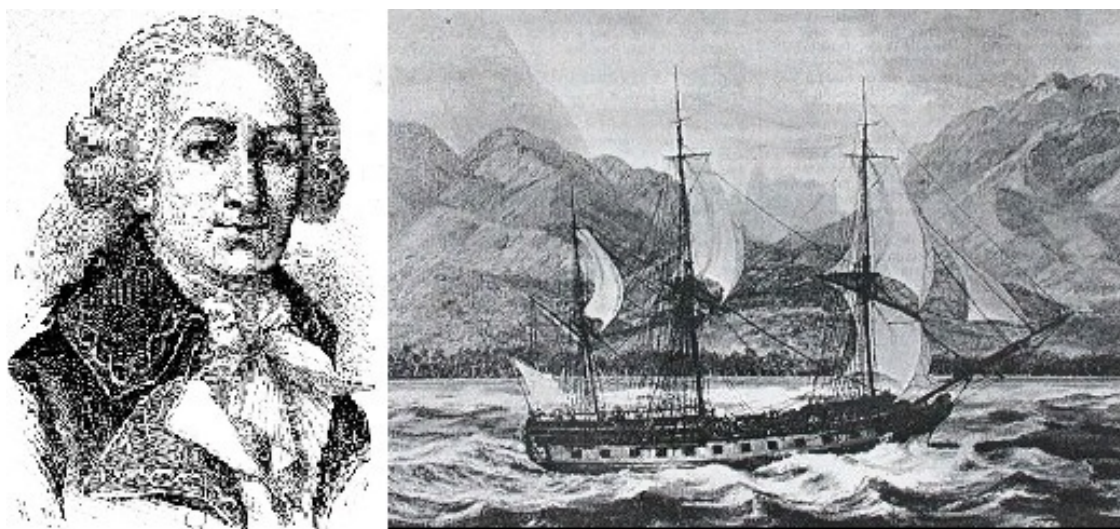
---

⁵ Не путать с Джеймсом Куком, о котором пойдёт речь ниже.

⁶ См. главу 3

⁷ См. примечание 4.

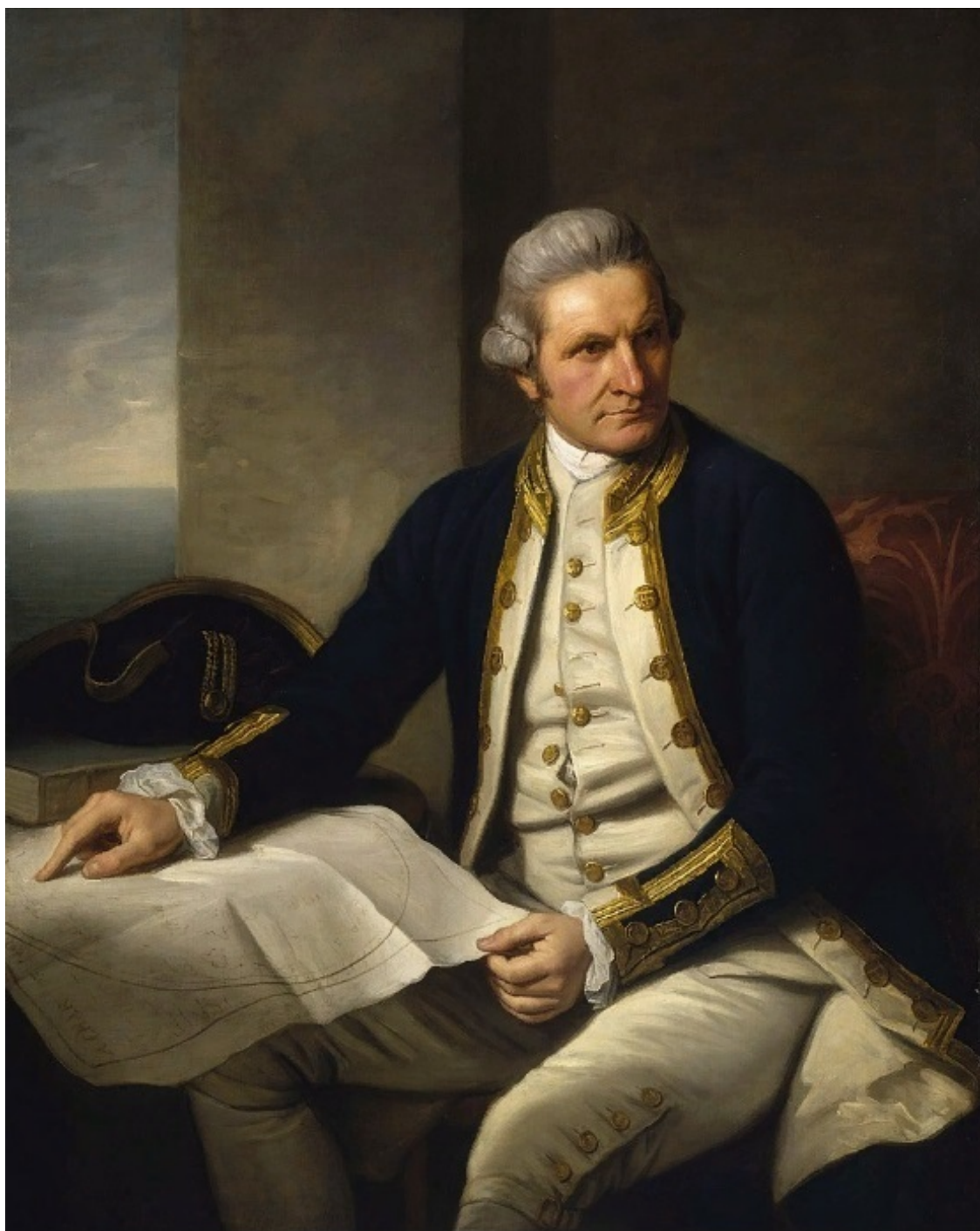

Рисунок 11. Луи Антуан де Бугенвиль и его фрегат «Будэз»

Следующей заметной вехой в истории исследования высоких широт Южного полушария Земли стало плавание Жана Франсуа Мари де Сюрвиля. Выйдя из Пондишерри, в Индии, 2 июня 1769 г на единственном судне, французский мореплаватель направился в Тихий океан. Там он проследовал вдоль гряды Соломоновых островов, дошёл до Северного острова Новой Зеландии и двинулся на восток в не посещавшихся до него европейскими судами водах между 30 и 40 градусами южной широты. Пройдя почти 5 тыс. миль (9265 км), он не заметил никакой суши и достиг в начале апреля побережья Южной Америки. Так Сюрвиль стал первым мореходом, пересекшим Тихий океан в южных широтах с запада на восток. Он основательно «уменьшил» в глазах географов воображаемую «Неведомую землю» и «сместил» её береговую линию ещё «ниже», за 40-ю параллель.

Англичанин Джеймс Кук справедливо считается величайшим мореплавателем эпохи Паруса и Географических открытий, и каждое из трёх его кругосветных путешествий заслуживает как минимум отдельного рассказа. Поэтому здесь мы остановимся только на имеющих прямое отношение к нашему предмету эпизодах этих без преувеличения исторических экспедиций.

Рисунок 12. Джеймс Кук

Плавание Кука в 1768 – 1771 гг было для англичан отнюдь не первым «вояжем вокруг глобуса» даже в XVIII столетии, но и название «очередное» для такого предприятия никак не подходит. Оно выделялось из общего ряда и характером запланированных исследований, и серьёзностью подбора участников, и тщательностью подготовки в целом.

Официально было объявлено, что британское Адмиралтейство просто предоставляет корабль в распоряжение Королевского общества (английский аналог Академии Наук). Военные моряки должны были доставить на один из тихоокеанских островов группу учёных (подчёркивалось, что в неё входил астроном Общества Чарльз Грин) для наблюдения за ожидавшимся 3 июня 1769 г редким явлением – прохождением планеты Венера через диск Солнца.

Фактически же вышеназванная задача была лишь второстепенной, маскирующей основную, сформулированную в секретной инструкции лордов Адмиралтейства для командира корабля.

Подлинной главной целью экспедиции было исследование неизвестных ещё южных областей Тихого океана и – в идеале – отыскание *Terra Australis Incognita*. Основным апологетом гипотезы о существовании «Неведомой земли» был в Великобритании гидрограф и астроном, член Королевского общества Александр Далримпл (см. о нём также в главе 3). Он, надо сказать, очень хотел сам возглавить эту экспедицию и был близок к осуществлению своего желания. Однако неадекватные требования Далримпла вроде присвоения ему чина капитана 1 ранга настроили против него первого лорда Адмиралтейства сэра Эдварда Хоука. Военно-морские чиновники решили задействовать кого-нибудь менее амбициозного, но желательного находившегося на службе в Королевском флоте.

Так на сцену вышел Кук – 40-летний моряк, показавший себя с наилучшей стороны во время и после Семилетней войны с Францией (1755 – 1763), но не имевший на тот момент ни офицерского чина, ни опыта командования каким-либо судном, превосходившим по размерам и дальности плавания вспомогательную шхуну. Он был в срочном порядке произведён в лейтенанты и определён командиром трёхмачтового барка «*Endeavour*» («Попытка») – судна, также скоропалительно переделанного под военное из обычного коммерческого углевоза водоизмещением 375 т.

26 августа 1768 г «*Endeavour*» вышел из порта Плимут. Кук пересёк Атлантику, посетил Бразилию, обогнул мыс Горн и стал на якорь у острова Таити, где и были произведены наблюдения за Венерой. Остров выбрали по рекомендации открывшего его де-факто в 1767 г английского капитана Сэмюэля Уоллиса, который, вернувшись из плавания как раз в разгар подготовки Адмиралтейством экспедиции Кука, уверял, что более подходящего для астрономов места, чем Таити, найти невозможно. Результаты наблюдений, правда, разочаровали научную общественность, но в этом не было вины моряков или приплывших с ними учёных: просто конструкция астрономических приборов в XVIII веке не позволяла добиться ничего лучшего.

Покинув Таити, Кук руководствовался в своих дальнейших действиях вручённой ему секретной директивой Адмиралтейства. Он тщательно обследовал побережье Новой Зеландии, фактически открыл её Южный остров (приблизившийся к нему 13 декабря 1642 г Абель Тасман осмотрел лишь небольшой фрагмент его береговой линии и даже не понял, что перед ним – остров или континент⁸) и, обойдя его, доказал тем самым, что и Новая Зеландия – отнюдь не выступ большого материка. Более того: пройдя на «*Индеворе*» в 30-х – 40-х широтах, он «похоронил» надежды европейских учёных и политиков разыскать какой-либо неизвестный материк в умеренном поясе Южного полушария.

Наконец, проследовав в 1770 г вдоль восточного побережья Австралии до самой северной её оконечности, Кук вошёл в пролив, открытый Луисом Ваэсом Торресом в 1606 г. Пройдя этим проливом, он блестяще подтвердил факт вышеупомянутого открытия и устранил последнее – в том числе и собственные – сомнения в обособленности Новой Гвинеи от Австралии⁹.

⁸ Подробнее см. в главе 3.

⁹ Как сказано в главе 3, отчёт Торреса о его плавании, составленный в 1607 г, был засекречен правительством Испании и стал достоянием общественности лишь в 1765 г (по другим сведениям – тремя годами раньше) благодаря всё тому же Александру Далримплу, члену Королевского общества, гидрографу и астроному. Далримпл был уверен в реальности открытия Торреса и предложил назвать пролив между Новой Гвинеей и Австралией именем испанского мореплавателя. Кук, однако, не доверял Далримплу, памятуя о неосуществившемся желании последнего самому возглавить экспедицию на поиски Южного материка и считая учёного не только (не без оснований) своим недоброжелателем, но и человеком, способным из корыстных соображений вводить общественность в заблуждение. По иронии судьбы, именно Куку выпало доказать, что в данном конкретном случае Далримпл был прав.

Рисунок 13. Высадка Кука в Ботани-Бей, Австралия, в 1770 г. Художник Эмануэль Филлипс Фокс

Первая «кругосветка» Кука завершилась 12 июля 1771 г. возвращением «Индевора» в Англию.

29 августа блестяще справившийся с поставленными перед ним задачами мореплаватель был официально зачислен в ряды офицеров Королевского флота в чине капитан-командора. Но собранные им сведения не удовлетворили в полной мере ни Королевское общество, ни британское правительство, поскольку ответ на главный волновавший тех и других вопрос – о реальности Южного материка – так и не был получен. Учёные справедливо заключили, что открытия Кука всего лишь сузили область, в которой целесообразно искать злополучный континент, но не опровергли полностью версию его существования.

По этой причине решено было направить в воды Южного полушария ещё одну экспедицию с тем же начальником – непосредственно для прояснения вопроса о Южном материке. На сей раз Адмиралтейство сочло возможным снарядить 2 судна: фрегаты “Resolution” («Решение»), которым должен был командовать сам Кук, и “Adventure” («Приключение»), командиром которого был назначен Тобиас Фюрно, ныне капитан, а в недавнем прошлом – старший помощник в экипаже Уоллиса (см. выше).

Суда вышли из Плимутского канала 13 июля 1772 г. «В Плимуте, – свидетельствовал Кук, – я получил инструкции, датированные 25-м июня. Мне предписывалось ... двигаться на юг и попытаться отыскать Землю Буве (или, иначе, Землю Обрезания), якобы открытую французским мореплавателем Буве на 54-й южной параллели и примерно на 11°20' долготы к востоку от Гринвичского меридиана; в случае, если эта земля будет обнаружена, убедиться, является ли она частью материка или представляет собой остров; в первом случае не пренебречь ни малейшей возможностью для того, чтобы пройти вдоль него наибольшее расстояние; произвести там всякого рода исследования и наблюдения, могущие принести некоторую пользу мореплаванию и торговле и способствовать прогрессу естественных наук.

Мне рекомендовалось также собрать сведения о склонностях, темпераменте, характере и количестве жителей, если таковые имеются, и употребить все не противоречащие чести средства к тому, чтобы завязать с ними отношения, исполненные согласия и дружбы.

Инструкции предписали мне затем попытаться открыть новые земли к востоку или к западу от этой земли, в зависимости от того, где я окажусь, и подойти возможно ближе к Южному полюсу, двигаясь к нему до тех пор, пока позволит состояние кораблей, здоровье команды и запасы продовольствия; всегда заботиться о сохранении достаточного количества съестных припасов, чтобы быть в состоянии достигнуть какого-нибудь известного порта, где можно было бы пополнить их запасы...

Кроме того, мне предписывалось, если не удастся обнаружить Землю Буве, идти к югу до тех пор, пока останется хоть малейшая надежда найти материк; затем направиться к востоку и открыть острова, которые могли бы быть расположены в этой части Южного полушария; держаться всё время высоких широт, на возможно более близком расстоянии от полюса, пока я не обогну весь земной шар...»

30 октября того же 1772 г корабли Кука прибыли в Капштадт в Южной Африке, недалеко от мыса Доброй Надежды. Там капитан узнал об открытии, сделанном 8 месяцев назад французским мореплавателем Ивом Жозефом де Кергеленом. Отправившись 12 января 1772 г с острова Маврикий в своё второе плавание в Индийский океан (первое имело место годом раньше и носило чисто разведывательный характер), Кергелен обнаружил какую-то землю на меридиане Маврикия и южной широте $48^{\circ}30'$ ¹⁰. Получалось, что в погоне за призраком вожаденной Terra Australis Incognita англичане и французы, как говорится, «дышали друг другу в затылок».

23 ноября Кук двинулся дальше на юг, приступив к выполнению первого данного ему задания – поискам Земли Буве. Сам английский капитан был уверен, что никакого отношения к Южному матерiku эта земля не имеет, и поскольку никто не видел её после открытия, она либо вовсе не существует, либо представляет собой остров. Предвидя резкое понижение температуры воздуха, командир велел выдать экипажам обоих фрегатов взятую в Англии тёплую одежду.

Буря, бушевавшая с 29 ноября по 6 декабря, отбросила корабли очень далеко к востоку от намеченного курса, и возможность отыскать Землю Буве представлялась теперь проблематичной. Положение ухудшалось тем, что вызванный непогодой резкий переход от жары к холоду погубил почти весь скот, взятый на борт в Южной Африке в качестве живого запаса продовольствия, а чтобы смягчить вредные последствия сырости во внутренних помещениях судов для здоровья матросов, им пришлось увеличить норму выдачи спиртного.

10 декабря на $50^{\circ}40'$ южной широты увидели первые льды. Дождь всё время чередовался со снегом, а туман сгустился до такой степени, что один из айсбергов был замечен моряками, только когда оказался не более чем в миле (1,853 км) от судов. Про другой айсберг в отчёте говорилось следующее:

«Если предположить, что он был абсолютно правильной формы, то часть, скрытая под водой, составила бы 1800 футов, а вся высота – около 2000 футов. В соответствии с приве-

---

¹⁰ У Жюль Верна во 2-м томе «Истории великих путешествий» сказано, что в момент, когда была замечена эта земля (14 февраля 1772 г), корабли Кергелена «Фортюн» и «Гро-Вантр» находились в точке с координатами $49^{\circ}40'$ ю.ш. и $71^{\circ}10'$ восточной долготы. Череда сильных штормов, последовавших за приближением к незнакомому берегу, отнесла «Фортюн», которым командовал сам Кергелен, далеко от «Гро-Вантра», и привела рангоут флагманского судна в такое состояние, что начальник экспедиции не мог ни продолжать плавание, ни искать второе судно, и принял решение вернуться на Маврикий. С «Гро-Вантра», также вскоре возвратившегося обратно, успели послать на катере офицера Буагэннека, который высадился на вновь открытую землю, формально вступил во владение ею, оставил на берегу в бутылке уведомляющую о данном факте записку и благополучно вернулся на судно. Записка эта была найдена Куком в 1776 г, в начале его 3-го кругосветного плавания. Впрочем, по обнаруженному в 1952 г мнению французского геолога Обера де ла Рю, Кук нашёл документ, оставленный на острове неким Рошегюдом позже, во время следующей экспедиции Кергелена, 6 января 1774 г.

дёнными выше размерами весь объём ледяной горы равнялся 1600 миллионам кубических футов» (соответственно 548,64 м, 609,6 м и 44,8 млн куб.м.).

По мере продвижения к югу айсбергов становилось всё больше, а сильное волнение на море увеличивало опасность столкновения с ними кораблей. 14 декабря путь преградило сплошное ледяное поле, уходившее за горизонт. Оно было неровным, кое-где виднелись такие же ледяные громады, какие моряки наблюдали на плаву. Взяли курс на запад вдоль кромки льда, внимательно его осматривая: нет ли где прохода прямо к югу? Туман сбивал с толку, и некоторым наблюдателям, в том числе и самому Куку, поначалу казалось, что из-под белого покрова виднеется земля.

Рисунок 14. Корабль Джеймса Кука "Resolution" в южных полярных водах. Художник Уильям Ходжес

15-го установили, что корабли сносит к востоку мощное течение. Попытавшиеся определить его скорость естествоиспытатель Иоганн Рейнгольд Форстер и астроном Уолс затерялись в тумане на своей шлюпке, не смогли вернуться на «Решение» и лишь по чистой случайности оказались подобраны «Приключением» капитана Фюрно.

Отчаявшись найти в западном направлении какую-либо брешь во льдах, Кук повернул к востоку, предполагая обойти всё поле, максимально приблизиться к полюсу и тем самым доказать наличие или отсутствие здесь континента. Это с лихвой компенсировало бы неудачу в поисках Земли Буве. Тем временем, по мере ужесточения холодов, обострялись проблемы со здоровьем экипажа: у многих уже замечались симптомы цинги. Куку удалось побороть болезнь включением в рацион матросов пивного суслика и лимонного сока, а переход на более тёплую одежду способствовал общему оздоровлению.

29 декабря Кук пришёл к выводу, что монолитный «панцирь» воды не соединён с сушей. До сих пор учёные на борту исходили из распространённого тогда представления о возникновении льдов исключительно в заливах или устьях рек, и поэтому предполагали, что к югу от ледяного барьера непременно должна находиться земля. Теперь же было решено плыть дальше к востоку и по возможности достичь долготы Земли Буве. Это удалось, и, следовательно, Кук установил, что если пресловутая Земля – не вымысел, то она никак не может принадлежать

Южному материку (впоследствии окончательно выяснилось, что это – остров, и сейчас он носит имя Буве). Но страшной силы шторм сделал плавание среди сталкивавшихся одна с другой с жутким грохотом льдин равнозначным самоубийству. Кроме того, сплошной, тянувшийся, насколько хватало глаз, лёд внезапно открылся и на севере. Фрегаты могли оказаться «запертыми» между сближавшимися полями и обездвиженными (если только их раньше не раздавили бы гоняемые волнами глыбы), что угрожало находившимся на них людям мучительной смертью от голода и стужи.

Самым разумным представлялось поскорее выбраться из этой широты. Опять пошли к югу, лавируя между льдинами. В полдень 17 января 1773 г произошло событие чрезвычайной важности: был пройден Южный полярный круг. Впервые в известной нам истории мореплавания чьи-либо корабли пересекли эту линию.

На 67°15' южной широты снова встретилось препятствие в виде тяжёлых льдов, простиравшихся с востока на запад. Прохода в этом барьере не обнаружилось, и Кук, приняв во внимание тот факт, что он уже потратил на плавание в полярных водах две трети южного лета, повернул к северу, имея в виду проверить открытия Кергелена. Выйдя 1 февраля 1773 г на меридиан острова Маврикий и произведя разведку в восточном и западном направлениях, мореходы не увидели на широте 48°30' никакой суши. Это означало, что, если Кергелен и нашёл здесь землю, то тоже лишь небольшой остров.

8 февраля суда разлучились в океане и с этого момента больше не встречались ни разу за всё время путешествия.

26 ноября 1773 г «Решение» Кука покинуло берега Новой Зеландии: капитан предпринял ещё одну попытку проникнуть в полярную область. Команда судна, в целом более или менее здоровая, уже устала от долгого плавания и была измучена предшествовавшими испытаниями. Свежей провизией в нужном для «броска к югу» количестве запастись не удалось, второго судна в распоряжении экспедиции не было, и, после первой неудачной попытки, почти никто не верил в перспективу открытия нового континента. Возможно, меньше всех верил в это сам командир, но, имея привычку доводить любое начатое дело до логического конца, он обладал редкой способностью «заражать» тем же стремлением своих спутников.

12 декабря 1773 г, намного южнее, чем год назад, англичане увидели первые льды. 18 декабря, в снегопад, в плотном тумане, «Решение» повторно пересекло полярный круг. 23 декабря на 67°20' южной широты и 137°20' западной долготы Кука опять остановил сплошной лёд. Он попробовал обойти препятствие в более северных широтах, но уже 26 января 1774 г в третий раз, на 109° западной долготы, пересёк полярный круг в южном направлении. 30 января «Решение» добралось до 71°10' широты, и вскоре с грот-мачты разглядели распростёршееся с востока на запад и до самого горизонта ледяное поле. Поняв, что идти дальше к югу совершенно невозможно, Кук окончательно оставил попытки разыскать материк и повернул обратно на север. Он и не подозревал, что в тот день находился всего в ста с небольшим милях (185,3 км) от ближайшего северного берега Антарктиды – полуострова Терстон у моря Амундсена.

Совершив в ноябре как бы «по инерции» ещё несколько открытий (в Атлантике – остров Южная Георгия и Земля Сандвича, т.е. Южные Сандвичевы острова), Кук 29 июля следующего, 1775 г, возвратился на родину – на год с лишним позже Фюрно, вернувшегося ещё 14 июля 1774 г.

Опубликование отчёта мореплавателя о его 2-й «кругосветке» нанесло удар огромной разрушительной силы как по планам, строившимся в отношении Южного материка, так и по самой гипотезе Terra Australis Incognita, хотя идею эту, по крайней мере, Кук не отвергал.

«Я обошёл Южный океан в высоких широтах, – писал он, – и... неоспоримо отверг возможность существования здесь материка, который если и может быть обнаружен, то лишь вблизи полюса, в местах, недоступных для плавания... Я не стану отрицать, что близ полюса может находиться континент или значительная земля. Напротив, я убеждён, что такая земля

там есть и, возможно, что мы видели часть её¹¹ ... Это земли, обречённые природой на вечную стужу, лишённые тепла солнечных лучей. Но каковы же должны быть страны, расположенные ещё дальше к югу...? Если кто-либо обнаружит решимость и упорство, чтобы разрешить этот вопрос, и проникнет дальше меня на юг, я не буду завидовать славе его открытий. Но должен сказать, что миру его открытия принесут немного пользы».

---

¹¹ Имелась в виду упоминавшаяся выше Земля Сандвича.

Рисунок 15. Корабль Джеймса Кука "Resolution"

Авторитет Кука не только как навигатора, но и как географа-практика вырос к тому времени до такой степени, что под влиянием его умозаключений число скептиков в вопросе о необходимости дальнейшего исследования высоких южных широт резко увеличилось, и до начала XIX века «цивилизованный мир» почти забыл об этих водах. В конце XVIII в значи-

тельно больший интерес вызывала проблема так называемого Северо-Западного прохода – не менее гипотетического в то время, чем Южный континент, водного пути, по которому суда якобы могли проходить из Атлантического в Тихий океан вдоль побережья Североамериканского материка в широтах, близких к арктическим. Новые морские экспедиции, в том числе третья кругосветная самого Кука, снаряжались тогда в основном для отыскания вышеупомянутого прохода. Это, казалось бы, подтверждало справедливость другого, крайне категоричного заявления капитана:

«Риск, связанный с плаванием в этих необследованных и покрытых льдами морях в поисках материка настолько велик, что я смело могу сказать, что ни один человек никогда не решится проникнуть на юг дальше, чем это удалось мне. Земли, что могут находиться на юге, никогда не будут исследованы».

Ещё более безапелляционно звучало заключение участника той же экспедиции Георга Форстера, сына естествоиспытателя Иоганна Форстера: «... плавание наше вокруг земного шара неоспоримо доказало, что по ту сторону 60 градусов широты в южном полушарии нет земли, кроме обрётённых нами Южной Георгии и Сандвичевой земли».

Вряд ли тогда, в 1770-х, Кук, Форстер или кто-нибудь из их соотечественников мог хотя бы предположить, подданные какой именно страны менее чем через 50 лет опровергнут эти утверждения!

Глава 5. «Штормовать в далёком море посылает нас страна»

Несмотря на то, что ещё в начале XVIII в Россия, благодаря царю Петру I, построила один из лучших в Европе военных флотов, по-настоящему морской державой она стала лишь в начале следующего, XIX в, когда успешно завершилось первое русское кругосветное плавание. Шлюпы (малые корветы) «Надежда» и «Нева» под командованием соответственно Ивана Фёдоровича Крузенштерна (заслуги которого перед отечественным флотом и мировой географической наукой трудно переоценить) и Юрия Фёдоровича Лисянского пересекли 3 океана. На судах производились исследования морской фауны, метеорологических явлений, течений, влияния магнитного поля Земли на навигационные приборы, береговой линии островов и материков, определялись и уточнялись координаты различных географических объектов. Были открыты новые острова, мели, рифы...

За 1-й «кругосветкой» под российским флагом последовали другие: Василия Михайловича Головнина в 1807 – 1813 гг, Михаила Петровича Лазарева в 1813 – 1816 гг, Отто Евстафьевича фон Коцебу в 1815 – 1818 гг... Расширение географии плаваний россиян способствовало быстрому накоплению ими опыта судовождения в низких («жарких») и высоких («холодных») широтах.

В русском обществе росла уверенность, что для наших соотечественников в океанах вообще нет ничего невозможного – они могут справиться даже с тем, что оказалось «не по зубам» их всемирно известным западным предшественникам. Появились и желающие доказать это остальному миру.

Так, в конце 1818 г три российских мореплавателя и исследователя – занимавшийся ещё в 1780-х – 90-х годах изучением северо-восточной Азии и островов Берингова моря вице-адмирал Гавриил Андреевич Сарычев, капитан 1-го ранга И.Ф. Крузенштерн и капитан-лейтенант О.Е.Коцебу – практически одновременно разработали планы экспедиций, призванных решить, не много – не мало, сразу две важнейшие проблемы современной им географической науки.

Рисунок 16. Гавриил Андреевич Сарычев

Первой была, конечно, проблема «Неведомой Южной земли», а второй – вопрос о существовании прямого водного пути между Атлантическим и Тихим океанами в северных широтах Западного или Восточного полушария, т.е. Северо-Западного или Северо-Восточного (вдоль арктического побережья России) прохода.

Такое предприятие подразумевало посещение одной и той же экспедицией и Арктики, и южной (антарктической) полярной области. Г.А. Сарычев предлагал следующее:

«Из Бразилии идти к острову Георгию, а от него к Сандвичевой Земле¹² и осмотреть пространство моря, заключающееся между сими землями, нет ли неизвестных островов? Как Сандвичевой Земли осмотрена одна северо-западная часть, то должно обойти её с восточной и с южной сторон и осмотреть пределы её. По исполнении сего плыть к юго-востоку или востоку, стараясь подойти к Южному полюсу сколько возможно ближе.

В половине февраля корабли должны удалиться от холодных стран и направить путь к Вандименовой Земле, располагая плавание между путями капитанов Кука и Фюрно в 1773 г¹³, тогда капитан Кук в широте 55°, долготе восточной от Гринвича 152° видел признаки земли, почему, подойдя к оному месту на меридиан немного южнее, направить путь прямо к Вандименовой Земле. Может быть, откроется гряда островов от сей земли к югу.

После сего для отдохновения экипажа и запасания водой и провизией идти в порт Джексон¹⁴, а из оного плыть к Камчатке, располагая путь мимо Каледонии, Соломоновых островов и новооткрытых Коцебу островов Румянцевых¹⁵, стараясь обозреть те из них, кои не совсем осмотрены мореплавателями. Потом плыть немного восточнее пути капитана Головнина 1809 г до Петропавловской гавани».

Дальше, по замыслу вице-адмирала, корабли должны были идти в Берингов пролив и исследовать его и прилегающие к нему воды Северного Ледовитого океана.

---

¹² См. главу 4.

¹³ См. там же.

¹⁴ Сегодня – город и порт Сидней в Австралии.

¹⁵ Сегодня – острова Вотье.

Капитан-командор И.Ф.Крузенштерн в высказанных им соображениях по поводу путешествия к Южному полюсу особенно остановился на следующих моментах:

«Командир приготавливаемой экспедиции должен пройти к югу далее, нежели это было возможно для Кука... Около половины февраля корабли должны выйти из больших широт и отыскивать открытую испанцами Компанейскую землю по 49° широты и 120° долготы восточной, потом идти к островам Маккварис и Аукланд (Маквари и Окленд – А.Л.), у большего из островов Аукланда есть хорошая пристань, в коей изобилие дров и воды.

К рассматриванию тропических стран приступить под 120° западной долготы, взяв курс между островами Мендозы и архипелагом Опасных островов¹⁶. Если понадобится запастись провизией и пресной водой, то идти к острову Нукагиве, одному из Вашингтоновых островов. От острова Нукагивы пойдут корабли к западу по параллели, в коей никто не проходил прежде, к Навигаторским островам. Они те самые, которые открыты голландцами и названы островами Баумана¹⁷. Отсюда начальник экспедиции должен идти к островам Дружества¹⁸, к тем, кои малоизвестны – Гапае и Вавао, у последнего есть хорошая пристань. От Вавао прорезывают корабли архипелаг островов Фиджи, приходят к Новым Гебридам...

И так проведут они зимние месяцы. В начале же весны опять пойдут к югу, чтобы продолжить плавание, сколько возможно, в дальнейшей широте к западу, для сего употребятся месяцы декабрь, январь и февраль, после чего корабли опять образуются к северу для пополнения того, что в прошлом плавании между тропиками осталось неизведанным, а более для описи Соломоновых островов».

---

¹⁶ Сегодня – соответственно Маркизские острова и Туамоту.

¹⁷ Тогда так назывались острова Самоа.

¹⁸ Сегодня –Тонга.

Рисунок 17. Отто Евстафьевич Коцебу

План О.Е.Коцебу предполагал участие двух кораблей и различные задания для их командиров. Видимо, Отто Евстафьевич взял в этом отношении за образец плавание Крузенштерна – Лисянского:

«Экспедиция, назначенная для исследования Южного полюса, не должна из Кронштадта отправиться позже 1 июля старого стиля. Капитан оной направит путь в Англию, где может пробыть не более 10 дней, которые будут достаточны для принятия инструментов и других вещей, там для экспедиции уже изготовленных ...

Из Англии капитан направит путь к Канарским островам, дабы на острове Тенерифе запастись вином, ... ибо в жарком климате беспрестанное употребление водки вредно, почему матросы часто вместо оной должны употреблять вино...

От Канарских островов капитан отправится в Бразилию, куда легко прибыть может к половине октября. Остров Св. Екатерины мне кажется самым удобным местом для запасаения всех нужных жизненных припасов... Здесь начальник экспедиции, дав 15 дней отдохнуть команде и подкрепив оную свежей пищей, с новым духом предпринимает плавание к Южному полюсу.

Оба судна направляют путь к Сандвичевой Земле, которую должны стараться исследовать далее к югу, нежели удалось капитану Куку, может, она есть часть твёрдой земли? Сего места... легко достигнуть... к половине декабря, тогда уже настало здесь лучшее время года, и должно разделить на надвое. Судно, предназначенное для исследования Берингова пролива,

направляет путь к западу, имея всегда в виду проникать, сколько обстоятельства позволят, к югу, а другое судно – к востоку с тем же намерением.

Капитан, назначенный в Берингов пролив, должен 1 марта оставить поиски у Южного полюса и направить путь в Камчатку...

Капитан второй экспедиции между тем направит путь к востоку и будет стараться до последних чисел марта проникать к Южному полюсу; 1 апреля оставит исследование на сей год и зайдёт в Новую Голландию в порт Джексон, куда прибыть может в мае месяце. Здесь, отдохнув... и подкрепив команду свежей пищей, оставляет 1 июля гавань и направляет путь к Новой (Guinee) (Новой Гвинее – А.Л.) к мысу Deliverance, который, осмотрев, составляет ли один берег с твёрдой землёй...., направляет путь в Торрес пролив, пройдя оный, должен приступить к описи западной части Новой Голландии, до сих пор ещё очень мало известной. Прежде, нежели капитан примется за свою работу, должен зайти на самое короткое время на остров Тимор для запасания воды. Опись ... Новой Голландии капитан должен располагать таким образом, дабы мог в последних числах ноября находиться у Новой Зеландии, где снова запастись водой и направить путь прямо к югу для вторичного исследования Южного полюса. Ежели экспедиция и на сей год безуспешна,... в марте месяце направит путь к мысу Доброй Надежды, а потом в Европу...»

В начале 1819 г распоряжение о подготовке экспедиции с целью единовременного крупномасштабного исследования обеих – северной и южной – полярных областей было скреплено подписью императора Александра I. В предписании морского министра Ивана Ивановича де Траверсе (урождённого французского поданного Жана Батиста Прево де Сансака, начавшего свою карьеру в России со службы... в гребном флоте) Адмиралтейств-коллегии от 3 февраля говорилось:

«Е. и. в. (Его Императорское Величество – А.Л.) высочайше повелеть изволил в будущую коммуникацию отправить в дальний вояж находящиеся в Кронштадте и на Охте на стапеле 2 шлюпа и построенные в Лодейном Поле 2 транспорта и чтоб с наступлением июня месяца суда сии могли вступить под паруса и выйти в море по назначению».

Предусматривалась отправка двух «дивизий» – малых эскадр, по 2 корабля в каждой: одной – в высокие широты Южного полушария, с целью максимально возможного продвижения к полюсу и решения вопроса о существовании в тех местах континента; другой – к Берингову проливу для плавания по нему и далее по Ледовитому океану на восток (вдоль берегов Северной Америки) и на запад (в морях русской Арктики).

31 марта 1819 г Крузенштерн представил в письме на имя де Траверсе свой переработанный с учётом вышеупомянутого решения проект кампании. В той части письма, которую можно назвать вступлением, он даёт субъективную, но представляющуюся сегодня вполне справедливой характеристику задуманного:

«В. в.пр-во (Ваше Высокопревосходительство – А.Л.) оказали мне честь объявить, что е.и.в. воля отправить 2 корабля для изведания стран около Южного полюса с большей точностью, нежели сколько известно об оных поныне, – писал Иван Фёдорович, – и что в то же время 2 назначенные в Камчатку транспорта должны идти в Берингов пролив... Обе экспедиции равномерно важны, но я постараюсь приготовить инструкцию для первой с большей подробностью, не только потому, что наши мореходцы знают менее южную часть Великого океана, нежели северную, но и для того, что сия экспедиция, кроме главной её цели..., должна особенно иметь в предмете поверить всё неверное в южной половине Великого океана и пополнить все находящиеся в оном недостатки, дабы она могла признана быть, так сказать, заключительным путешествием в сём море. Славу такового предприятия не должны мы допускать отнять другим у нас, она в продолжение краткого времени достанется непременно в удел англичанам или французам. По сим-то причинам почитаю я сие предприятие одним из важнейших, как когда-либо предначинаемы были...»

Рисунок 18. Иван Фёдорович Крузенштерн

Развивая свои изложенные ранее мысли об оптимальном варианте исследования южных районов Тихого и других океанов, Крузенштерн пишет:

«... открыть новые острова в местах, не испытанных Куком... очень не невозможно, ибо в новейшее время найден опять остров Cap Circonsion, который искал Кук тщетно, и о котором он думал, что Бувет (Bouvet) видел только ледяное скопище и почёл оное землёй¹⁹...

---

¹⁹ Речь идёт о мысе Обрезания на острове, открытом 1 января 1739 г французским мореплавателем Жаном Батистом Буве

Также не невозможно, что благоприятный случай допустит корабли наши проникнуть к югу далее, нежели было возможно то для Кука... Хотя и Кук полагает существование земли у Южного полюса, однако он притом думает, что она никогда открыта не будет. Холод, снег, бури и вечный туман предполагают почти непреодолимые препоны к плаванью в тех местах... Итак, новая экспедиция к сим странам может только иметь ту цель, чтобы... сделать последний конец исканию земли у Южного полюса. Впрочем, с сей целью можно сопрягать, как уже в начале сего изложения сказано, другой предмет, не менее важный для географии, а именно во время зимних месяцев снова рассмотреть страны Южного тропика для того, что сведение наше о находящихся там островах крайне несовершенно... Господствующие в больших широтах западные ветры предполагают, чтобы исследование стран Южного полюса произвести от запада к востоку. Итак, корабли («южной» эскадры – А.Л.) должны прежде идти к мысу Доброй Надежды, откуда, по достаточном во всём приготовлении к трудному плаванью, предстоящему в декабре, генваре и феврале месяцах, надлежит направить, во-первых, курс к открытому Буетом мысу Sigconsion, дабы определить положение его со всей строгостью; от оного идти прямо к югу, притом должно обращать на то только внимание, чтобы испытанных уже Куком стран удаляться».

Далее Крузенштерн приводит почти без изменений свой процитированный выше план исследований в зимний и в следующий весенне-летний периоды – от ухода судов из полярных вод в середине февраля до осуществления, после повторного плаванья к югу, описи Соломоновых островов, «поныне весьма мало известных. Здесь предлежит вопрос: лучше ли, чтобы корабли по окончании зимы отправились опять к югу, дабы пройти не исследованные ещё пространства полярных стран, осмотреть острова Ауроры, Новую Георгию и Сандвичеву Землю, а оттуда по новой параллели достигнуть мыса Доброй Надежды, или не лучше ли употребить последний год на совершенное исследование и верную опись Соломоновых островов, Луизиады, Новой Британии, а особливо Новой Гвинеи, у коей большой Гелвинков залив²⁰ ... ещё не исследован, а потом идти к Молуккским островам, а от них к мысу Доброй Надежды. Я признаюсь, что последний план кажется мне обещающим более богатое приобретение для географии. Хотя плавание между тропиков и не сопряжено с теми опасностями, коими корабли... ежедневно будут угрожаемы в полярном море,... однако и плавание между тропиками сопряжено с опасностями, ибо берега Новой Гвинеи, Новой Голландии и Луизиады, так сказать, усеяны коральными островами и грядами коралловых рифов».

Руководствуясь свойственными ему разумной осторожностью и нелюбовью к авантюрам (не путать с трусостью и неспособностью принимать нестандартные решения!), Иван Фёдорович советует не спешить с отсылкой судов и не настаивать на одновременном отбытии обеих «дивизий» из Кронштадта:

«Обе экспедиции, имея совсем различные цели, должны одна от другой быть независимы, в самом начале уже приготовления надлежит каждому начальнику предоставить вооружить под начальством его состоящие корабли по его соображениям и отправиться, как скоро готов будет, не дожидаясь другой экспедиции. Если старший начальник примет в команду свою и вторую экспедицию и будет распоряжаться приготовлением, отходом и прочим до предписанного разлучения, то не только произойдёт потеря времени, но и может настоять опасение, чтобы не разрушилось согласие начальников... Если все 4 корабля пойдут вместе, то ожидать надобно, что 1 корабль будет задерживать прочие, ... так же должно опасаться и великого... промедления во время приготовления, если каждый начальник не может действовать сам по себе... Назначенные к Южному полюсу корабли должны непременно отправиться из Кронштадта в начале июля,... дабы в половине ноября предпринять плавание к югу, для чего употреблены быть

де Лозье, которого Крузенштерн называет «Бует», и не найденном впоследствии Куком. Подробнее см. в главе 4.

²⁰ Вероятно, имелась в виду бухта Гульвинк в северной части Новой Гвинеи.

могут только месяцы декабрь, январь и февраль²¹... если корабли не могут отправиться ранее начала или половины августа, то я советовал бы отложить экспедицию до будущего года. Чтобы произвести исследование на юге с успехом,... из трёх летних месяцев не должно терять ни одного дня, но если корабли упустят полный месяц..., тогда едва ли и труда стоить будет приступить в том году к предприятию. Экспедиция в Берингов пролив может отправиться одним месяцем позже, не подвергаясь опасности обходить кап (мыс – А.Л.) Горн в самое время худое или прибыть в Берингов пролив слишком поздно, но и для неё нужен отход не позже августа...»

Как только определились с числом кораблей и распределением их по «дивизиям», закономерно встал вопрос о назначении командиров. Начальником первой, «южной» эскадры И.Ф.Крузенштерн сперва видел Василия Михайловича Головнина, который во время своего плавания на шлюпе «Диана» в 1807 – 1813 гг продемонстрировал судоводительские способности, смелость, находчивость и, главное, качества прирождённого руководителя. Но Головнин как раз совершал тогда свой второй океанский «вояж». Поразмыслив, Иван Фёдорович предложил поставить во главе «дивизии» капитана 2-го ранга Ф.Ф.Беллинсгаузена, которого успел хорошо узнать, поскольку тот участвовал в кругосветном плавании самого Крузенштерна в 1803 – 1806 гг, причём, отправившись в путешествие мичманом, ещё до возвращения был произведён в лейтенанты.

«Хотя е. и. в. соблаговолит назначить сам начальников экспедиции, однако в.в.пр-во, позвольте мне, впрочем, рекомендовать в начальники экспедиции к Южному полюсу капитана бар[она]. Беллинсгаузена, он находился со мной на «Надежде» и потому могу судить о нём, он имеет особенные свойства к начальству над главной экспедицией, превосходный морской офицер и имеет редкие познания в астрономии, гидрографии и физике. Наш флот, конечно, богат предприимчивыми и искусными офицерами, однако из всех оных, коих я знаю, не может никто, кроме Головнина, сравняться с бар. Беллинсгаузенем».

Де Траверсе не был склонен последовать этому совету: он предполагал поручить руководство «южной» эскадрой Макару Ивановичу Ратманову, тоже участвовавшему в первой русской «кругосветке» (старшим офицером на шлюпе Крузенштерна «Надежда»). У Ратманова были свои достоинства и свои недостатки, но, так или иначе, возглавить «дивизию» ему помешал случай: на пути из Испании в Россию его корабль потерпел крушение у берегов Дании, и Макару Ивановичу пришлось остаться в Копенгагене для лечения. В результате кандидатура Беллинсгаузена была утверждена.

Фаддей Фаддеевич (Фабиан Готлиб Тадеус) Беллинсгаузен впоследствии писал: «Я родился среди моря: как рыба не может жить без воды, так и я не могу жить без моря».

Родился он 18 (29 по новому стилю) августа 1779 г (по другим источникам – годом раньше 9 (20) сентября) на острове Эзель (сегодня о.Сааремаа в Эстонии) в семье русского подданного – прибалтийского дворянина, этнического немца барона фон Беллинсгаузена. В 10 лет Фабиан поступил в Морской кадетский корпус в Кронштадте, в 1795 г был произведён в гардемарины, послан в Англию для продолжения обучения. Окончив корпус в 1797 г, уже мичманом плавал на Балтике на кораблях Ревельской эскадры.

Незаурядные способности молодого «почти офицера» обратили на него внимание И.Ф.Крузенштерна, и он взял Беллинсгаузена на свой шлюп «Надежда», отправлявшийся в кругосветное плавание. Деятельность Фабиана в путешествии (из которого, как отмечалось выше, он вернулся лейтенантом) была охарактеризована его тогдашним начальником следующим образом:

«Почти все карты рисованы сим искусным офицером, который в то же время являет в себе способность хорошего гидрографа».

²¹ Летние месяцы в Южном полушарии.

Возвратившись в Кронштадт в 1806 г, Беллинсгаузен служил на Балтике до 1810 г, когда был переведён на Чёрное море. Там он командовал фрегатом «Минерва», затем – фрегатом «Флора». С 1810 по 1816 г занимался уточнением карт Кавказского побережья, координат наиболее важных прибрежных пунктов, осуществлял астрономические наблюдения...

И вот теперь – новое задание, и какое! Шутка ли – проверить, а то и дополнить открытия самого Джеймса Кука!

Рисунок 19. Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен(слева) и Михаил Петрович Лазарев

Командовать вторым судном «дивизии» доверили лейтенанту Михаилу Петровичу Лазареву, или, как его называли моряки (чтобы не путать с братом Андреем, тоже лейтенантом Балтийского флота), «Лазареву 2-му». Почему выбор пал именно на него?

Михаил родился 3 (14) ноября 1788 г в «сухопутном» Владимире, в семье правителя наместничества, затем сенатора и тайного советника Петра Гавриловича Лазарева. Учился в Морском кадетском корпусе, в 1803 г проходил практику на фрегате «Ярослав». В том же году для продолжения обучения поступил волонтером на службу в британский Королевский флот. Под «Юнион Джеком» (государственный флаг Великобритании) Лазарев плавал до 1808 г, ходил в Вест-Индию на кораблях, «охотившихся» за судами наполеоновской Франции...

Потом – возвращение на Родину, участие в войне со Швецией и Англией на корабле «Благодать» (1808 г), недолгое пребывание во вражеском плену... Во время Отечественной войны 1812 г молодой офицер на бриге «Феникс» защищал Рижский залив, бомбардировал Данцигскую крепость и помогал высадке там десанта.

Наконец, в 1813 – 1816 гг, командуя корветом Российско-Американской компании «Суворов», М.П.Лазарев совершил своё первое кругосветное плавание (всего в его послужном списке их было три, считая то, в которое он отправился под началом Ф.Ф.Беллинсгаузена, причём Михаил Петрович, подобно Куку, во всех трёх «вояжах» командовал тем или иным кораблём). Это путешествие ознаменовалось открытием названного именем А.В.Суворова атолла в Тихом океане и первым в истории заходом русского корабля в порт Перу (Кальяо), откуда корвет доставил в Петербург коллекцию древних артефактов, а также ... живых южноамериканских верблюдов: лам и их ближайших родственников – альпаку и вигонь (викунию).

На этапе подготовки «южной» эскадры к походу Лазареву пришлось фактически выполнять обязанности её начальника. Поскольку он был назначен командовать приписанным к экспедиции транспортом «Ладога» уже 15 марта 1819 г, а с назначением «несимпатичного» морскому министру Беллинсгаузену не обошлось без проволочек, и официально оно состоялось почти в самый последний момент (распоряжение де Траверсе от 4 июня 1819 г), вся тяжесть работ по оснащению и оборудованию судов, укомплектованию их экипажей, приёму и размещению снаряжения легла на плечи Михаила Петровича.

В написанном им после возвращения из «вояжа», 24 сентября 1821 г, письме к товарищу по Морскому корпусу Алексею Антиповичу Шестакову, Лазарев даёт краткую характеристику судам обеих «дивизий»:

«Южная экспедиция состояла из двух судов: «Востока» и «Мирного». Начальник экспедиции Ф.Ф.Беллинсгаузен командовал первым, а я – вторым. В Северной экспедиции находились тоже 2 судна: «Открытие» и «Благонамеренный», начальник коей М.Н.Васильев командовал первым, а Глеб Шишмарёв – последним. Нужно тебе ещё сказать, что все сии суда были сосновые. «Восток» строился на Охте по плану прежних «Кастора» и «Полюкса» медного скрепления, с той только разницею, что не имел разрезных шкафут²², а верхняя палуба сделана сплошная (flat deck). «Открытие» тоже строено на Охте медного скрепления и сплошным набором... Судно сие казалось мне вовсе неудобное к такому предприятию по малой вместительности своей и тесноте как для офицеров, так и для команды. «Мирный» и «Благонамеренный» строены были на Лодейном Поле по плану вестиндских судов в 120 фут длины, железного скрепления, но по приводе их в Кронштадт обшиты были дюймовой (толщиной в 2,54 см – А.Л.) обшивкою на медных гвоздях и, наконец, так же, как и другие, медью. Сии 2 оказались впоследствии самыми удобнейшими из всех прочих как по крепости своей, так и вместительности и покою...».

Действительно, из двух отправлявшихся на юг кораблей именно «Мирный» больше подходил для плавания в полярных водах. Он представлял собой переконструированное под шлюп транспортное судно, первоначально называвшееся «Ладога» (переименовано распоряжением де Траверсе от 22 апреля 1819 г, как и «Благонамеренный», называвшийся до этого «Свирь») и построенное корабельным мастером Колодкиным по проекту замечательного судостроителя Курепанова. Водоизмещение бывшей «Ладоги» составляло 530 т, длина была 36,5 м, ширина – 9,1 м, вооружение – 20 пушек, корпус сделан из выдержанного, т.е. сухого, соснового леса, а упомянутый в письме железный крепёж превосходил по прочности медный. Перечисленные в том же письме изменения (дополнительная, или, «фальшивая», и медная обшивки), как и замена парусов и такелажа (представление Адмиралтейств-коллегии И.И. де Траверсе от 29 мая 1819 г), были произведены по инициативе М.П.Лазарева.

Постройка шлюпа Беллинсгаузену «Восток» была закончена на петербургской Охтинской верфи её корабельным инженером англичанином Стоке фактически к отбытию экспедиции, в 1818 г. Этот корабль водоизмещением 900 т имел длину 30,5 м, ширину 10 м и был вооружён 28-ю пушками. «Вояж» в Южное полушарие был для него первым, или, как говорят английские моряки, «девичьим» (maiden voyage), а известно, что в первом плавании редкий корабль оправдывает ожидания своего владельца и команды, потому что точно предварительно установить, как поведёт себя в реальных условиях морского похода каждый элемент конструкции корпуса, рангоута, такелажа и пр. почти невозможно. Это дало Беллинсгаузену основание утверждать в написанной им по возвращении из путешествия книге следующее: «Таковые и другие встречающиеся ошибки в построении происходят более от того, что кора-

²² Шкафут – часть верхней палубы между первой от носа мачтой (фок-мачта) и следующей за ней (грот-мачта): посередине шкафута располагаются ростры, т.е. запасные рангоутные брусья (стены, реи и т.п.), как правило, закрепляемые на специальных помостах.

бельные мастера строят корабли, не быв никогда сами в море, и потому едва ли одно судно выйдет из их рук в совершенстве».

Но «Восток» показал себя в море не с лучшей стороны даже в сравнении со спущенным с ним на воду почти одновременно, да ещё поспешно переоборудованным «Мирным». В отличие от последнего, корабль Беллинсгаузена был построен из сырого леса, его чрезмерно высокий рангоут ухудшал остойчивость, а прочность корпуса не отвечала требованиям безопасности при хождении во льдах. Как указывает Беллинсгаузен, шлюп «имел только одну обшивку и незаделанные промежутки шпангоутов в подводной части». Правда, в Кронштадте удалось кое-что исправить: корабельный мастер 5 класса Амосов подкрепил, как мог при ограниченности времени, подводную часть «Востока», обшил её снаружи медными пластинами и укоротил мачты на 2 фута (60,96 см). Дальнейшие события показали, что этих исправлений было недостаточно.

Рисунок 20. Шлюп "Восток". Фрагмент рисунка участника 1-й русской антарктической экспедиции художника П.Н.Михайлова

Преимуществом «Востока» перед «Мирным» была бóльшая скорость хода, но и это, в конечном счёте, не облегчило, а усложнило мореплавателям выполнение их задания. М.П.Лазарев высказал своё мнение по данному поводу в вышеупомянутом письме А.А.Шестакову:

«... один лишь недостаток («Мирного» – А.Л.) против «Востока» и «Открытия» был ход. Но для чего посланы были суда, которые должны всегда держаться вместе, а между прочим такое неравенство в ходу! Что один должен постоянно нести все лисели²³ и через то нагружать рангоут, пока сопутник его несёт паруса весьма малые и дожидается? Эту загадку представляю тебе самому отгадать, а я не знаю».

Того же мнения был и начальник эскадры:

«Такое в ходе шлюпов неравенство, при всём искусстве и попечительстве господина Лазарева, производило великое неудобство в столь важном предприятии; так сказать, почти на каждом шагу препятствовало успешному плаванью вверенного мне шлюпа...».

Для кораблей экспедиции выбрали соответствовавший её характеру и масштабам командный и рядовой состав. Как и в первый кругосветный «вояж» 1803 – 1806 гг, матросами были взяты только добровольцы – те, кто сами изъявили желание отправиться в столь долгое и опасное плавание.

---

²³ Лисели – добавочные паруса, устанавливаемые на специальных выдвижных реях – лисель-спиртах.

Экипаж «Востока» состоял из 117 человек. Старшим офицером стал капитан-лейтенант Иван Иванович Завадовский, друг Беллинсгаузена, 7 лет ходивший с ним в Чёрном море на фрегатах «Минерва» и «Флора». Завадовский был старше всех офицеров обоих шлюпов, в том числе самого Фаддея Фаддеевича; служил под началом адмиралов Ушакова и Сенявина, участвовал в военных действиях в Чёрном и Средиземном морях. Лейтенантов Ивана Игнатьева, Константина Торсона, Аркадия Лескова и мичмана Дмитрия Демидова определили вахтенными начальниками, Якова Парядина взяли штурманом.

Из перечисленных офицеров, исключая Завадовского, наибольшим авторитетом пользовался Константин Петрович Торсон. Он и А.Лесков были приняты на «Восток», по словам Беллинсгаузена, «по хорошему об них отзыву известных морских капитанов». Современники характеризовали Торсона как одного из «самых отличных и учёных флотских офицеров и самых кротких людей». В данном случае «кроткий» не означает «робкий»: будучи мичманом на фрегате «Амфитрида», Константин Петрович стал первым русским моряком, получившим в войну 1812 г боевую награду – орден Св. Анны 3-го класса. И.Игнатьев и Д.Демидов попали на корабль по протекции: первый – по желанию главного командира Кронштадтского порта вице-адмирала Моллера, определившего его перед тем к снаряжению судна, а второй – по просьбе контр-адмирала Коробки.

Также на борту флагманского шлюпа находились: экстраординарный профессор Казанского университета астроном Иван Михайлович Симонов, академик живописи Петербургской Академии художеств Павел Николаевич Михайлов, штаб-лекарь Яков Берг (Берх).

Из рядового состава (в начале XIX в их называли «служители») корабля «Восток» следует отдельно упомянуть матроса 1-й статьи Егора Киселёва, оставившего собственноручно им написанный дневник плавания (редчайший случай в России начала XIX в!).

Экипаж «Мирного» включал в себя 73 человека, в том числе лейтенантов Николая Обернибесова и Михаила Анненкова, мичманов Ивана Куприянова и Павла Новосильского (автор ещё одних записок о путешествии), а также медика-хирурга Николая Галкина и штурмана офицерского чина Николая Ильина.

Слабой стороной предприятия было отсутствие необходимого для экспедиции такого уровня количества учёных, особенно биологов и геологов. Впрочем, предполагалось, что в Копенгагене суда возьмут на борт двух немецких натуралистов – Мертенса и Кунце.

Подготовка к походу заняла 3 месяца. Лазарев и Беллинсгаузен сделали всё, от них зависящее, чтобы снабдить экспедицию необходимыми для научных работ инструментами и приборами, а также книгами, лоциями, навигационными картами.

Экипажи были в достаточной степени обеспечены провизией: солониной от нарвского купца Петра Печаткина и петербургских Петра Шпанского и Акинфа Обломкова («последний, – отметил Беллинсгаузен, – известен уже по первому путешествию россиян вокруг света под командою капитана Крузенштерна: тогда солил мясо, которое в продолжение 3-х лет, быв в различных климатах, не портилось»), «крупичатыми» и пеклеванными сухарями от булочника Геррата, кислой капустой и другими противочинготными средствами; в меньшем количестве взяли бульон в таблетках, качество которого не вполне удовлетворило командиров. Из одежды у всех матросов имелись мундиры и суконные фуфайки; плюс к тому на каждого приходилось по двое суконных брюк, 6 летних брюк, 4 рабочих фуфайки и столько же рабочих брюк, 1 шинели, 1 тёплой кожаной фуражке, 1 шляпе, 8 пар шерстяных чулок, 11 холщовых и 7 фланелевых рубаш; из обуви – по одной паре тёплых сапог и две пары «холодных», по 4 пары башмаков.

Разумеется, запаслись и подарками для жителей тихоокеанских островов, чтобы, как объяснял Беллинсгаузен, «побудить диких к дружелюбному с нами обхождению, а нам доставить возможность получить от них посредством мены свежие съестные припасы и разные изделия».

К 3 (15) июля 1819 г все приготовления были закончены, и на следующий день «Восток» и «Мирный» вышли из Кронштадского порта. Великое плавание началось!

Глава 6. От Кронштадта до Рио через светящееся море

Рапорт Главного командира Кронштадтского порта Ф.В.Моллера морскому министру И.И. де Траверсе от 4 июля 1819 года:

«Имею честь почтеннейше донести Вашему Высокопревосходительству, что шлюпы «Восток» и «Мирный» под командой капитана 2 ранга Беллинсгаузена и «Открытие» и «Благонамеренный» под командой капитан-лейтенанта Васильева 3 числа сего июля отправились из Кронштадтского порта в назначенный путь.

Подпись: Вице-адмирал Моллер»

Из книги «Южный полюс, из записок бывшего морского офицера». Автор: Павел Михайлович Новосильский, бывший мичман шлюпа «Мирный»:

«Наконец настал давно ожидаемый день: 4 июля²⁴ в 6 часов пополудни мы снялись с якоря. Вся пристань была унижена зрителями: все желали нам счастливого плавания, махали шляпами и кричали «ура!». Прокричав в свою очередь «ура!» и отсалютовав крепости, при ровном благополучном ветре мы быстро понеслись вперёд. Кронштадт скоро начал скрываться и через час исчез из виду, только вершины мачт с вымпелами виднелись ещё на горизонте. Прощай, родной край, прощай надолго! Увидим нескоро мы тех, которые так дороги нашему сердцу!»

По замыслу организаторов экспедиции, первая «дивизия», состоявшая из шлюпов «Восток» (командир – начальник эскадры капитан 2 ранга Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен) и «Мирный» (командир – лейтенант Михаил Петрович Лазарев), направлялась в воды Южного полушария с целью поиска там новых земель и максимально возможного продвижения к полюсу. Вторая, т.е. шлюпы «Открытие» (командир – начальник «дивизии» капитан-лейтенант Михаил Николаевич Васильев) и «Благонамеренный» (командир – капитан-лейтенант Глеб Семёнович Шишмарёв) шла в Берингово море, чтобы выйти затем в Северный Ледовитый океан и попытаться дойти по нему до Атлантики, держа курс на восток либо на запад. Перипетии плавания этой 2-й эскадры не имеют отношения к предмету нашего повествования – поэтому скажу только, что, по большому счёту, её «вояж» оказался неудачным, но не по вине мореходов. Просто время для сквозных рейсов по северо-западному и северо-восточному морским путям ещё не наступило: даже лучшие суда начала XIX в не годились для чего-либо подобного²⁵. Васильев на «Открытии» продвинулся к востоку от Берингова пролива лишь до мыса Айси-Кейп (Isu Cape (англ.) – «Ледяной мыс») (далее, впрочем, чем любой из его отечественных и зарубежных предшественников), где был остановлен льдами; Шишмарёв же на «Благонамеренном», идя в противоположном направлении, добрался до мыса Сердце-Камень. Но на первом, рассматриваемом в данной главе, этапе путешествия обе «дивизии», «северная» и «южная», следовали по одному и тому же маршруту, и поэтому все 4 корабля иногда собирались вместе.

Инструкция Морского министерства предписывала командиру 1-й эскадры капитану 2-го ранга Ф.Ф.Беллинсгаузену сделать на пути в малоисследованные южные воды остановки в Англии, на испанском острове Teneriffe и в Бразилии; после чего, «коль скоро наступит удобное время в сём году», обследовать открытые в 1774 г Джеймсом Куком остров Южная Георгия и Землю Сандвича (последнюю – «с восточной стороны»), а затем двигаться к югу «до

---

²⁴ Новосильский, в отличие от Моллера, правильно указывает дату отплытия четырёх шлюпов: не 3-е а 4-е (16-е по новому стилю) июля 1819 г.

²⁵ Первопроходцем Северного морского пути из Атлантического в Тихий океан стал шведский мореплаватель и учёный, иностранный член-корреспондент Санкт-Петербургской Академии наук Нильс Адольф Эрик Норденшёльд, совершивший на пароходе «Вега» плавание в восточном направлении вдоль арктического побережья России в 1878 – 1880 гг.

отдалённой широты, какой только он может достигнуть... сколько можно ближе к полюсу, отыскивая неизвестные земли», не поворачивая назад «иначе, как при непреодолимых препятствиях. Ежели под первыми меридианами, под коими он пустится к югу, усилия его останутся бесплодными, то он должен возобновить свои покушения (попытки – А.Л.) под другими, и не упуская ни на минуту из виду главную и важную цель, для коей он отправлен будет, повторяя сии покушения ежечасно как для открытия земель, так и для приближения к Южному полюсу.

Для сего он употребит всё удобное время года: по наступлении же холода обратится к параллелям, менее удалённым от экватора, и, стараясь следовать путями, не посещёнными ещё другими мореходцами, пойдёт к островам Аукландским (Окленд – А.Л.), пройдёт проливом Королевы Шарлотты²⁶ и спустится для снабжения провизией и отдыха экипажу в порт Джексон, что может случиться около первых чисел апреля 1820 г.

Отдохнувши, запасшись всем нужным и исправившись, командир 1 дивизии отправится ... к востоку в параллелях Новой Зеландии и северной части Новой Голландии; потом обратится к островам Общества и Маркиза Мендозы; пройдя наименее посещаемыми путями экваторной полосы, пойдёт к обитаемым островам, к которым приставал Коцебу, и сделает изыскания о других, с ними соседственных, о коих упоминали жители первых; обозрит острова Соломоновы, а ежели время позволит, и Новую Каледонию, и возвратится для отдыха в порт Джексон или в Южный порт Земли Дименовой (Вандименова Земля, т.е. о. Тасмания – А.Л.), когда, по предварительным осведомлениям, в сём последнем месте может он найти нужные провизии, подкрепить свежей пищей экипаж и приготовиться к дальнейшим покушениям к Южному полюсу.

По наступлении удобного времени к концу 1820 г 1-я дивизия снова отправится на юг к отдалённым широтам, возобновит и будет продолжать свои исследования по прошлогоднему примеру с таковой же решимостью и упорством и проплывёт остальные меридианы... вокруг земного шара, обратясь к той самой высоте, от которой дивизия отправилась под меридианом Земли Сандвичевой.

По окончании благоприятного для сих предприятий времени совершит обратный путь в Россию».

В Копенгагене, куда «Восток» и «Мирный» прибыли 14 (26) июля и встретили там несколько опередившие их суда «северной» эскадры «Открытие» и «Благонамеренный», путешественников ждал первый неприятный сюрприз. Русский чрезвычайный посол при датском дворе барон Николаи сообщил Беллинсгаузену, что натуралисты Мертенс и Кунце, которые должны были присоединиться в этом городе к антарктической экспедиции²⁷, прислали письменные уведомления о своём отказе от участия в ней по причине, как они это сформулировали, недостаточности данного им на подготовку к плаванию времени. Предпринятые послом в датской столице по просьбе Беллинсгаузена поиски натуралиста, который мог бы заменить двух подложивших участникам предприятия такую «свинью» немецких учёных, успехом также не увенчались: хотя Николаи и удалось найти одного молодого человека, в принципе, согласившегося плыть с путешественниками, родственники юноши настолько за него испугались, что даже увезли его из города на всё время стоянки в порту русских кораблей (в общей сложности заняла 3 дня).

Итак, важнейшая по задачам экспедиция имела в своём составе всего одного настоящего учёного – экстраординарного профессора Казанского университета Ивана Михайловича Симоннова (на корабле «Восток»). Мичман Павел Новосильский охарактеризовал его как «образованнейшего и достойнейшего астронома, которого невозможно не любить, кто только его

²⁶ Имелся в виду пролив Кука между Северным и Южным островами Новой Зеландии. На самом деле именем королевы Шарлотты назван не пролив, а залив в северо-восточной части Южного острова.

²⁷ См. главу 5.

узнает». Но ни замечательные человеческие качества, ни высокая компетентность, ни писательский талант Ивана Михайловича (о наличии такового свидетельствует незавершённая, к сожалению, рукопись учёного о путешествии) не уменьшали серьёзности возникшей проблемы. Астрономическими наблюдениями, так или иначе, занимались в ходе плавания все офицеры обоих шлюпов – главным образом, практикуясь в определении координат судов в океане по положению небесных светил. Но медики экспедиции Яков Берг и Николай Галкин могли рассматриваться как естествоиспытатели лишь с очень большой натяжкой, а теоретический аспект геологических исследований в значительной степени взял на себя сам начальник эскадры.

Рисунок 21. Иван Михайлович Симонов

«Таким образом, – констатировал Фаддей Фаддеевич, – мы лишились надежды делать обретения по естественной истории, нам осталось утешение набирать по сей части всё встречающееся и, по возвращении нашем, предоставить людям знающим отличить известное от неизвестного; ... мы всегда сожалели и теперь сожалеем, что не было позволено идти с нами двум студентам по части естественной истории из русских, которые сего желали, а предпочтены были неизвестные иностранцы».

29 июля (10 августа) суда Беллинсгаузена и Лазарева, а чуть позже их – и «Открытие» с «Благонамеренным», отдали якоря на Спидхэдском рейде города Портсмута. Важней-

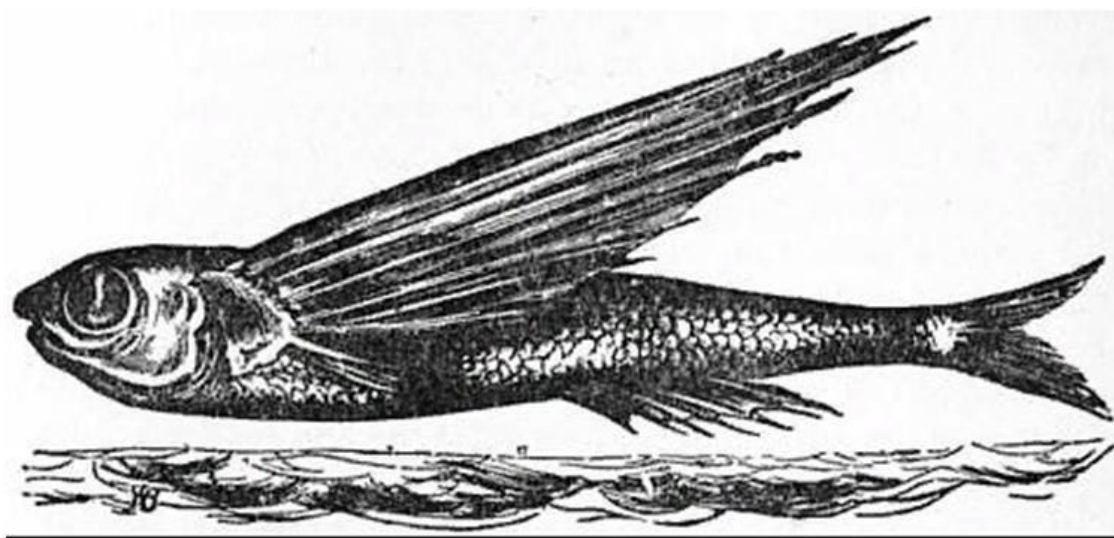
ший английский порт в Ла-Манше стал в те дни для русских моряков чем-то вроде «места встречи», которое «изменить нельзя»: к моменту прибытия «Востока» и «Мирного» там уже стоял возвращавшийся из Русской Америки шлюп Василия Михайловича Головнина «Камчатка». 20 августа (1 сентября) сюда же зашёл – также завершая дальнейшее плавание – корабль Российско-Американской компании «Кутузов» под командованием капитан-лейтенанта Леонтия Андреевича Гагемейстера.

Закупив в Англии недостающие карты, книги, навигационное оборудование и инструменты для научно-исследовательских работ, Беллинсгаузен и Лазарев покинули Портсмут 26 августа (7 сентября) 1819 г. Затем был остров Тенериф, где накупили фруктов и «долили», по словам командира эскадры, «все бочки свежую водою». Теперь «Востоку» и «Мирному» предстоял долгий и, может быть, опасный переход к южноамериканским берегам.

К счастью, на этом отрезке пути обошлось без каких-либо серьёзных проблем. Общее представление о плавании в тропических широтах Атлантики можно получить, сопоставив описания, сделанные участниками экспедиции.

Матрос 1-й статьи со шлюпа «Восток» Егор Киселёв излагал свои впечатления кратко и безыскусно:

«М-ца октября... 17-го. Поймали летучую рыбу в 7 вершков, которая похожа на ряпуху, и тут их множество летает стадами у самого экватора²⁸... 24-го. Поймали 12 рыб, у которых чешуя как золотая, и употребляли в пищу господ и служители».

Рисунок 22. Летучая рыба

Мичман «Мирного» П.М.Новосильский рисует более подробную и красочную картину:

«Как жаль, что с нами не было натуралиста – какое обильное поле для наблюдений представили бы ему море и воздух! В струе за кормом плыли дельфины, бониты, акулы..., не отставая от нас. Тропические птицы летали над шлюпом, морской орёл, фрегат, распустив широкие крылья, стоял неподвижно в воздухе над грот-брам-реей²⁹, несмотря на скорость нашего хода... Над головой сновали летучие рыбки. Бедной этой рыбке нет пощады ни в море, ни в воздухе. В море преследуют её бониты и дельфины, в воздухе – тропические птицы; ... фре-

²⁸ Орфография автора.

²⁹ Грот-брам-рей (иногда – рея) – третий снизу поперечный брус на грот-мачте (второй от носа, главной мачте), служит для крепления грот-брамсея – третьего снизу паруса на этой мачте. «Мирный», видимо, шёл тогда без бом-брам-стенг, и грот-брам-рей был у него самым верхним реем.

гат, завидя с высоты свою добычу, стрелой падает вниз и хватает даже на некоторой глубине несчастную рыбку.

Дельфинов мы легко ловили, надевая на толстый крючок лоскут красного флагдука... Дельфины имеют необыкновенную силу даже с палубы делать высокие прыжки: один из них, поменьше сажени (1,83 м – А.Л.), так ловко скакнул, что полетел сквозь раскрытый люк прямо в капитанскую каюту и упал плашмя на стол, на котором лежали морские карты, циркули, карандаши, линейки...»

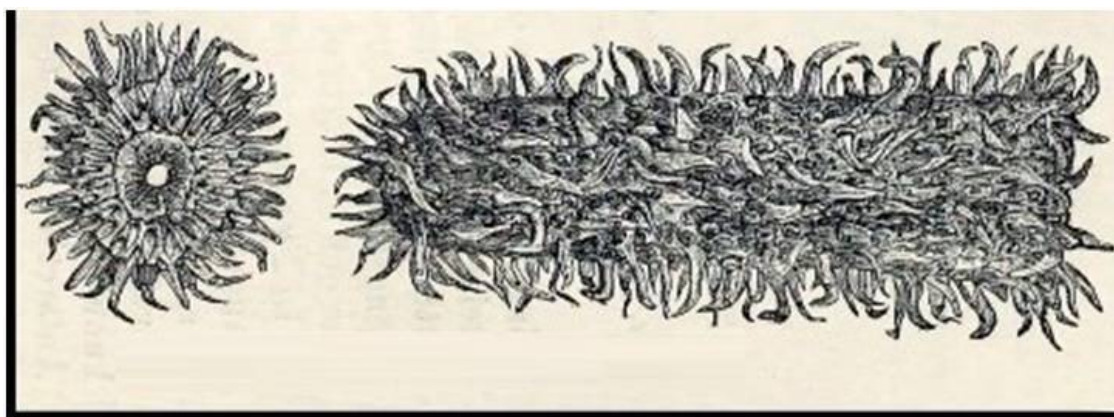
По свидетельству астронома И.М.Симонова, «Восток» сопровождал такой же эскорт морских обитателей: «... бониты в великом множестве окружали шлюп наш и в виду нашем гонялись за летучею рыбою, и притом так усердно, что выпрыгивали из моря вон вслед за полётом экзоцетов (летучих рыб – А.Л.), вместе с ними окружили и сопровождали нас дельфины, дорады, акулы, а иногда вдали мы видели восходящие из моря фонтаны, пускаемые, вероятно, кашалотами, принадлежащими к роду китов меньшего размера... Этот род преимущественно любит тропические моря.

Дельфины разных родов окружали нас стаями, и мы очень много ловили их, что доставляло служителям свежую пищу, которая была довольно вкусна».

А вот как описывает Симонов охоту на акул:

«Их очень легко ловить. Акула обыкновенно следует за кормою и хватает всё, что к ней бросают с корабля. Чтоб поймать акулу, мы обыкновенно спускали с юта большую крепкую удочку, повешанную на довольно толстой цепи, а другой конец цепи привязан к крепкой верёвке, продетой через блок. Для приманки можно надеть на удочку что угодно: кусок солонины или рыбы и даже красный лоскуток шерстяной материи. Лишь только опускают эту приманку в море, акула мгновенно её хватает, а несколько человек матросов подымают её посредством блока сперва на ют, а потом на шкафут, где и разрезавают её в пищу. Но акула жёстче дельфина, менее его вкусна и требует приправы, как треска».

С наступлением темноты на безоблачном небе загорались невиданные или едва заметные в Европе звёзды Южного полушария – Ахернар, Канопус, Сириус, созвездие Южного Креста... Но ещё более дикие огни вспыхивали по всему окружающему суда водному пространству. «Ночью мы видели в море весьма много фосфорического света, – вспоминал Ф.Ф.Беллинсгаузен, знакомый с этим феноменом ещё по плаванию с И.Ф.Крузенштерном, – происходящего от множества малых как будто искр и больших светящихся глыб. Величественное явление сие поражает зрителя: он видит на небе бесчисленное множество звёзд и море, освещённое зыблящимися искрами, которые ... в струе за кормою образуют огненную реку. Тот, кто сего никогда не видал, изумляется и совершенно в восторге. Фосфорическое блистание происходит, как известно, от склизких морских червей (Molusca). Для поймания сих искр и больших светящихся шаров с кормы шлюпа опущен был на верёвке в воду флагдучный мешок: вытащили во множестве как больших, так и малых блестящих животных, из коих по особому блистанию обратила внимание наше пирозома (Pyrosoma)... животное сие кажется будто стеклянное, когда в воде в спокойном состоянии иногда лишается света: спустя несколько времени... начинает светить..., после того снова постепенно тускнеет, а при малейшем потрясении воды мгновенно блистание возобновляется».

Рисунок 23. Пирозома атлантическая

Разумеется, типичный день матроса или офицера находящегося в дальнем плавании корабля включает в себя не только развлечения вроде вышеописанных охотничьих забав или созерцание красот природы. П.М.Новосильский воспроизводит в своей книге распорядок дня офицеров шлюпа «Мирный»:

«День у нас разделялся на 5 вахт, или очередей, а именно: 1-я вахта с полудня до 6 часов, 2-я – с 6 часов до полуночи, 3-я – с 1-го до 5-го, 4-я – с 5-го до 9-го и 5-я – с 9-го до полудня. В 8 часов мы собирались в кают-компанию пить чай. Тут рассказывались новости, если были какие на ночных вахтах... В 10 часов делали солнечные наблюдения, по которым вычисляли время на шлюпе; сравнивая это время с хронометром, получалась долгота места. Перед полуднем все офицеры являлись на палубу брать секстансами полуденную высоту солнца. Особенный звон колокола «рында» возвещал полдень, после чего каждый спешил вычислять широту места шлюпа в полдень.

В час сходились к обеденному столу, не роскошному, но всегда хорошо приготовленному; капитан Лазарев обедал и пил чай вместе с нами. В кают-компанию всякий занимался своим делом, притом у нас была довольно значительная библиотека русских и отчасти иностранных книг; мы наперёд условились, кому какие взять... Карты решительно изгнаны были на нашем шлюпе, – капитан Лазарев не мог терпеть их. Хороший вечер обыкновенно проводили на палубе. Тут начинались забавы матросов: иные, собравшись в кучу, пели песни, другие занимались гимнастическими играми...»

Прямо в пути произвели замену некоторых неудачно сделанных элементов рангоута «Востока», до чего перед отплытием из-за нехватки времени просто «не дошли руки»³⁰. «Я имел намерение, – писал Беллинсгаузен, – во время плавания при пассатных ветрах переменить все стеньги и поднять запасные, которые, по просьбе моей, в Кронштадте сделаны были 3-мя с половиною футами (на 1,067 м – А.Л.) менее настоящих. К исполнению сего мы имели самое удобное время, и как шлюп «Восток» был в ходу многим превосходнее шлюпа «Мирный», то я надеялся, что от работы не будет в плавании остановок; но, чтоб при жарах работа была для служителей легче, разделил оную на 3 дня... Паруса также убавлены и переменены. Все работы я производил в море, потому что при береге всегда бывает много других».

18 (30) октября 1819 г корабли впервые в «вояже» пересекли экватор. Произошло это на 22°19'56" западной долготы.

По международной морской традиции, приживавшейся уже и в русском флоте, день ознаменовался празднеством в честь владыки морей Нептуна.

³⁰ См. главу 5.

«Обыкновение особым образом торжествовать переход через экватор, хотя кажется маловажным и совершенно детскою забавой, однако производит большое действие на мореплавателей, – указывал Ф.Ф.Беллинсгаузен. – Скучный и единообразный путь между тропиками разделён экватором на 2 части; достигнув экватора, мореплаватель радуется, что совершил половину сего пути, празднует и начинает снова вести счёт дням, забывая прошедшие. Остальная часть плавания кажется ему не столь продолжительною...; приятные чувствования удовольствия способствуют сохранению здоровья мореплавателей».

Однако с организацией такого праздника на «Востоке» возникла весьма специфическая проблема: единственным человеком на борту шлюпа, проходившим ранее экватор, был сам капитан, а ему по статусу не положено было рядиться Нептуном. Поэтому ограничились тем, что Фаддей Фаддеевич, по его собственным словам, «почерпнутою с Южного полушария морскою водою окропил офицеров и учёных, дабы, так сказать, познакомить их с водами Южного полушария. Комиссар³¹, над коим вместе с прочими совершён сей обряд, исполнил то же над командою, с той только разностью, что вместо капель выливаема была полная кружка воды в лицо каждому. Все с удовольствием подходили к комиссару, и в ознаменование перехода в Южное полушарие я велел раздать по стакану пунша (Симонов добавляет: «с ямайским ромом» – А.Л.), который пили при пушечных выстрелах за здоровье его величества императора Александра I».

Между тем на «Мирном» имел место настоящий морской карнавал. В книге П.М.Новосильского торжество описывается так: «На богато убранной кораллами, раковинами и морскими растениями колеснице пожаловали к нам Нептун с Прозерпиной³², наядами и тритонами; после произнесения забавных речей все, кто не переходил ещё линии, выкупаны были в морской экваториальной воде, налитой в шлюпку... Офицеры, однако ж, откупились от этого обряда. Затем началось угощение океанских посетителей и всего экипажа. Громкие песни и пляски не прекращались до самой ночи. Колесница сделана была из брандспойта; Нептуна с трезубцем представлял рулевой, не раз переходивший уже экватор, а Прозерпину – капитанский юнга».

2 (14) ноября оба судна «южной дивизии» вошли в порт Рио-де-Жанейро, тогда – важнейшего города в южноамериканских владениях Португалии. «Мы весьма обрадовались, увидя в Рио-Жанейро шлюпы «Открытие» и «Благонамеренный», которые двумя днями после нас отправились из Портсмута и одним днём прежде нас пришли в Рио-Жанейро; сие последовало оттого, что господин Васильев никуда не заходил, а мы пробыли 5 дней у острова Тенерифа», – вспоминал потом Ф.Ф.Беллинсгаузен.

³¹ Вероятно, старший офицер. В рукописи Симонова он назван «командиром шлюпа».

³² Здесь П.Новосильский допускает неточность: Прозерпина в латинской мифологии – жена не Нептуна, а Плутона, повелителя подземного Царства Мёртвых. Супругу же бога морей зовут Амфитрита.

Рисунок 24. Рио-де-Жанейро. Картина 1844 г

На момент прибытия четырёх русских кораблей Рио временно исполнял роль столицы не только собственно Бразилии, но и... всего Португальского королевства. Дело в том, что ещё в 1808 г, когда французская армия Наполеона Бонапарта вторглась в Португалию, король последней Жуан VI бежал со своим двором из Лиссабона за океан – и в 1819-м по-прежнему пребывал вдалеке от Европы, в экономическом и политическом центре своей крупнейшей колонии. Поэтому здесь, помимо российского генерального консула коллежского советника Георгия Генриховича Лангсдорфа (в 1803 – 1805 гг участвовал как естествоиспытатель в 1-й русской кругосветной экспедиции под началом И.Ф.Крузенштерна) и вице-консула Кильхена, находился и посол России при португальском дворе генерал-майор барон де Тейль фон Сераскеркен. Эти трое оказали нашим морякам всяческое содействие – и в снабжении их необходимым для дальнейшего плавания провиантом, и в обеспечении наилучших возможных условий для проверки корабельных часов-хронометров (осуществлялась на расположенном вблизи от места стоянки шлюпов Крысьем острове И.М.Симоновым с помощью прикомандированных к нему гардемарина Адамса и унтер-офицера артиллерии Корнильева), и в ознакомлении любопытствовавших с городом и страной пребывания. Так, с помощью вице-консула Кильхена офицеры всех шлюпов совершили экскурсию к знаменитому водопаду в 16 милях от Рио-де-Жанейро, а посол устроил четырёх командирам – Беллинсгаузену, Лазареву, Васильеву и Шишмарёву – приём у самого короля.

Великолепие тропической флоры и фауны, очевидное обилие природных богатств, почти райский, по российским меркам, климат и красота отдельных, особенно монастырских, построек не могли, тем не менее, лишить наших путешественников способности видеть и подмечать реалии другого рода: неудачная планировка города, узкие улицы, на которые прямо из окон домов выкидывали мусор и нечистоты, отсутствие светских учебных заведений, засиление церкви в общественной и культурной жизни, примитивность экономики, специализировавшейся почти исключительно на выращивании на экспорт кофе и сахарного тростника... Особенно угнетающее впечатление произвели на офицеров и учёных невольничьи лавки, где, как скотом, торговали привезёнными в Бразилию чернокожими рабами обоего пола и разных

возрастов. Ф.Ф.Беллинсгаузен в своей книге назвал эти лавки «мерзостными» и рассказал, что в них происходило:

«В каждой лавке неотлучно находится один из португальцев или из негров прежних призовов; должность такового надзирателя состоит в том, чтоб стараться представить сих несчастных в лучшем и весёлом виде, когда приходят покупщики. Он держит в руке плеть или трость; по сделанному знаку все встают, потом скачут с ноги на ногу, припевая плясовые песни; кто же из них, по мнению продавца, не довольно весело смотрит, скачет или припевает, тому он тростью придаёт живости. Покупщик, выбрав по желанию своему невольника, выводит его ... вперёд, осматривает у него рот, ощупывает всё тело, руками колотит по разным частям, и..., уверясь в крепости и здоровье негра, его покупает».

Хотя в записках участников экспедиции это прямо не отражено, но наверняка у кое-кого из наблюдавших такой торг возникли ассоциации с положением их крепостных соотечественников³³.

Пробыв в Рио-де-Жанейро 20 дней, 4 русских корабля отправились дальше 22 ноября (4 декабря) 1819 г. Выйдя в океан, «северная» и «южная» эскадры разлучились окончательно: «Открытие» и «Благонамеренный» пошли к мысу Доброй Надежды с тем, чтобы оттуда плыть к Берингову морю, а «Восток» с «Мирным» взяли курс на юг. Впереди у них было самое трудное...

---

³³ Лейтенант со шлюпа «Восток» Константин Петрович Торсон стал впоследствии активным участником движения декабристов.

Глава 7. «Курс на берег нелюдимый...»

В соответствии с данной Беллинсгаузену инструкцией³⁴, суда первым делом направились к острову Южная Георгия, следуя маршрутом мореплавателей, искавших в конце XVIII в остров Гранде, якобы открытый Антониом де Ла-Рошем на 45-й параллели ещё в 1675 г, но так и не виденный никем впоследствии.

Через 2 дня после выхода из Рио, т.е. 6 декабря, в 9 ч утра, оба шлюпа легли в дрейф, и с «Востока» спустили ялик, который причалил к борту «Мирного», забрал и привёз на корабль Беллинсгаузена священника, медика Галкина, лейтенанта Анненкова, мичмана Новосильского и самого командира Лазарева.

Сначала состоялся общий молебен о ниспослании благополучного и удачного окончания начатому опасному предприятию. Потом, по приказанию Беллинсгаузена, Лазарев принял на «Мирный» жалованье на 20 месяцев и порционные деньги на тот же период, чтобы не оставить экипаж своего корабля без надлежащего содержания в случае несчастья с «Востоком». На случай же разлучения судов в океане из-за бури, тумана или в силу каких-либо непредвиденных обстоятельств, начальник «дивизии» предписал Михаилу Петровичу следующее:

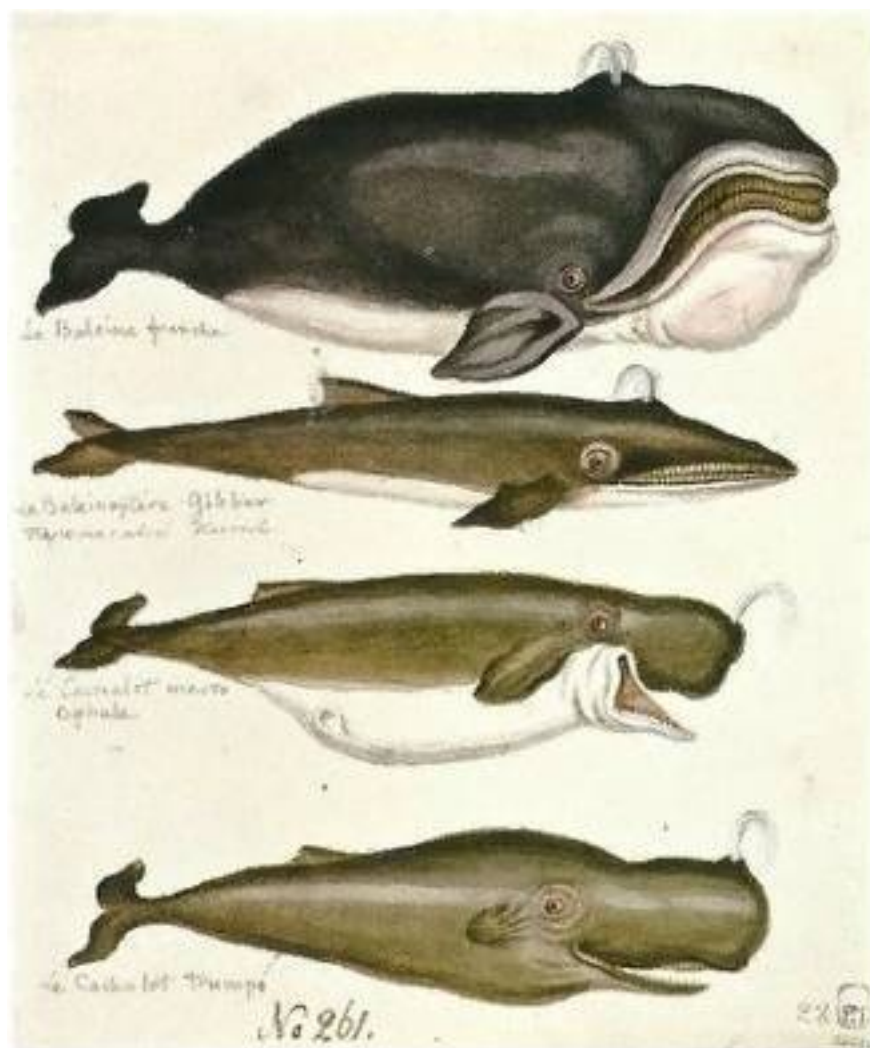
«Приступая к исполнению возложенного на меня поручения, прошу вас с вверенным вам шлюпом “Мирный” в дурные погоды держаться в расстоянии пяти кабельтовок (926 м – А.Л.) в кильватере, а во время туманов ближе к шлюпу “Восток”; напротив, в хорошую погоду на траверзе в расстоянии 4-х, 6-ти и осьми миль (7,41 км; 11,12 км и 14,82 км – А.Л.), дабы нам пространнее обозревать горизонт. В ночное время, когда на шлюпе “Восток” будет поднят фонарь, тогда и на “Мирном” поднять фонарь на том месте, откуда оный должен быть виднее. Может случиться, что суда, назначенные производить плавание вместе, разлучатся, и, как сему почти всегда бывает кто-нибудь виною, прошу вас внушить господам вахтенным лейтенантам быть крайне бдительными. Когда же неожиданно последует разлука, тогда искать друг друга 3 дня на том самом месте, где в последний раз находились в виду один другого и производить пальбу из пушек; ежели и после сего не встретимся, то старайтесь поступать по инструкции, мне данной, с которой вы копию уже имеете; когда ... разлука случится прежде острова Георгия, тогда рандеву назначаю на высоте залива Овладения, где, прождав 4 дня, поступать по инструкции, а ежели разлучимся близ Фолклендских островов и время года будет ещё позволять, то держаться около сих островов, под ветром, и, отыскав гавань, войти в оную, где и ожидать 6 дней, разводя на горах огни; после чего возвратиться чрез Куков пролив в Порт-Жаксон (Порт-Джексон, т.е. Сидней в Австралии – А.Л.) и там ждать прихода шлюпа “Восток”. Всё вышеописанное во время разлуки будет с точностью исполняемо на шлюпе “Восток”».

Из цитаты понятно, каким виделось Фаддею Фаддеевичу дальнейшее плавание вверенной ему эскадры. На всё время «вояжа» были установлены следующие правила для вахтенных команд: при хорошей видимости вперёдсмотрящие постоянно обозревали море со всех трёх салингов³⁵ и информировали вахтенного офицера о результатах своих наблюдений; а чтобы никого не сбивали с толку чужие, возможно, ложные известия, и каждый сообщал только об увиденном им лично, переговариваться между собой дежурившим на мачтах матросам было запрещено.

---

³⁴ См. главу 6.

³⁵ Салинг – вторая снизу площадка для вперёдсмотрящего на мачте, представляющая собой нечто вроде рамы из продольных и поперечных брусьев, к которой крепятся брам- и бом-брам-бакштаги, т.е. снасти, поддерживающие с боков две самых верхних стеньги – дополнительные съёмные секции мачты, увеличивающие её высоту и несущие добавочные верхние паруса (брамсели и бом-брамсели).

Рисунок 25. Киты и кашалоты. Художник П.Н.Михайлов

Закончив необходимые приготовления к худшему варианту развития событий, пошли намеченным курсом. По мере увеличения широты, заметно осложнялись условия плавания: всё чаще и чаще, и на более продолжительное время, густой туман скрывал горизонт, а небо затягивалось тучами, мешавшими определять по небесным светилам положение судов. Проливались дожди, налетали шквалы... В небе появились характерные для холодного климатического пояса бурные птицы и альбатросы, рядом со шлюпами нередко всплывали киты, которых Беллинсгаузен считал рыбами. Вот, например, его запись от 2 (14) декабря – суда находились тогда на $38^{\circ}59'33''$ южной широты и $41^{\circ}48'23''$ западной долготы:

«По горизонту был туман, подобно как в С.– Петербурге, когда река Нева вскрывается и влажность от оной морским ветром приносит в город. Большие рыбы от 15 до 18 футов (4,57 – 4,88 м – А.Л.) величиною, из рода китов, окружали наши шлюпы; все бросились за ружьями. Лейтенанту Демидову удалось ранить пулею в голову одну, которая близ шлюпа высунулась из воды перпендикулярно футов на 5 (1 м 52 см – А.Л.) и, быв ранена, бросилась прочь от шлюпа, оставляя кровавой след».

Возможно, именно этот выстрел стал причиной курьёза, имевшего место на следующий же день: «В 11 часов утра вахтенный лейтенант Игнатъев донёс мне, что на WSW (вест-зюйд-весте, т.е. запад-юго-западе – А.Л.) виден бурун: я обрадовался, заключив, что можно ожидать близости берега, который господин Ла-Рош усмотрел в 1675 г..., велел держать к буруну; но,

подошел ближе, мы увидели мёртвого кита, на которого вода разбивалась; кит окружён был множеством морских птиц, летающих, плавающих и на нём сидящих».

Поскольку в составе экспедиции не было естествоиспытателей (как мы помним, 2 немецких натуралиста, которых корабли должны были принять на борт в Копенгагене по предварительной договорённости, неожиданно отказались плыть с нашими моряками, а замену им ни в Дании, ни в Англии найти не удалось), было принято решение добывать и сохранять в виде чучел и другим образом для доставки в российские музеи как можно больше экземпляров различных встречаемых по пути животных – мол, дома специалисты разберутся, представляют эти виды интерес для науки или нет. Вот и в этот раз лейтенант Демидов и лекарь с «Востока» Берг воспользовались случаем и подстрелили одного альбатроса, сверху тёмно-бурой, снизу белой окраски, длиной 2 фута 8 дюймов (почти 61 см) с размахом крыльев в 7 футов 6 дюймов (примерно 81,3 см). В тот же день видели большое стадо «морских свиней» – дельфинов особой породы.

Поиски острова Гранде закончились безрезультатно 8 (20) декабря. Беллинсгаузен предположил, что Ла-Рош обнаружил какой-то из уже известных к началу XIX в островов, но какой именно, утверждать с уверенностью не мог, потому что из сохранившегося описания плаванья этого капитана неизвестно, обходил ли он мыс Горн с востока и вышел к Фолклендским островам или держал южнее открытой Джеймсом Куком в 1774 г «Георгии» и видел остров Уоллиса. «Все сии мнения определяют долготу острова Гранде разную, и потому, направляя путь одним меридианом, можно только по счастью попасть к сему острову».

Прекратив эти казавшиеся теперь бессмысленными поиски, продолжали путь к острову Южная Георгия. 10 (22) декабря приняли меры против усиливавшихся холодов. Запись начальника эскадры: «До сего времени через день всегда в палубах разводили огонь в чугунных печках, которые, по прекращении огня, выносили (наверх – А.Л.); с сего же дня, вступая в холодный климат, я велел поставить и укрепить печки на местах, трубы вывести в грот- и форлюки, а самые люки закрыть; в грот-люке для света вырезан был... квадрат, в который вставили стекло, дабы не входила мокрота; остальная часть люка обита смолёной парусиной; вход в палубу оставлен был в фор-люке; в грот-люк позволялось ходить только в чрезвычайных случаях...»

«Когда мы были в южной широте 48°50', тогда показались на море пингвины, прибывшие к нам навстречу из Южного Ледовитого моря», – отметил плывший на «Востоке» астроном И.М.Симонов. Беллинсгаузен уточняет, что это были хохлатые (желтохохлые) пингвины (*Aptenodites chrysocome*).

Южную Георгию увидели 15 (27) декабря. Открыв этот остров, Кук лишь бегло осмотрел его, и русская экспедиция приступила к более детальному исследованию. Впрочем, поначалу даже просто разглядеть берег было нелегко из-за скрывшего его после полудня тумана. Только временами становились видны островерхие утёсы и забитые льдом заливы.

Несколько позже, уже во время картографической съёмки, И.М.Симонов рассмотрел остров получше и оставил впечатляющее его описание:

«Волны с шумом дробятся о каменный берег его, на котором в диком беспорядке разбросаны гранитные обломки гор. В заливах гнездились ледяные глыбы, а возвышенные места покрыты вечным снегом, на скалах резкий переход от белизны снега к чёрному грунту земли или камня, а облака, венцеобразно вьющиеся на остроконечных вершинах гор, делают эту дику картину ещё разительнее».

Рисунок 26. Остров Южная Георгия. Вид из бухты. Фотография

К удивлению наших путешественников, земля эта на момент их прибытия оказалась не совсем «нелюдимой». В тот же день со стороны острова показался довольно большой бот, приблизился к «Востоку», лёг, как и последний, в дрейф и спустил маленький ялик, который подошёл непосредственно к борту шлюпа. Трое из четверых сидевших в ялике людей поднялись на палубу корабля, и один из них изумил встречавших гостей офицеров и матросов, сказав им на отличном русском языке:

– Здравствуйте, господа! Поздравляю вас с приездом.

Люди эти оказались английскими охотниками, уже 4 месяца промышлявшими морских слонов на негостеприимных берегах Южной Георгии. Они прибыли сюда на двух трёхмачтовых судах, стоявших в заливе Марии, а бот использовали непосредственно для поиска зверей в бухтах. Говоривший же по-русски промышленник назвался уроженцем Пруссии и сказал, что, пожив какое-то время в Петербурге, Риге и Архангельске, неплохо изучил русский язык. Беллинсгаузен подозревал, что на самом деле человек этот был матросом, дезертировавшим в Англии с российского судна, но решил не вникать глубже в это дело. Он прекрасно знал, что далеко не на всех ходивших под Андреевским флагом кораблях методы поддержания дисциплины и обращение командного состава с простыми «служителями» были такими, как на его шлюпе или, десятилетием раньше, на корабле «Надежда» Ивана Фёдоровича Крузенштерна. «Нормой» было, к сожалению, другое: рукоприкладство боцманов и самих «господ офицеров»; жестокие порки матросов специальными верёвками – линьками, а то и «кошками» – плетями вроде использовавшихся в британском военном флоте; общее отношение к рядовым как к «быдлу», обязанность которого – быть «немым»³⁶...

По приказу Фаддея Фаддеевича, посетителям выдали по чарке водки, и те, выпив за здоровье наших моряков, пожелали им счастливого пути.

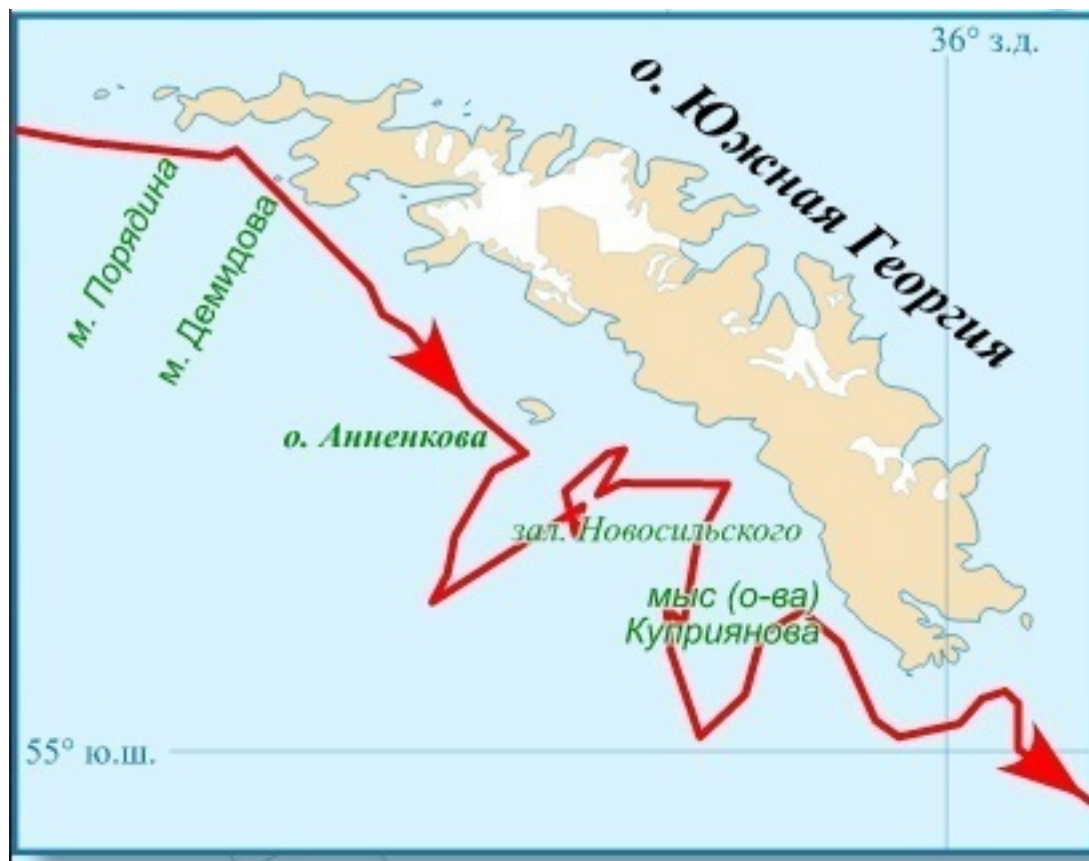
Два дня ушло на картографирование юго-западного берега острова Георгии. Поскольку Беллинсгаузен первым обследовал и описал этот берег, все наиболее важные географические

---

³⁶ Читайте об этом в «Морских рассказах и повестях» К.М.Станюковича и примите во внимание тот факт, что во время, описанное автором (1850-е – 60-е годы), подобная практика в Российском Императорском флоте всё-таки, в отличие от начала XIX в, уже изживала себя. Ивана Фёдоровича Крузенштерна же ещё в 1800-х годах даже его подчинённые – например, лейтенант с «Надежды» Ермолай Левенштерн – осуждали за излишнюю, по их мнению, мягкость по отношению к матросам.

объекты здесь получили имена спутников капитана. Так на карте появились мысы Парядин (в честь штурмана «Востока»), Демидов и Куприянов (в честь мичмана с «Мирного»), залив Новосильский, а рядом с Южной Георгией – остров Анненкова.

Рисунок 27. Маршрут экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева у берегов острова Южная Георгия.

Видоизменённый фрагмент изображения «Маршрут первой русской антарктической экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева в 1819—1821 годах». CC BY-SA 4.0. Авторство: Kaidor.

Это векторное изображение содержит элементы, заимствованные из другого изображения:, CC BY-SA 4.0, <https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=78057591>

Дорожа каждым днём южного полушарного лета, Беллинсгаузен и Лазарев по окончании гидрографических работ у Южной Георгии незамедлительно двинулись к Сандвичевой земле, обследованной капитаном Куком только с запада, а в восточной её части остававшейся неизученной.

18 (30) декабря дул крепкий ветер от норд-норд-вест (с севера-северо-запада), погода была пасмурная, море сильно волновалось. В 6 часов утра с «Мирного», оказавшегося немного впереди «Востока», передали семафором, что видят землю. Опасаясь быть снесёнными на невидимые в тумане рифы или мель, оба командира поспешно повернули свои суда в сторону, противоположную той, где вроде бы заметили сушу. 19-го ветер стих, видимость улучшилась, и в 3 часа обнаружили то, что накануне приняли за остров – большую льдину на ОтН («ост – румб к норду», т.е. с отклонением на $11^{\circ}15'$ к северу от восточного направления по компасу). Вокруг в разных местах пускали фонтаны множество китов.

А на следующий день, в 10 часов, в широте южной $56^{\circ}4'$, долготе западной $32^{\circ}15'$, впервые в этом плавании прошли мимо огромного ледяного острова (айсберга), в окружности около полутора миль (примерно 2,78 км) и высотой от поверхности воды 180 футов (54,9 м). «С северной стороны, – указывает Беллинсгаузен, – отлогий льдяной мыс был покрыт пингвинами; они все стояли, размахивая лапами. Плавающая громада льда, которую мы увидели в первый раз, привела нас в величайшее изумление; ... сии огромные льдяные острова в Южном полушарии бывают часто видимы».

За мнимыми открытиями последовали настоящие. 22 декабря (3 января) с утра стояла густая пасмурность, но в 11 часов несколько прояснилось, и к северу в 30 милях (24 км) от местоположения «Востока» обнаружился – на этот раз сомнений не было – какой-то остров. Шлюпы направились к нему, прибавив парусов. В начале первого часа остров был от них в пяти милях (чуть больше 9 км) на северо-западе, на $56^{\circ}41'30''$ ю.ш. и $28^{\circ}10'$ зап. д.³⁷ В описании Беллинсгаузена, он имел «вид хребта горы, высунувшейся из океана, ... длиною несколько менее двух миль (3,7 км – А.Л.), ширина в половину длины; южная часть оканчивается небольшим, на сахарную голову похожим, возвышением, которое издалика кажется отдельным; весь остров покрыт снегом и льдом, не был ещё известен, а потому назвал я оный островом Лескова, в честь третьего лейтенанта шлюпа “Восток”».

С этого дня открытия следовали одно за другим. Утром 23-го (4 января) увидели «остров, совершенно очистившийся от тумана, а на середине сего острова высокая гора; вершина её и скаты покрыты снегом; крутизны, на которых снег и лёд держаться не могут, имеют цвет тёмный. Остров круглый, в окружности 12 миль (22,24 км – А.Л.), по крутому каменному берегу неприступен...» Поначалу этот остров получил имя Константина Петровича Торсона, также лейтенанта с «Востока», но в книге Ф.Ф.Беллинсгаузена «Двукратные изыскания в Южном ледовитом океане и плавание вокруг света» это название почти не упоминается: она вышла в свет в 1831 г, т.е. в царствование Николая I, по повелению которого революционер-декабрист К.Торсон был сослан на каторгу, а названный в его честь остров переименован в Высокий.

«Поутру впереди нас к северу висели сгустившиеся чёрные тучи, которые как будто не переменили своего положения; – продолжает Беллинсгаузен, – сие служило поводом к заключению, что в близости должен быть берег, и мы пошли на север к облакам. В самом деле, пройдя несколько, увидели остров; по приближении рассмотрели на юго-западной стороне жерло, из которого беспрерывно поднимались густые смрадные пары... я назвал остров в честь первого по мне на шлюпе «Восток» капитан-лейтенанта, островом Завадовского... Обходя остров с близкого расстояния, мы видели несколько снегу на горе и очень мало на низких местах, а со стороны, где находится жерло, и вовсе нет. Вероятно, по сим причинам пингвины избрали остров своим жилищем; от основания до половины горы все места ими покрыты.

Берега с SW (юго-западной – А.Л.) стороны отвислы и неприступны; цвет имеют, как и сама гора, тёмно-красный, а инде желтоватый».

На этот остров решили произвести высадку, для чего держались всю ночь вблизи берега под зарифлёнными (частично свёрнутыми) марселями (вторыми снизу прямыми парусами на мачтах). В 10 часов следующего утра «Восток» лёг в дрейф у юго-западного мыса, и старший офицер Завадовский отправился на яlike к берегу суши своего имени. Его сопровождали астроном Симонов и лейтенант Демидов. С «Мирного» к острову Завадовского также был послан ялик – со старшим офицером лейтенантом Обернибесовым и мичманами Куприяновым и Новосильским.

С группой, высадившейся с «Востока», на берегу не случилось ничего особенного. В изложении Ивана Михайловича Симонова их экскурсия выглядит так:

³⁷ По наблюдениям Михаила Петровича Лазарева с борта «Мирного», координаты острова были $56^{\circ}41'$ ю.ш. и $28^{\circ}7'40''$ зап. д.

«... на половине пути нашего к нему (острову – А.Л.) нас встретили пингвины и, быстро плавая и ныряя, сопровождали нас до самого берега. Некоторые обгоняли нас, приплывали к берегу и выходили на него, как будто с известием о нашем появлении, другие бросались с берега в воду, подплывали к нам и опять возвращались на берег, как будто с удостоверением верности донесения первых... Чайки, утки, альбатросы и курицы Эгмонтской гавани (поморники – А.Л.) летали почти над головами нашими... Птицы часто садились на воду не далее, как в двух шагах от нас, так что один матрос едва не убил утку веслом, но она успела нырнуть... Подъехав к острову, мы нашли небольшую пристань, но по причине сильного волнения с трудом могли выйти на берег. Миллионы пингвинов стояли на земле один подле другого, и прохода не было от тесноты. А так как они в первый раз видели человеческие фигуры, то прибытие наше не возбуждало между ними никакого беспокойства. Мы должны были употреблять силу, чтобы пройти через бесчисленные ряды их на средину, где их было очень мало. Они безвредно защищались лапами и носами, но пинки и палки заставляли их дать нам дорогу. После мы узнали, что была очень важная причина их упорства. Пингвины по близости к берегу вырывали ямки, клали в них яйца, и в то время, как мы вышли на остров Завадовского, самки выводили детей...

Пробившись через толпы неподвижных пингвинов, мы поднялись на гору до такой высоты, где жерло сопки было почти перед глазами нашими, и видели, как дым клубами выходил из пропасти без извержения огня и лавы. Далее войти на гору было невозможно, как по крутизне её, так и по сыпучести прежней... мелкой лавы, которая на всяком шагу осыпалась под ногами нашими... Измученные многими попытками войти выше, мы возвратились вниз, собрав несколько кусков лавы и камней. Вместе с этим минералогическим собранием мы привезли на шлюп множество живых пингвинов, которые на гладкой палубе шлюпа переваливались с ноги на ногу, забавляли нас своей неловкой походкой... Настреленные дорогой с острова на шлюп курицы Эгмонтской гавани доставили нам к Святкам свежую дичину, из которой жареная вкусом имеет сходство с дикой уткой».

Пойманные путешественниками пингвины принадлежали к двум разным породам: более мелкие были с чёрными острыми клювами, верхние концы которых загибались вниз, белой снизу, пересечённой узкой горизонтальной полосой шеей, белыми же лоснящимся брюхом и низом лап, но бурыми с серо-голубыми пятнами верхом лап и спиной, телесного цвета лапками, глазами соломенного цвета с тёмными зрачками. Другая порода, покрупнее, были те самые хохлатые пингвины, которых моряки впервые встретили на пути к Южной Георгии. Их носы были красные, глаза того же цвета с маленькими чёрными зрачками, хвосты чуть короче, чем у первых, а на головах имелись хохолки из перьев жёлтого цвета. Симонов заметил, что на берегу каждая порода пингвинов старалась держаться особняком от другой.

Рисунок 28. Хохлатый пингвин. Художник П.Н.Михайлов

А вот Павел Михайлович Новосильский пережил на острове приключение, которое едва его не погубило.

На пути к берегу их, как и отряд с «Востока», сопровождал птичий эскорт. «Пингвины выскакивали из воды у самого борта шлюпки, так что можно было их брать руками, – писал Новосильский в своей вышедшей 33-мя годами позже анонимной книге «Южный полюс. Из записок бывшего морского офицера». – Петерли, пинтады (пеструшки – А.Л.), эгмондские куры летали над нами, альбатросы своими длинными крыльями чуть не задевали за наши головы. Видно, что здесь птицы людей не боятся, впрочем, и немудрено: вероятно, никогда никакое судно в этих водах не проходило, и ... ничто не возмущало спокойствия обитателей этого острова, в числе которых пингвины занимают главное место: они здесь настоящие хозяева».

Офицерам с «Мирного» пришлось сравнительно долго искать подходящий для высадки участок побережья: «страшный бурун ходил по камням, которыми окружён берег». Найдя, наконец, бухту, где волнение было потише, они разделились на 2 группы: оба мичмана в сопровождении двух матросов двинулись к суше по торчащим из воды камням, а лейтенант с прочими матросами остался в шлюпке.

Далее события, в описании Новосильского, развивались следующим образом:

«Подымаясь с трудом с камня на камень, всё выше и выше, мы достигли до крутой снежной горы, которая, упираясь серединой на острый, слизью покрытый камень, висела над двумя глубокими пропастями, а верхом своим соединялась с поверхностью острова. Долго думать было нечего, мы все отправились ползком на гору».

Мичманам удалось уже преодолеть $\frac{2}{3}$ высоты склона, до поверхности оставалось примерно 3,66 м (две сажени), как вдруг...

«... весь снег, в который упирался я ногами, обрушился, левая рука также вышла из-под снега, я висел на одной правой, и та уже скользила. Ещё одна секунда – и я должен был лететь в одну из пропастей, перерезанных острыми камнями, на дне которой кипел страшный бурун; ни помощи, ни спасения ожидать было неоткуда... Предав себя на волю Божью, я чувствовал, что в это самое мгновение полечу в бездну; рука совершенно вышла из-под снега, в глазах потемнело... Матросы, только что достигшие ... вершины горы, заметили моё положение; один из них, избавитель мой, Петунин, бросил мне конец верёвки; судорожно схватил я её обеими руками и был поднят на край острова. Мичман Куприянов с матросами взял дорогу правее меня; они шастливее (орфография начала XIX в – А.Л.) совершили опасное... восхождение».

Оказавшись на пространной равнине, путешественники, как и Симонов с его спутниками, вынуждены были пробиваться сквозь сплочённую массу кричащих пингвинов, и также привезли потом несколько птиц с острова на свой корабль. Пингвинов первой из описанных выше пород (судя по рисунку художника экспедиции П.Н.Михайлова, это были известные сегодня как «антарктические») моряки между собой называли «простыми», а других, желтохохлых – «мандаринами», или «королевскими» (впоследствии название «королевские пингвины» закрепилось за другой породой). Тех пингвинов, из которых не набили чучел, в результате отпустили живыми «в родную стихию», так как пищевых запасов на судах было пока достаточно.

Рисунок 29. Пингвины. Художник П.Н.Михайлов

Все 3 новооткрытых острова в совокупности были названы командиром экспедиции островами Маркиза де Траверсе, тогдашнего морского министра России, который, если верить сказанному в книге Беллинсгаузена, «при отправлении шлюпов доказал своё доброжелательное к нам расположение». Конечно, и этот комплимент, и присвоение архипелагу имени мар-

киза были со стороны уже многое повидавшего и испытывавшего не только в море капитана не более чем необходимым реверансом в сторону большого начальства.

25 декабря (6 января) М.П.Лазарев, офицеры «Мирного» и плывший на нём же священник были семафором приглашены на борт «Востока». Здесь совершился молебен, посвящённый очередной годовщине избавления России от наполеоновского нашествия, а потом состоялся праздничный обед для экипажей обоих судов – офицеров (на «Востоке») и матросов. Последним по такому случаю приготовили щи с кислой капустой и свежей свининой, пироги с рисом и фаршем, выдали после трапезы по полкружки пива, а в 4 часа – и по стакану пунша с ромом, лимоном и сахаром. По Беллинсгаузену, «служители были столько веселы, как бы и в России в праздничные дни, невзирая, что находились в отдалённости от своей отчизны, среди туманов во всегдашней почти пасмурности и снегах».

Пора, однако, было продолжать плавание, тем более, что в непосредственной близости от островов Маркиза де Траверсе никаких признаков других неизвестных земель уже не наблюдалось. «Ежели бы к северу ещё находились высокие острова, то при ясной погоде, какая была накануне с полудня до захождения солнца и сего дня (запись Ф.Ф.Беллинсгаузена от 24 декабря, или 5 января, т.е. речь идёт о 23-м – 24-м – А.Л.), острова сии могли бы быть видимы с салинга по крайней мере за 40 миль и далее. Но как мы ничего не усмотрели, то заключили, что гряда означенных островов не простирается далее к северу и потому решились идти к островам Сретения».

Вышеназванных островов (Candlemas) достигли 27 декабря (8 января), причём Беллинсгаузену показалось, что между двумя открытыми Куком островами находится ещё один, незамеченный английским мореплавателем. На самом деле за неизвестный остров Фаддей Фаддеевич принял покрытую снегом часть одного из двух известных.

И опять, как и в случае с обнаружением архипелага Маркиза де Траверсе после встречи с выглядевшей в тумане как остров льдиной, судьба вознаградила наших моряков реальным открытием «в компенсацию» за мнимое. Если третий остров Сретения был, как установили более поздние исследователи южных широт, всего лишь обманом зрения, то на открытой Куком же якобы земле, которую он назвал Сандвичевой, Беллинсгаузен и Лазарев действительно обнаружили то, что ускользнуло от внимательного, вообще-то, взгляда английского капитана. Собственно, «ускользнуло» – не то слово: Кук просто не смог осуществить тогда всестороннее обследование этого географического объекта из-за более чем неблагоприятных для плавания погоды и ледовых условий, а также крайней степени усталости и подорванного здоровья экипажа его фрегата «Решение». Нашим соотечественникам в этом отношении повезло больше.

29 декабря (10 января) в 3 часа дня при мрачном небе, сквозь пелену дождя и мокрого снега, разглядели примерно в 13 км на юге-юго-западе берег острова Сандерса и прошли мимо него, держа курс на мыс Монтегю Сандвичевой земли. 30 декабря (11 января) в 5 часов утра, когда туман рассеялся и небо прояснилось, увидели, что корабли находятся перед высоким островом, «коего северная сторона, обращённая прямо к нам, представляла высокий в трёх местах отрубистый берег, промежутки между отрубями несколько наклонны и покрыты снегом и льдом; около берега плавало много больших и малых льдин».

Обход острова судами завершился в 11 часов, когда с южной его стороны глазам исследователей открылся ... мыс Монтегю. Итак, русские моряки точно установили, что это – отдельный остров, который только издали может показаться выступом некоей большой земли. Оставалось неясным, что представляет собой другой якобы мыс – Бристоль, замеченный с «Востока» 31 декабря (12 января) в 2 часа дня при некотором прояснении горизонта на SSW (юге-юго-западе). Пытались обойти его с востока, но берег постоянно скрывался то за тучами, то в тумане; последний был особенно опасен, так как не позволял вовремя разглядеть плывущие навстречу льдины.

В довершение всего, шёл «великий мокрый снег». Матросы, расставленные по бортам, прислушивались к шуму бурунов, «разбивавшихся о льды и служивших доказательством близости оных». Приходилось периодически счищать с парусов толстый слой снега: «дабы стряхнуть оный, часто приводили шлюпы круче к ветру и обезветривали паруса. Вахтенные матросы ... едва успевали выметать и выбрасывать с палубы выпадающие ... снежные хлопья».

Снегопад прекратился ровно в полночь, т.е. как раз в момент наступления Нового года, но почти тут же опустился туман, в котором двигались, постоянно меняя галсы (т.е. курс судна относительно ветра), чтобы избежать столкновения со льдами. При этом, «когда паруса запласкивало и приводило весь такелаж в движение, падали с оного ледяные сосульки и лёд, намёрзший около снастей; обмёрзшие верёвки казались продёрнутыми сквозь стеклярус толщиной от полуторы до двух линий (0,38 – 0,5 см – А.Л.). Служители каждый час на вантах и стень-вантах околачивали лёд драйками».

Эти перечисленные Беллинсгаузен в его книге трудности не мешали морякам по возможности торжественно встретить Новый год. На «Востоке» «.. все служители с утра оделись в мундиры... Поутру был завтрак, чай с ромом: к обеду добрые щи с кислой капустой и свининой; после обеда сверх обыкновенной порции дано по стакану горячего пунша, а к вечеру перед кашей, из сорочинского пшена (риса – А.Л.) приготовленной, по стакану гроку (грогу – А.Л.); все служители были здоровы и веселы на обоих шлюпах; мы жалели только, что по причине опасного положения и дурной погоды не могли день Нового года провести вместе с капитаном Лазаревым и господами офицерами шлюпа “Мирный”».

На «Мирном» же 1-й день января начался отнюдь не празднично. Из воспоминаний мичмана П.Новосильского:

«Поутру, во время молебствия, когда преклонили колена, закричали: «Всех наверх!» Выбежали на палубу и видим пред самым носом страшной высоты ледяной остров. Мы успели, однако ж, вовремя от него поворотить и избавиться от кораблекрушения. Во весь день слышен был с разных сторон глухой шум, оттого ли, что ледяные громады перевёртывались, так что верхняя их часть погружалась в воду, ... или ледяные горы ... разбивались одна о другую.

Дурная, туманная погода не позволила нам провести этот день на «Востоке»; впрочем, у нас всё было по-праздничному, несмотря на то, что мы находились на далёком юге, занесённые со всех сторон льдом...

Матросы одеты были в мундиры, имели праздничный обед; им дано было по стакану горячего с сахаром и с лимоном пуншу, и, несмотря на действительную опасность нашего положения, все служители были бодры, смотрели молодцами и провели день весело».

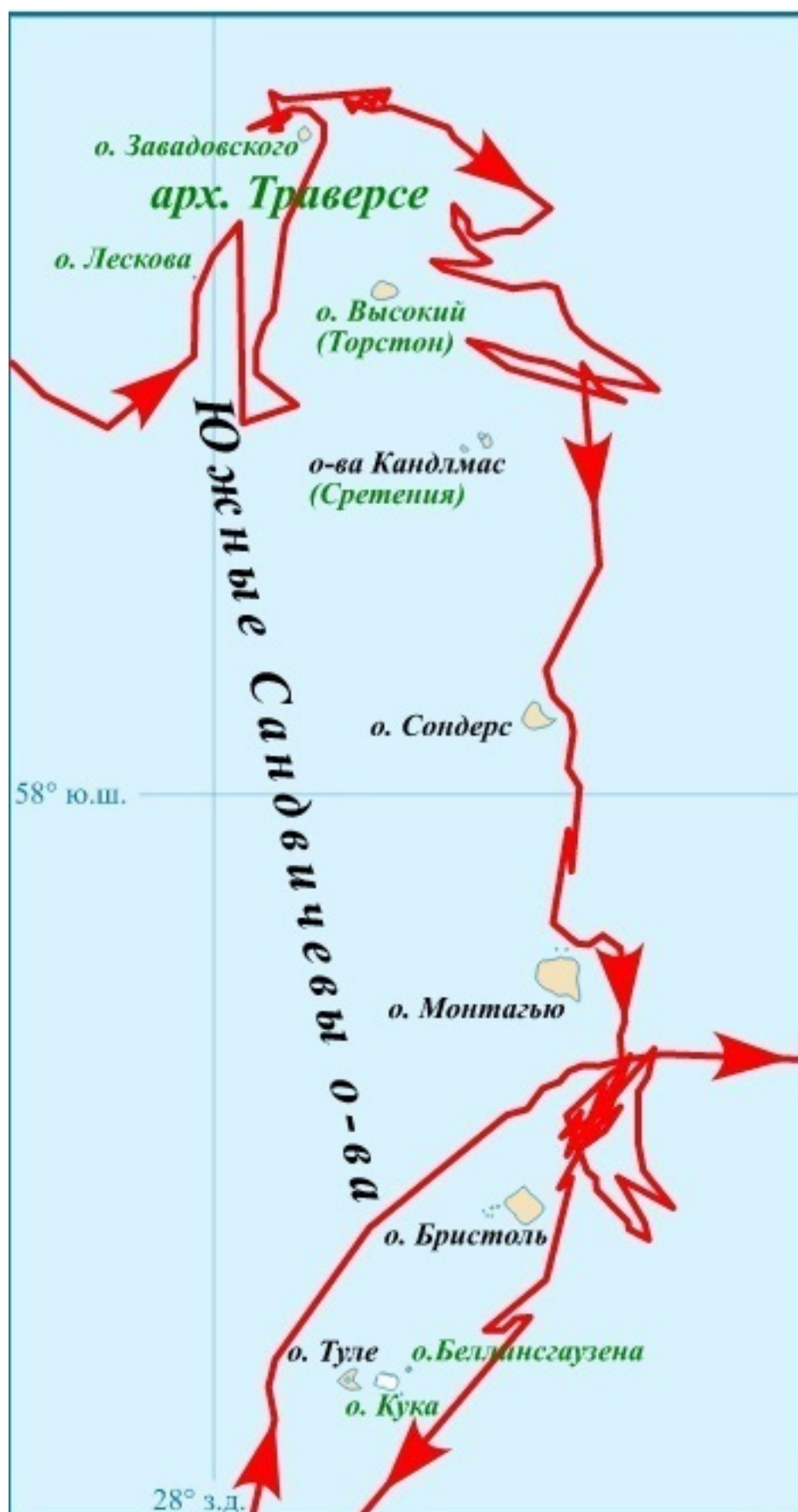
2-го (14-го) в 11 часов, приблизившись к мысу Бристоль, начали, лавируя, обходить берег с восточной стороны, где Кук его не осматривал. Пройдя четырьмя галсами, миновали восточную оконечность суши, после чего сомнений не осталось: «мыс» Бристоль, как и «мыс» Монтегю, оказался островом. Продолжая путь на юго-запад 14°, в 16.30 «усмотрели» на том же зюйд-весте, но в 44° берег, названный Куком Южной Туле (по аналогии с просто Туле – так древние римляне называли Исландию, которую считали самой северной страной мира).

Вблизи этого берега, среди плававших повсюду льдов, имея с левой стороны от своего судна «бесконечное ледяное поле, и в середине оного местами ледяные острова разных видов и величины», Беллинсгаузен сделал окончательный вывод относительно так называемой Сандвичевой земли:

«Берег Туле (Туле – А.Л.) состоит из одного камня и трёх небольших островов³⁸, из коих один меньше каждого из двух. Острова сии высоки и неприступны, широта их 59°26' южная, долгота 27°13'30" западная. Средний, самый большой, ... назван мною островом Кука, в честь великого мореплавателя, который первый увидел сей берег и почитал оный южнее всех про-

³⁸ Третий из этих островов в 1930 г был назван английской экспедицией на судне “Discovery II” именем Беллинсгаузена.

чих земель, в Южном полушарии существующих ... Между двумя большими островами находится камень: все 3 покрыты льдом и снегом. Капитан Кук по причине дурных погод держался неблизко к островам Тюле и Монтегю, а потому льды между оных показались ему берегом, который и назван в честь бывшего тогда 1-м лордом адмиралтейства его покровителя, лорда Сандвича. Капитан Кук первым увидел сии берега, и потому имена им данные должны остаться неизгладимы, дабы память о столь смелом мореплавателе могла достигнуть до позднейших потомков. По сей причине я называю сии острова Южными Сандвичевыми островами».

Рисунок 30. Маршрут экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева у Южных Сандвичевых островов.

Видоизменённый фрагмент изображения «Маршрут первой русской антарктической экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева в 1819—1821 годах».

<https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/8/85/>

[First_Russian_Antarctic_Expedition_route_-_ru.svg](#)

CC BY-SA 4.0. Авторство: Kaidor. Это векторное изображение содержит элементы, заимствованные из другого изображения:, CC BY-SA 4.0, <https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=78057591>

Идя по-прежнему на зюйд-вест, моряки видели слева «сплошной лёд, составленный из плоских, один на другом в разных положениях находящихся кусков, а местами в середине поля большие, различного вида льдяные острова, из коих некоторые имели цвет бирюзовый, по моему (Ф.Ф.Беллинсгаузена – А.Л.) мнению, от того, что льдина, потеряв равновесие, повернулась частью вверх и не успела ещё на воздухе побелеть». С правого борта, на западе дрейфовали огромные айсберги, такие, как встреченный ими в 10 утра 3-го (15-го) января, в 5,5 км (3 мили) в длину и ширину: «поверхность... вся ровная, стороны перпендикулярны и с левой стороны, т.е. к востоку, вышиною около 30 футов (9,14 м – А.Л.)». При сравнительно неплохой видимости большие проблемы создавали мелкие льдины: «мы не могли избегнуть, чтоб несколько раз не задеть за те, которые вдоль борта продирались, и местами попортили медь и сорвали головки с медных гвоздей. Повреждение последовало такое малое оттого, что не было никакого волнения, и шлюпы наши шли плавно».

Но все эти приключения и злоключения были лишь прелюдией к по-настоящему серьёзным испытаниям – и по-настоящему великим открытиям.

Глава 8. «Колумб Российский между льдами»

Итак, ещё до наступления 1820 г русские моряки открыли в Атлантике архипелаг Маркиза де Траверсе, а в первые дни нового года установили, что обнаруженная Куком Сандвичева Земля на самом деле – группа островов. Затем Беллинсгаузен и Лазарев пошли на SW, т.е. юго-запад.

С каждым днём плыть становилось труднее: мешали то широкие ледяные поля, то обилие мелких льдин и крупных айсбергов. Когда лавировать было невозможно, пробовали обойти препятствия, забирая к северу, но стараясь в общем и целом продвигаться на восток, и при каждом казавшемся удобным случае поворачивали к югу. Иногда ложились в дрейф возле айсбергов и отправляли к ним шлюпки с матросами, чтобы те нарубили льда (для пополнения запасов пресной воды, из которой, как давно было известно, состоят самые большие льдины) или добыли пингвинов. Часть последних превращали в чучела, часть шла в пищу; из их шкурок матросы делали фуражки, а сало употребляли для смазывания сапог. Попытки сохранить некоторое количество пингвинов на судах живыми оказались неудачными: от свинины, которой их кормили, птицы заболели и дохли.

Рисунок 31. Высадка на льдину. Художник П.Н.Михайлов

8 (20) января имела место настоящая охота на крупного хищника. Вот как она описана в книге Ф.Ф.Беллинсгаузена:

«... в начале 7-го часа, увидя на низкой льдине морское животное, спустились посмотреть какое, и если удастся, то и застрелить. Господа Игнатьев и Демидов, почитая себя стрелками, зарядили ружья. Шлюп «Мирный» в то же время шёл прямо к помянутой льдине, и, подойдя на ружейный выстрел, с обоих шлюпов сделали нападение. Животное ранено в хвост и в двух местах в голову, льдина покрылась кровью; охотники приязненно спорили, кому должно отнести приобретение добычи, и спор остался нерешённым. Господин Михайлов нарисовал изображение сего животного: оно в длину 12, в толщину в окружности 6 футов (3,66 м и 1,83 м – А.Л.), голова несколько похожа на собачью, хвост короткий, верхняя часть тела цвета серо-зеленова-

того с бурыми пятнами, а низ жёлтый. В числе матрозов, служивших на шлюпе «Восток», был один из архангельских жителей; он сказывал, что в их краю называют сие животное утлюгою: кажется, принадлежат к породе тюленей или нерпов. При встрече в Ледовитом океане подобных животных можно ли заключить о близости берега или нет? Сей вопрос остаётся нерешённым тем более, что они могут щениться, линять и отдыхать на плоских льдинах, как мы теперь видели...»

Рисунок художника П.Михайлова и некоторые детали, подмеченные П.Новосильским, дают основание причислить это существо к так называемым морским леопардам.

Рисунок 32. Морской леопард. Фотография

«Животное было ранено, кровь лилась из него по льду ручьями, но оно собиралось, кажется, с последними силами, чтоб броситься в воду: новый выстрел с подоспевшей в это время от «Мирного» шлюпки окончательно убил его. Матросы с трудом втащили на шлюпку тяжёлого зверя, принадлежащего к породе нерп, который в длину был 12 фут, а в толщину 3 фута (по Ф.Ф.Беллинсгаузену, вдвое толще – А.Л.); мясо его чёрное было невкусное и не могло быть употреблено в пищу. Животное это питается пингвинами и морскими птицами, куски которых нашлись в желудке при вскрытии его».

От того же П.М.Новосильского мы узнаём, что случилось с «Мирным» через несколько часов после той охоты:

«... я сошёл в кают-компанию, а потом в свою каюту. Несмотря на усталость после 6-часовой вахты, сон бежал от глаз моих; засветив висящий над столом моим фонарь, я начал записывать в свой... журнал обстоятельства того дня, ... напоследок от усталости глаза стали смыкаться; я потушил фонарь и тотчас заснул... Ужасный удар, полученный шлюпом, мгновенно разбудил меня; я бросился на палубу, все офицеры сделали то же, и что же видим? – за кормой большая льдина медленно удаляется от шлюпа... «Мирный» ударился о неё прямо форштевнем!³⁹ Слава богу, что не ударился скулой, тогда бы гибель наша была неизбежна! К чести капитана (Лазарева – А.Л.) должно сказать, что он ни словом, ни жестом не изъясил недовольства своего вахтенному офицеру, который, конечно, не мог отвечать за то, что шлюп не послушал руля. Впрочем, худых последствий от этого удара не было, вода в трюме не прибывала, но у форштевня выломало гриф на 4 фута (1,22 м – А.Л.) длиной и 1 фут (30,48 см – А.Л.) толщиной».

Но, как пел в 1980-х годах рок-музыкант Сергей Сарычев, «и пусть этот путь неудачно начат, будем до конца ему верны». 15 (27) января, несмотря на затянутый тучами горизонт, дождь, снег, крепкий северный ветер и сильную качку, рискнули опять взять курс «почти на юг» (на StW, т.е. с отклонением на румб к западу). В тот день «Восток» и «Мирный» первыми из русских кораблей пересекли Южный полярный круг.

А уже на следующие сутки...

Опять «дадим слово» начальнику экспедиции:

«16 генваря. Пасмурность с снегом при крепком ветре от NW (с северо-запада – А.Л.) продолжалась во всю ночь... В 7 часов ветер отошёл к N, снег временно переставал, и благотворное солнце из-за облаков иногда выглядывало... Продолжая путь на юг, в полдень в широте 69°21'28", долготе 2°14'50", мы встретили льды, которые представились нам сквозь шедший тогда снег в виде белых облаков. Ветр был от NO (с северо-востока – А.Л.) умеренный, при большой зыби от NW; по причине снега зрение наше не далеко простиралось; я привёл в бейдевинд⁴⁰ на SO (юго-восток – А.Л.) и, пройдя сим направлением 2 мили (3,706 км – А.Л.), мы увидели, что сплошные льды простираются от востока через юг на запад; путь наш вёл прямо в сие лдяное поле, усеянное буграми».

Командир «Мирного» Михаил Петрович Лазарев в своём датированном 24 сентября 1821 г письме к другу Алексею Антиповичу Шестакову делится собственными впечатлениями от увиденного в тот день:

«16 генваря достигли мы широты 69°23' S, где встретили матёрой лёд чрезвычайной высоты, и в прекрасный тогда вечер, смотря на саленгу, простирался оный так далеко, как могло только достигать зрение, но удивительным сим зрелищем наслаждались мы недолго, ибо вскоре опять запасмурило и пошёл по обыкновению снег. Это было в долготе 2°35' W от Гринвича (как видим, есть некоторые отличия от цифр, приведённых Беллинсгаузенom – А.Л.), отсюда продолжали мы путь свой к осту, покушаясь при всякой возможности к зюйду (шли к востоку, но при всякой возможности пытались повернуть на юг – А.Л.), но всегда встречали льдинный МАТЕРИК (выделено мной – А.Л.), не доходя 70°».

Сегодня каждому географу, историку и просто интересующемуся человеку известно, ЧТО открылось тогда глазам наших мореходов. Но поняли ли это в тот момент, или позже, когда взялись писать книги о путешествии, сами мореходы?

У П.М.Новосильского читаем:

«В полдень, в широте 69°25', долготе 2°15' западной (координаты отличаются от указанных как Беллинсгаузенom, так и Лазаревым – А.Л.), сквозь шедший снег открылся впереди

³⁹ Форштевень – балка, образующая переднюю оконечность корпуса судна (продолжение киля в носовой части).

⁴⁰ Привести в бейдевинд – повернуть судно так, чтобы ветер дул ему навстречу, но не прямо в нос, а несколько справа или слева.

сплошной лёд; приведя в бейдевинд, шли этим курсом ещё 2 мили и достигли обширного ледяного поля, усеянного пригорками и простирающегося от востока чрез юг на запад; надо было выйти из этой бухты, почему и поворотили на северо-запад».

Банальное препятствие на пути к югу, и только. Сравните с подробным описанием охоты на морского зверя.

А что сказано по этому поводу в рукописи астронома И.М.Симонова?

«16 января 1820 года в полдень мы были уже в $69^{\circ}22'$ южной широты и в $15^{\circ}25'$ восточной долготы (по старому исчислению; по принятому сегодня это $2^{\circ}15'$ западной, т.е. как у Новосильского – А.Л.). В этом опасном Антарктическом холодном поясе земли, между ветров, снегов и туманов, посреди бесчисленного множества льдин, блуждали мы около 9 дней».

Всё. Даже ни слова ни о каком обширном или странной формы ледяном поле. Т.е. «непроницаемые льды» в тексте фигурируют, но в связи с попытками Беллинсгаузена «углубиться далее к югу» 6 и 14 февраля. Случившееся же 16-го января показалось, видимо, профессору Симонову настолько малозначительным, что он ограничился лишь приведением координат точки, которой достигли к полудню «Восток» и «Мирный».

Между тем именно в это время русские корабли находились не более чем в 20 милях (примерно в 37 км) от побережья, получившего позже название Земли Принцессы Марты. Моряки видели со своих судов не уходящее за горизонт нагромождение больших льдин, а скрытый под ледниками берег недостижимого в течение столетий Южного материка! Правда, подойти к нему вплотную у них не было возможности – из-за примыкающей к его побережью широкой полосы сплошного льда. Именно 16 (28) января 1820 г следует считать днём открытия Антарктиды.

Выходит, никто на шлюпах даже не подозревал, что в тот день ими была завершена многовековая эпопея тщетных исканий, сомнений и разочарований учёных и мореплавателей разных народов и стран?

Суда по слову «материк», употреблённому в процитированном выше письме Михаилом Петровичем Лазаревым, он, во всяком случае, о чём-то догадывался. А его начальник, командир «Востока» Беллинсгаузен? В записи от 16 «генваря» говорится только о «ледяном поле, усеянном буграми». Но дальше в книге Фаддея Фаддеевича находим другую запись, относящуюся к 5 (17) февраля:

«В исходе 3-го часа мы уже входили в средину льдов; ... и чем дальше мы шли, тем лёд становился всё чаще и чаще, наконец, в четверть четвёртого часа пополудни увидели множество больших, плоских, высоких ледяных островов, затёртых плавающими мелкими льдами и местами один на другом лежащими. Льды к SSW (югу-юго-западу – А.Л.) примыкаются к льду гористому, твёрдо стоящему; закраины оно́го были перпендикулярны и образовали заливы, а поверхность возвышалась отлого к югу на расстояние, пределов которого мы не могли видеть с салинга. Между плавающим мелким льдом усмотрели несколько китов, в разных местах пускающих фонтаны.

Видя ледяные острова, поверхностью и краями сходные с поверхностью и краями большого вышеупомянутого льда, ... мы заключили, что сии ледяные громады и все подобные льды, от собственной своей тяжести, или других физических причин, отделились от МАТЁРОГО БЕРЕГА (выделено мной – А.Л.), ветрами отнесённые, плавают по пространству Ледовитого Южного океана: прочие же островершинные ледяные острова происходят от сих последних».

Эти соображения Беллинсгаузена изложены им и в посланном из Порт-Джексона (Сиднея), датированном 8-м апреля 1820 г рапорте министру де Траверсе. Там ещё более заметен акцент на континентальном происхождении южноокеанских плавающих льдов:

«Здесь за ледяными полями мелкого льда и островами виден МАТЕРИК льда, коего края отломаны перпендикулярно и который продолжался по мере нашего зрения, возвышаясь к югу, подобно берегу. Плоские ледяные острова, близ сего МАТЕРИКА находящиеся, ясно показы-

вают, что они суть обломки сего МАТЕРИКА, ибо имеют края и верхнюю поверхность, подобную МАТЕРИКУ (выделения мои – А.Л.).

Похоже, руководитель экспедиции тоже предполагал, что перед ним – материк. Вероятно, правы контр-адмирал, кандидат военно-морских наук Лев Иванович Митин и капитан-лейтенант Сергей Анатольевич Дорогокупец – соответственно научный руководитель и гидролог советской антарктической экспедиции, прошедшей 160 с лишним лет спустя, в декабре 1982 – апреле 1983 г по маршруту Беллинсгаузена и Лазарева. По их мнению, высказанному в очерке «Маршрутом первооткрывателей» («Наука и жизнь», №4, 1984, стр. 144 – 153), Фаддею Фаддеевичу «честность учёного и исключительная требовательность к себе не позволили (к тому же ещё была пасмурная погода) категорически утверждать, что он открыл Антарктиду».

Всё-таки неоспоримых доказательств того, что 16 января он достиг берега, а не кромки толстого ледяного покрова полярного океана, у Беллинсгаузена не было.

Рисунок 33. Типичный антарктический ландшафт.

By Christopher Michel from San Francisco, USA – Drake Icefall, CC BY 2.0, <https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=68295757>

Но вернёмся к событиям того дня. Дальнейшему плаванию русских судов к югу препятствовали не только льды, но и противный ветер. Пришлось, лавируя, продвигаться к востоку, но и это было нелегко: ещё Кук указывал на постоянство восточных ветров как на характерную особенность высоких южных широт.

20 января (1 февраля) снова повернули на юг. 21-го (2 февраля) в час дня увидели впереди плавающие льды, через час уже шли между ними – а южнее открылась картина, очень похожая на виденную 16 января. По Беллинсгаузену, там «представилось до 50 ледяных разнообразных громад, заключающихся в середине ледяного поля. Обозревая пространство сего поля на восток, юг и запад, мы не могли видеть пределов оно́го, конечно, [оно] было продолжением

того, которое видели в пасмурную погоду 16 января, но по причине мрачности и снега хорошенько рассмотреть не могли».

Фаддей Фаддеевич был прав: 21 января на $69^{\circ}25'$ южной широты и $1^{\circ}11'$ западной долготы мореплаватели увидели «продолжение» антарктического побережья, т.е. во второй раз почти вплотную подошли к материку. Отсюда на юг пути уже не было, прямо к востоку не пускал противный ветер, поэтому повернули на другой галс на NOtN («северо-восток на 1 румб к северу»). В рапорте де Траверсе Беллинсгаузен объясняет, что сделал это «в надежде получить скорее западные ветры, которые в средних широтах господствуют». Реально, однако, он «выиграл» лишь 17 градусов к востоку, и 1(13) февраля, при том же восточном ветре, будучи в широте $64^{\circ}30'$, опять пошёл к югу. В результате 5 (17) февраля они в третий раз приблизились к Антарктиде.

Открывшаяся тогда с борта флагмана на $69^{\circ}7'30''$ южной широты и $16^{\circ}15'$ восточной долготы панорама воспроизведена в тех цитатах из книги и рапорта Беллинсгаузена, где говорится о «материке» и «матёрой земле» (см. выше).

6 (18) февраля командиры попытались провести суда между плавающими льдами поближе к белевшим на горизонте горам, чтобы получше их рассмотреть, и, может быть, выяснить, что они собой представляют. Однако льдины становились всё крупнее, а количество их всё возрастало. В конце концов, Беллинсгаузен понял, что в этом месте пройти дальше на юг не получится, и повернул обратно; то же самое сделал шедший следом на «Мирном» Лазарев. Вечером того же дня он, прибыв на «Восток» по приглашению Беллинсгаузена, сообщил начальнику, что останется без дров, если плавание в полярных водах будет продолжаться.

Тем не менее, на следующий день вновь направились к югу. Эта попытка тоже «провалилась»: льды встретились им даже раньше, чем в предыдущий раз, но едва ли не большие проблемы создавал своим постоянством пресловутый восточный ветер.

Убедившись на собственном опыте в справедливости выводов Кука, Беллинсгаузен отступил на север и прошёл немного к востоку в более низких широтах, где ветра благоприятствовали этому, но уже 11-го опять взял южнее. Плавающие льдины и айсберги не замедлили появиться; ледяных полей, правда, видно не было.

А 18 февраля с того же востока пришёл страшный шторм.

Фаддей Фаддеевич убедительно воспроизвёл на страницах своей книги ощущения людей на борту маленького судна, бессильных перед яростью всемогущей стихии:

«...неведение о льдах, буря, море, изрытое глубокими ямами, величайшие подымающиеся волны, густая мрачность и таковой же снег, которые скрывали всё от глаз наших, и в сие время наступила ночь; бояться было стыдно, а самый твёрдый человек внутренне повторял: “Боже, спаси!”»

Буря отнесла шлюпы далеко к северу, и только 21 февраля ветер позволил плыть туда, куда было нужно, т.е. на восток. До 27-го шли этим курсом между 62-й и 63-й параллелями, ежедневно встречаясь с льдинами и айсбергами разных форм и размеров; с 27-го по 1-е марта суда опять сносило к северу юго-восточным ветром, после чего плавание к востоку возобновилось возле 60-й параллели.

Со 2 (14) по 7 (19) марта путешественникам довелось наблюдать удивительное, характерное исключительно для высоких широт Севера и Юга природное явление: сияние ночного неба. Астроном И.М.Симонов, пожалуй, лучше всех своих товарищей по плаванию описал этот «праздник красок и огней»:

«Сначала на южной стороне неба замечены были 3 столба света Млечного Пути, или хвоста большой кометы: блеск их то ослабевал, то опять разливался по небу рекою, имея направление к зениту, близ которого верхние концы столбов иногда загибались, как будто увлечённые движением ветра; иногда светлые столбы вдруг принимали вид дуги, но вскоре дуга исчезала, опять появлялись столбы, и такие изменения беспрестанно повторялись до тех пор, как небо

покрылось облаками; но в следующие ночи явление было ещё сильнее и представляло поразительное зрелище. Из бледных столбов и дуг вытекали большие кисти света, заключающие в себе многие радужные цвета, и в особенности светло-розовый, бледно-зелёный и светло-фиолетовый. Эти кисти длинными тонкими струями бегали параллельно самим себе по всему небосклону, переливаясь различными огнями, и покрывали всё видимое пространство небесного свода. Каждая игра явления продолжалась 10 минут, потом исчезала, оставляя на небе светлые столбы или дуги, и почти через 10 минут с новою силою опять повторялась. Небо горит и уже недалеко, говорили матросы. И в самом деле, небо как будто воспламенялось. Никакие потешные огни не могут сравниться с этим явлением ни светом, ни яркостью цветов, ни быстротою движений, ни пространством, объятых переливами сияния».

Рисунок 34. Южное полярное сияние. Художник П.Н.Михайлов

У Ф.Ф.Беллинсгаузена сказано: «Свет был так велик и обширен, что от непрозрачных предметов была тень, подобно как во время дня, когда солнце закрыто облаками; можно было без труда читать самую мелкую печать».

Но нечасто антарктические небеса баловали путешественников великолепными картинами. Крепкий ветер, закрывающие небо тучи, туман и снег были их почти постоянными спутниками, а изморось сильно сказывалась на состоянии жилых помещений – особенно на «Востоке», который, как мы помним, был, в отличие от «Мирного», построен из сырого леса⁴¹.

«От долговременных беспрерывно сырых и холодных погод, снега, слякоти, пасмурности и бурь сырость распространилась в шлюпе повсюду..., – писал Беллинсгаузен. – Чтобы предупредить дурные от таковых обстоятельств последствия, я приказал развести в печках огонь для просушки в палубах, где жили нижние чины, а офицерские каюты просушивали

---

⁴¹ См. главу 5.

калёными ядрами. Во время сильной бури употреблять сию меру для отвращения сырости было бы опасно».

Ещё больше беспокоила обоих командиров управляемость судов. Выше рассказывалось, как шлюп «Мирный» однажды ударился об айсберг из-за того, что плохо слушался руля. Михаил Петрович Лазарев видел причину этого единственного, по его мнению, недостатка «Мирного» в «излишней полноте в кормовой подводной части». У «Востока» же дефект обнаружился в самом рулевом устройстве. На протяжении всего плавания Беллинсгаузена, по его словам, тревожила ненадёжность румпеля. 27 февраля взялись за починку последнего, «но при осмотре, когда стали вынимать, к удивлению нашему, половина конца от гнилости осталась в руле, надлежало сколь можно скорее вставить запасный румпель. Нужные железные вещи не все приходились к оному. Неблагонадёжность румпеля, столько нужного для безопасности судна, доказывает нерадение корабельного мастера, который, забыв священные обязанности службы и человечества, подвергал нас гибели. При сём не могу умолчать, что я в продолжение службы нередко был свидетелем неприятных объяснений морских офицеров с корабельными мастерами об отпускаемых на суда ненадёжных вещах».

На угрозы, возникавшие из-за конструкционных недостатков судов, накладывались риски, порождаемые погодными условиями. В том же рапорте Беллинсгаузена читаем: «... паруса и снасти в сие время по большей части были обледеневшими, отчего и управление самим судном не токмо тягостно, но и весьма затруднительно».

Наконец, вспомним о том, что с самого начала было «головной болью» командиров – неравенстве в скорости хода шлюпов.

Одним из основных требований инструкции к начальнику эскадры было не допускать разлучения судов в пути. Чтобы тихоходный «Мирный» мог угнаться за быстроходным «Востоком», последнему почти всегда приходилось нести малое количество парусов или брать рифы (т.е. уменьшать площадь парусов с помощью специально для этого продетых сквозь них поперечных верёвок), а первому, наоборот, ставить все, какие возможно, паруса, а нередко даже использовать добавочные.

Запись Ф.Ф.Беллинсгаузена от 2 (14) марта:

«К крайнему моему сожалению, должен был взять все рифы у марселей и идти под сими малыми парусами, дабы шлюп «Мирный» мог держаться за нами ... я неоднократно помышлял шлюп «Мирный» вовсе оставить и конечно бы на сие решился, ежели б данная мне инструкция не воспрещала нам разлучаться в больших южных широтах».

Рисунок 35. Шлюп «Мирный». Изображение на советской почтовой марке, посвящённой 145-летию открытия Антарктиды

Учитывая, помимо вышеперечисленного, усталость экипажей от очень многочисленных трудностей, а также приближение зимы в Южном полушарии, Ф.Ф.Беллинсгаузен 4 (16) марта принял решение покинуть на время антарктические воды и идти в Австралию, в Порт-Джек-сон, т.е. Сидней. Но как пояснял он всё в том же рапорте, «дабы и сие плавание учинить полез-ным для мореплавателей или гидрографических сведений, я рассудил обозреть великое про-странство моря по широте на 10° и долготе на 50° , никем ещё не посещаемое, заключающееся между путями капитанов Кука и Фюрно⁴²».

Когда в тот же день оба шлюпа легли в дрейф, и матросов послали в ялах собрать в бочки «на воду» осколки большой льдины, Михаил Петрович Лазарев приехал на «Восток». Фаддей Фаддеевич изложил ему свой план, в соответствии с которым переход до Австралии корабли должны были совершить порознь. Лазареву на «Мирном» надлежало плыть на $2,5$ или 3° южнее пути Тобиаса Фюрно; вблизи от 135° восточной долготы выйти на параллель $49^{\circ}30'$ и следовать по ней до обозначенного на карте знаменитого английского географа А.Эрросмита острова Компанейского, а осмотрев последний и воды между ним и южной оконечностью Вандимено-вой Земли (о-ва Тасмания), отправиться в Порт-Джек-сон на встречу с «Востоком». Сам же Беллинсгаузен на своём шлюпе намеревался идти севернее пути Кука (также 2-мя с половиной

---

⁴² См. главу 4.

или 3-мя градусами) и в случае обнаружения острова Компанейского, описать его. Поскольку на «Востоке» людей было больше, чем на «Мирном», начальник эскадры затребовал к себе на борт священника, чтобы при наступлении Великого Поста дать возможность членам своего экипажа «исполнять обязанности христиан».

5 (17) марта приступили к осуществлению плана Беллинсгаузена. «Чрез телеграф (семафор – А.Л.), при семи пушечных выстрелах, я велел шлюпу «Мирный» идти в повеленный путь, пожелал ему всех возможных успехов и назначил местом соединения Порт-Жаксон». «Мирный» ответил флагману 20-ю выстрелами и аналогичными пожеланиями.

9 (21) марта «Восток» попал в жесточайший шторм. Ветер начал усиливаться ещё накануне, и в полночь пришлось убрать все паруса, кроме зарифленного грот-марселя и штормовых стакселей⁴³. В 2 часа лопнул поддерживающий грот-стаксель фал (канат): парус быстро убрали и подняли новый, но дальше было хуже. Беллинсгаузен подробно описал события той кошмарной ночи и последовавшего утра:

«В 5 часов вдруг порвало грот-марса-шкот, грот-стаксель- и бизань-стаксель-шкоты; положение шлюпа нашего могут себе представить только те, которые подобное испытали. Хотя марсель убрали скоро, равно и стаксели спустили, однако они к употреблению уже были совершенно негодны; устоял один фок-стаксель. Я приказал скорее [его] спустить, дабы иметь хоть 1 парус на всякий случай. Ветер ревел; волны поднимались до высоты необыкновенной; море с воздухом как будто смешались, треск частей шлюпа заглушал всё.

Мы остались совершенно без парусов, на произвол свирепствующей бури: я велел растянуть на бизань-вантах несколько матросских коек, дабы удержать шлюп ближе к ветру. Мы утешались только тем, что не встречали льдов... Наконец в 8 часов с баку закричали: «Льдины впереди!»; сие извещение поразило всех ужасом, и я видел, что нас несло на одну из льдин; тотчас подняли фок-стаксель и положили руль на ветер на борт; но как всё сие не произвело желаемого действия и льдина была уже весьма близко, то мы только смотрели, как нас к оной приближало. Одну льдину пронесло под кормою, а другая находилась прямо против середины борта, и мы ожидали удара, которому надлежало последовать; по счастью, огромная волна, вышедшая из-под шлюпа, отодвинула льдину на несколько сажен и пронесла у самого подветренного штупца (боковая наделка – А.Л.). Льдина сия могла проломить борт или отломить руслень (площадку на борту, служащую для отвода вант – поддерживающих мачты снастей стоячего такелажа – А.Л.) и свалить мачты».

В 11 часов большая волна ударила в конец бушприта и повредила крепление присоединённых к нему такелажных тросов (бакштагов). Матросы под руководством старшего офицера капитан-лейтенанта Завадовского сумели быстро устранить повреждение и тем самым удержать на месте бушприт и мачты.

В 2 часа пополудни ветер немного поутих, но ещё и 10-го после полуночи шторм продолжался, «сопровождаясь дождём и снегом: ... шлюп находился то в прямом положении, то на правом и левом боку; весьма неприятно было видеть движение частей шлюпа и слышать, как они трещали». Только вечером того же дня буря прекратилась.

13 (25) марта прошли мимо нескольких айсбергов: «один был вышиною в 250 футов (76 м – А.Л.); на краю его стоял лдяной столб наподобие обелиска. В 8 часов в широте 57°33' прошли льдину; она имела вид сопки и была последняя, которую мы встретили на пути к Порт-Жаксону».

Ф.Ф.Беллинсгаузен упоминает о происшествии, имевшем место 21 марта (2 апреля). В 10 часов утра от большого волнения на море судно резко легло на бок, «и его так сильно толкнуло,

⁴³ Стаксели – треугольные косые паруса, имеющие в зависимости от места их установки различные названия: фок-(фок-)стаксель и фок-(фок-)стень(ги)-стаксель перед передней (фок-) мачтой; грот-стаксель и грот-стень(ги)-стаксель перед главной (грот-) мачтой и т.д. Штормовые стаксели поднимаются только при очень сильном ветре, имеют меньшие размеры и делаются из самой толстой и прочной парусины.

что священник, беседуя в кают-компании, не удержался на ногах. Штурман Парядин, желая ему помочь, по неловкости своей, вместе с ним свалился и ударился головой о продольную переборку в кают-компании, прошиб переборку (! – А.Л.) и проломил себе голову. Священник был счастливее, ибо упал на штурмана и, вставая, удивился, что видит его лежащего на полу. Лекарь Берх подал скорую помощь, однако ж господин Парядин не прежде прибытия нашего в Порт-Жаксон совершенно выздоровел».

На следующий день, держа курс на северо-восток, миновали место, где на карте Эрросмита располагался остров Компанейский – по выражению Беллинсгаузена, шли прямо «чрез упомянутый остров и, держась одним курсом до 5 часов вечера ещё 17 миль», т.е. 31,5 км. «Я полагал также встретить шлюп «Мирный» которому надлежало идти сим же местом, но острова не видел, а шлюпа не встретил. Ежели широта острова Компанейского неверно определена, то в настоящую погоду легко можно пройти мимо, и потому с 5 часов вечера к ночи я взял курс к южной оконечности Вандименовой Земли... Остров Компанейский предоставляю сыскать тому, кто счастливее меня в подобных поисках».

27 марта (8 апреля) в 7 часов утра на западе показались берега Новой Голландии (Австралии). С наступлением хорошей погоды моряки оживились; с энтузиазмом готовились к встрече праздника Пасхи, постирали, почистили и вывесили для просушки свою одежду.

В первый день Пасхи все надели летнее чистое праздничное платье; после заутрени и молитв матросы разговлялись куличами. Противный ветер задержал «Восток» перед самой гаванью Сиднея, но на настроении офицеров и матросов это почти не сказалось: по свидетельству Беллинсгаузена, 29-го «все наслаждались прекрасною погодою, шутили, играли и забавлялись, выносили наверх платье, книги, карты и проч., ... вытирали стёкла в зрительных трубах, дабы яснее видеть приметное на берегу; одним словом, все находились в приятной деятельности, а, напротив того, только 3 дня тому назад никто не выходил наверх без должности...».

Вечером из Порт-Джексона прибыл на лодке лоцман. На вопрос офицеров «Востока» о шлюпе «Мирный» он отвечал, что такой корабль сюда не приходил. Это встревожило начальника эскадры, но по зрелом размышлении он успокоил себя предположением, что Лазарев в штормовую погоду чаще обезветривал паруса, «дабы не пройти какой-либо ещё неизвестный берег».

Открывшаяся панорама порта и окрестностей буквально очаровала Фаддея Фаддеевича:

«Зеленеющие берега Порт-Жаксонского залива, обросшие лесом, местами красивые долины и желтеющий песок в малых заливах казались нам превосходными видами после столь продолжительного облачного, единообразного горизонта, на котором разбросаны были льды, омываемые свирепыми волнами, и где голодные бурные птицы, рассекая воздух, ищут себе пищи. В сей мрачной суровой стране кажется, будто сердце человеческое охладевает, ... человек бывает пасмурен, задумчив, некоторым образом суров и ко всему равнодушен, но, напротив, под чистым небом и благотворным влиянием всё оживляющего светила, взирая на разнообразные красоты природы, наслаждается её дарами и чувствует всю их цену».

Рисунок 36. Порт-Джексон. Конец XVIII в

В заливе шлюп встретил комендант порта мистер Пайпер; он был очень любезен и предложил русским гостям стать на якорь на рейде непосредственно напротив города, что и было сделано 30 марта (11 апреля) 1820 г в 11 часов утра. К тому моменту и со времени выхода из Рио-де-Жанейро «Восток» пробыл под парусами 131 день.

Во всё время стоянки русских в Порт-Джексоне английские власти в лице Пайпера и губернатора колонии генерал-майора Маквари всячески заботились об удобстве наших моряков и оказывали им необходимую помощь. Так, уже 31-го (12 апреля) на берегу, с разрешения губернатора, оборудовали обсерваторию, и И.М.Симонов начал устанавливать там астрономические приборы. В Австралии учёный ежедневно производил наблюдения истинного полдня по положению солнца, а ночью – прохождения через меридиан звёзд Южного полушария. Но если ночные наблюдения Иван Михайлович осуществлял лично (они были особенно важны, т.к. после астронома де Лакайля на мысе Доброй Надежды никто больше в Южном полушарии их не делал), то днём он поручил замерять время по хронометрам своим помощникам – двум подштурманам и унтер-офицеру артиллерии. Рядом с обсерваторией поставили палатку, в которой разместили баню. Воду разогревали в сложенной из чугунного балласта печке и при помощи калёных ядер, а чтобы пар не выходил сквозь парусину, снаружи закрытую палатку непрерывно обливали водой из брандспойтов.

Утром 7 (19) апреля, во время прогулки по берегу верхом вместе с губернатором Маквари, Беллинсгаузен и Завадовский, к своей большой радости, увидели лавировавший в заливе шлюп «Мирный». Около полудня противный для него ветер сменился благоприятным, и вскоре корабль уже стоял на якоре рядом с «Востоком».

О том, как проходило плавание «Мирного» до Порт-Джексона, известно из донесения Лазарева Беллинсгаузену, которое последний целиком приводит в своей книге.

Как мы помним, 4 (16) марта, т.е. в день совещания командиров шлюпов перед расставанием, матросы с «Мирного» занимались сбором льда, который Лазарев рассчитывал употреблять, растапливая, в качестве пресной воды. По возвращении Михаила Петровича со шлюпа

«Восток» он, к своему величайшему огорчению, увидел, что привезённый лёд был дрябл и насыщен солёной водой. Даже после того, как лёд этот 4 с половиной часа пролежал на палубе, с тем, чтобы морская вода вытекла из него, солёный вкус не исчез.

«И так, – констатировал Лазарев, – мы принуждены были выбросить столько льду, что наполнили бы оным 20 бочек средней руки. Я сожалею о сём, не потому, однако, чтоб мы в пресной воде нуждались, ибо при умеренном употреблении довольно бы нам было ещё месяца на 3, невзирая, что на шлюпе все пили, сколько хотели;... я сожалел о негодности льда потому, что самая работа в набирании оного сопряжена всегда с немалым затруднением и употребляемые к сему делу матрозы, перемокнув в холодной воде, нередко подвергались простудам. Добытая из льда вода полезна на судах для того, что сохранение здоровья служителей много зависит от опрятности тела и чистоты их белья... Обстоятельство сие послужит примером на будущее время, что не всякий лёд, в море взятый, может быть в скорости годен к употреблению, но именно только тот, который крепок и ещё недавно от больших льдин отломился».

Первые признаки того шторма, который обрушился на «Восток» 9 марта, на «Мирном» заметили ещё 7-го, а в час ночи 8-го буря разразилась по-настоящему. «Около двух часов шторм продолжался с ужасной свирепостью, – говорится в донесении М.П.Лазарева, – и новый наш фок-стаксель изорван в мелкие куски. Я уверен, что никакой штормовой парус... не мог бы противостоять силе сего ветра. Но гафельные трисели⁴⁴, которые, по предложению моему, сделаны в Кронштадте, во время сего шторма всеми рифами зарифлённые, стояли совершенно безопасно. Преимущество их против обыкновенных штормовых парусов видели мы довольно ясно, а потому весьма бы полезно было ввести в употребление в нашем флоте ежели не оба, то по крайней мере грот-трисель... Приятно было видеть, что шлюп наш в шторм при чрезвычайно сильном и неправильном волнении так крепок, что малая течь, которую обыкновенно мы имели, стоя в тихий ветер на якоре, по 2 дюйма (5,08 см – А.Л.) в сутки, нисколько не прибавлялась. Сим обязаны мы деятельному присмотру в Кронштадте при килевании и скреплении шлюпа. Какова была у нас килевая качка (которая, без сомнения, главнейшая причина расслабления членов у судов), можно судить по великому множеству морской травы, коею гальюн⁴⁵ наш при рассвете был наполнен, и вероятно, что при всяком ударе носом трава попадала через поручни, ... ибо нижняя часть гальюна так хорошо заделана, что не выбито ни одной перекладки. При всём том качка была плавная, и бушприт изредка воды касался, тогда как мне известно, что многие большие суда теряли бушприты свои от волнения, которое, так сказать, смывало оные».

Именно это, как мы помним, чуть не случилось с «Востоком», да и вообще интересно сравнить данный фрагмент с рассказом Беллинсгаузена о поведении его корабля в такую же погоду: «треск частей шлюпа» и т.п. «Сие доказывает некоторым образом, – заключает М.П.Лазарев, – что шлюп «Мирный», кроме многих удобств для груза и покойного помещения как для офицеров, так и для служителей, имел ещё качества доброго морского судна».

9-го, когда «Восток» еле выдержал удар стихии, в районе плавания «Мирного» было как раз поспокойнее, но побежавшие по небу около 6 часов вечера облака насторожили Лазарева, и он приказал убрать все паруса, кроме грот-марселя и тех самых зарифлённых триселей. 10-го в 6 утра шторм грянул с новой силой, и грот-марсель тоже убрали. Даже когда ветер стих и (в полдень) показалось солнце, по морю по-прежнему ходили высокие волны. «Я не помню, чтобы мне случалось когда-либо видеть такое большое и такой чрезмерной высоты волнение, – признавался Лазарев. – Казалось, что при погружении судна с волны вниз, хребты высоких

⁴⁴ Трисели – косые четырёхугольные паруса; ставятся по одному за каждой мачтой и привязываются к ней вертикальной стороной; верхняя наклонная кромка такого паруса прикрепляется к гафелю – рею, присоединённому к мачте под углом с её обращённой к корме стороны. На бизань-мачте трисель является основным парусом и называется бизанью.

⁴⁵ Гальюн – на парусных кораблях: выступающая вперёд часть носа, на которой спереди устанавливалась украшающая нос скульптура, а по бокам находились отхожие места и отверстия для сбрасывания нечистот.

гор окружали нас со всех сторон... Вскоре после полудня с марса увидели ледяной остров к SO. .. Можно сказать, что великое счастье сопутствовало нам в продолжение сих бурь, ибо мы не встретили ни одной из ледяных громад, которые могли быть для нас бедственны, а теперь упомянутый остров показался уже тогда, когда равноденственных ветров... сила уменьшилась. Шлюп «Восток», по моему мнению, был в опаснейшем положении, ибо, ежели капитан Беллинсгаузен находился тремя градусами нас южнее, вероятно, он мог встретить льды, о коих я не один раз вспоминал с чувствами великого беспокойства».

Рисунок 37. В штормовом море

Шторм удалил «Мирный» почти на градус к югу от района, куда рассчитывал выйти Михаил Петрович. 17-го (29-го) установилась перед полуднем и стояла весь день ясная погода. Ею воспользовались для просушки одежды матросов и проветривания жилой палубы, где долго нельзя было ни топить камельков, ни открывать люков из-за сильной качки и вливавшейся потоками воды. От холода и сырости у некоторых матросов появились были симптомы простудной лихорадки и ревматизма. Однако стараниями медика Н.Галкина обострения и распространения этих заболеваний удалось избежать. «Он (Галкин – А.Л.), при обширных познаниях, отличался неусыпным старанием, неутомимыми трудами и крайнею заботливостью о сохранении здоровья всех служащих на шлюпе; я приношу ему изъявление чувствования совершенной моей благодарности, которая навсегда сохранится в сердце моём», – заявил командир «Мирного»: по его словам, 17 марта «всё приняло хороший вид, и больных на шлюпе не было».

21 – 23 марта Михаил Петрович занимался поисками острова Компанейского, якобы открытого испанцами, но у него получилось не лучше, чем у его начальника. 22-го в 18.30 достигли точки, в которой этот остров (Company's Island) был обозначен на вышеупомянутой английской карте, да ещё с двумя меньшими островами, прилежавшими к нему с запада (широта 49°39' южная, долгота 142°47' восточная) – и не обнаружили ничего, кроме водорослей и летающих в небе поморников. Решив проверить, не свидетельствуют ли эти растения и птицы о близости берега, продвинулись утром 23 марта (4 апреля) к востоку ещё на 2,5 градуса, но так и не увидели никакого острова. После этого Лазарев оставил поиски и пошёл к Вандиме-

новой земле. Он с самого начала не верил, что злополучный остров удастся отыскать, потому что знал, с какими ошибками указывали испанские мореплаватели прошлых веков координаты даже действительно найденных ими земель, а реальность открытия острова Компанейского как минимум вызвала сомнения.

После того, как 27 марта миновали берега Тасмании (Вандименовой земли), их периодически задерживали то штили, то противные ветра. Австралийский берег «усмотрели» на рассвете 2 (14) апреля – это был мыс Георгия рядом с заливом Джарвиса. И тут выяснилось, что за последние сутки «Мирный» был отнесён на 37 миль (68,56 км) к югу противодействующим течением. Ночью, пережидая штиль напротив оконечности, названной обнаружившим её капитаном Куком Красной, видели на берегу огонь, «вероятно, – предположил Лазарев, – разведённый дикими новголландцами (аборигенами Австралии – А.Л.), ибо в сих местах не было английских селений».

«Переменные тихие ветры, штили и течение, действовавшее к югу, причиною, что мы достигли к Порт-Жаксону не прежде ночи 6-го числа (18-го – А.Л.), – сообщал в донесении Михаил Петрович, – и тогда, ...при сделавшемся безветрии, положили якорь во внутренности залива на глубине семнадцати сажен (31,11 м – А.Л.), грунт был белый песок... В 8 часов следующего утра при NW ветре и приливе снялись с якоря и лавировали в заливе до двух с половиною часов пополудни; внезапно переменявшийся ветер доставил нам удовольствие вскоре бросить якорь вблизи шлюпа «Восток»...»

Приходом «Мирного» в гавань Сиднея завершился 1-й этап русской антарктической экспедиции. Главнейшая её цель была уже достигнута, но поскольку на кораблях об этом не знали, а если кто и догадывался, то не вполне доверял своей интуиции, наши исследователи готовились к новому «вояжу» в южные полярные моря.

Глава 9. Почему аборигены не съели ни Беллинсгаузена, ни Лазарева

Как было ранее сказано, губернатор провинции Новый Южный Уэльс Маквари (Маккуори), комендант порта Пайпер и другие представители британской колониальной администрации оказали русским морякам самый радушный приём. Стоянкой воспользовались для лечения больных, приобретения еды, дров и пресной воды, астрономических наблюдений и, конечно, приведения судов в порядок.

**Рисунок 38. Портрет губернатора Нового Южного Уэльса Маккуори (Маквари).
Художник Артур Леветт Джексон**

Во время прилива М.П.Лазарев поместил свой «Мирный» носом на мель в бухте неподалёку от разбитого нашими путешественниками на берегу лагеря. Шлюп, как мы помним, ударился форштевнем о льдину незадолго до исторического открытия⁴⁶, в самом начале января 1820 г. С отливом место в носовой части, где льдина выломала кусок штевня длиной примерно в 4,5 фута (1,37 м), оказалось вне воды. Повреждение удалось устранить силами мастеровых с

---

⁴⁶ Подробнее см. в главе 8.

обоих судов, не прибегая к помощи английских рабочих, которых предложил прислать губернатор.

У «Востока» тоже приподняли нос, максимально разгрузив судно спереди, и те же мастера залатали брешь в медной обшивке подводной части корпуса флагманского шлюпа. Это повреждение не было по-настоящему серьёзным: гораздо большее беспокойство вызывала у Беллинсгаузена трещина в степсе бушприта его корабля, т.е. в гнезде, в которое бушприт был вставлен нижним концом. Поскольку бушприт – это выступающий вперёд носовой наклонный рангоутный брус, служащий для отдаления центра парусности от центра тяжести судна, а также для поддержания передней (фок-) мачты и установки треугольных парусов, необходимых, в частности, в штормовую погоду, ненадёжность такого важного элемента рангоута может иметь в плавании, мягко говоря, очень серьёзные последствия...

Между тем дерева, нужного для изготовления нового степса, не было ни в лесах поблизости, ни в местном адмиралтействе. Пришлось подкрепить старый толстыми железными обоями с обеих сторон и упереть сзади двумя длинными кницами⁴⁷ наискось. «Я полгал, – писал Беллинсгаузен, – что с сим подкреплением степс будет, наверно, крепче всякого нового...».

Если Рио-де-Жанейро произвёл на наших мореплавателей впечатление, скажем так, неоднозначное⁴⁸, то в данных ими характеристиках увиденного в Порт-Джесоне преобладают, несомненно, положительные оценки. В частности, Беллинсгаузен очень одобрительно отзывался об усилиях английских властей по организации труда и быта ссылаемых в Австралию на каторгу преступников обоего пола:

«Плоды благотельного попечения о преступниках ясно видны в Новом Южном Валлисе (провинция, а сегодня – штат Новый Южный Уэльс – А.Л.); многие из них сделались добрыми гражданами и даже служат образцами честности».

А о тех ссыльных, которые, напротив, «под защитой вольностей (в возмездие за невольничество), придумывают, как бы без наказания совершать различные преступления», Фаддей Фаддеевич делает оговорку: «исключая разбоя и грабительства».

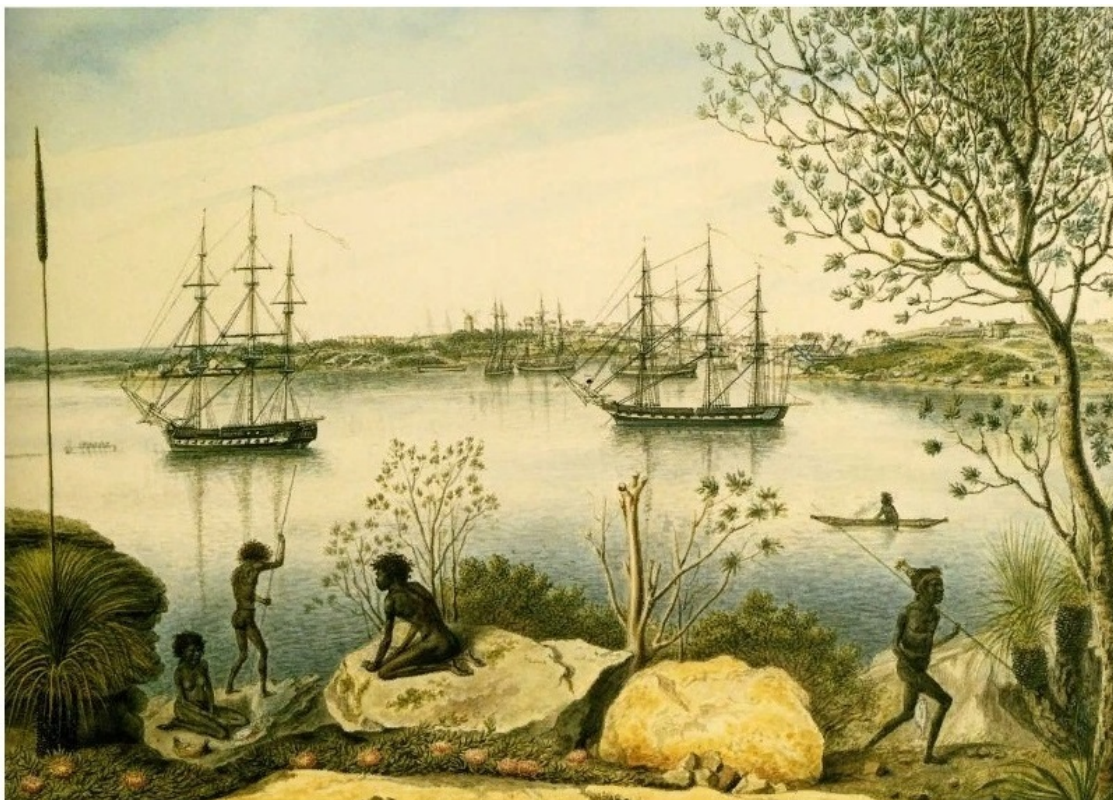
Симпатизирует он и попыткам миссионеров и колониальной администрации организовывать обучение и воспитание детей туземцев в соответствии с канонами тогдашней английской педагогики, сожалея при этом, вместе с британцами, об отсутствии у местного населения, в его массе, желания идти навстречу апологетам Просвещения.

«Нам рассказывали, что весьма затруднительно уговорить отцов, чтобы они поручили детей для воспитания в сии благотельные училища. Привычка к свободе и кочующая скудная их жизнь, в климате благорастворенном, кажется им драгоценна...»

---

⁴⁷ Кница – элемент набора корпуса; имеет форму треугольника, стороны которого располагаются под тупым углом друг к другу; кницы соединяют брусья или балки, стыкующиеся под углом.

⁴⁸ См. главу 6.

Рисунок 39. Вид на Порт-Джексон с севера. Художник П.Н.Михайлов

А вот коренные жители Новой Голландии (Австралии) неприятно поразили наших соотечественников убожеством своего быта и дикостью нравов. Нелестную характеристику аборигенов дал мичман с «Мирного» Павел Михайлович Новосильский:

«Дикие обоюда пола роста ниже среднего (Беллинсгаузен говорит «среднего» – А.Л.), худощавы,... голова у них против туловища несоразмерно велика; цвет лица и тела... почти чёрный (у Беллинсгаузена «несколько светлее арапов», т.е. негров – А.Л.); рот большой, губы толстые, нос крючком, как у попугая, в ноздри вставляют кость или кусок тростника, черты лица отвратительные... Иногда они украшают голову птичьими или рыбьими костями, хвостом собаки или зубами кенгуру; иногда же заплетают волосы, намазывая их смолистым соком растения, отчего и походят они на концы веревок. Лицо и тело пачкают красною землею и проводят по телу длинные белые полосы; грудь, руки и спину исчерчивают ракушками или рыбьею чешуёй... Когда юноша вступает в мужеский возраст, выбивают ему 2 передних зуба, а девушкам, в ранней их молодости, отрезают 2 сустава мизинца на левой руке, которые будто бы мешают наматывать лесы при рыбной ловле. Девушка не исполнившая этого обряда, была бы в презрении...

Дикари новоголландские живут большей частью близ лесов, хижин не имеют, а делают только полукруглую из хвороста загородку с той стороны, откуда дует ветер: внутри раскладывают огонь...

Большую часть дня проводят они на своих лодках: удят рыбу; поймав её, тотчас бросают на горячие угли, в самой лодке лежащие, и потом едят, не отделяя внутренностей. Живущие в лесу употребляют в пищу коренья папоротника, муравьиные яйца и некоторых насекомых».

Добавьте к этому обычай красть себе невесту из чужого племени, волочить её в своё жилище, обездвигив ударом булавы, и превращать потом, после «женитьбы», фактически в свою рабыню, которую наказывают за любой проступок той же булавой; также примите во внимание, что подобные похищения вызывали войны между племенами, кончавшиеся, по дости-

жении определённого количества жертв, примирением сторон и пиром – и представьте себе, как выглядели туземцы в глазах образованных путешественников⁴⁹.

Тем не менее, у моряков сложилось нечто вроде приятельских отношений с неким Бонгари – вождём племени, обитавшего неподалёку от Порт-Джексона и поставлявшего на корабли свежую рыбу. Не только люди Бонгари навещали русских, но и те порой навещались в селение аборигенов. Принесённые вождём на «Восток» по просьбе начальника экспедиции оружие и приспособления для рыбной ловли, используемые туземцами, по мнению Фаддея Фаддеевича, «также доказывают, что жители Новой Голландии несколькими веками отстали от прочих островитян Южного моря». Но, справедливости ради, надо сказать, что коренные австралийцы, при всей их неразвитости, в отличие от многих из этих «прочих», по крайней мере, не были людоедами.

До прибытия «Востока» в гавань столицы Нового Южного Уэльса Беллинсгаузен беспокоило состояние двух матросов шлюпа, у которых появились признаки цинги – синие пятна на ногах. Отвар из сосновых шишек и лимонный сок, употребляемый как «внутрь», так и для растирания ног, лишь сдерживали развитие недуга, не излечивая бедняг полностью. Но в Порт-Джексоне качественная пища и благотворный австралийский климат сделали своё дело, и, как отметил командир «Востока» в записи от 20 апреля, «к общей нашей радости, признаки цинготной болезни у двух матрозов наших исчезли». У Лазарева на «Мирном», согласно его донесению начальнику эскадры, больных к моменту встречи шлюпов на рейде не было вообще.

Завершив ремонт судов и погрузив на них продовольствие и другие припасы, Ф.Ф.Беллинсгаузен и М.П.Лазарев 8 (20) мая расстались на время с гостеприимным английским портом. Они собирались ещё раз зайти сюда по окончании намеченных на зимние месяцы исследований малоизвестных районов Океании.

Встал, однако, вопрос: с чего начинать? Беллинсгаузен решил не следовать на этот раз букве инструкции Морского министерства, которая требовала от него идти севернее Новой Зеландии к островам Общества. Не надеясь сделать какие-либо важные открытия в близких к Австралии водах, он посчитал более целесообразным плыть, держась в стороне от маршрутов предшествовавших экспедиций, к острову Опаро, открытому английским мореплавателем Джорджем Ванкувером в ноябре 1791 г. Затем Фаддей Фаддеевич рассчитывал пройти между водами, названными Якобом Роггевеном (см. о его плавании в главе 4) Сердитым морем, и известной частью архипелага Туамоту.

11 (23) мая на «Востоке» случилось несчастье. Корабельный слесарь Гумин умер от травмы, полученной ещё в Порт-Джексоне при падении с грот-мачты, которую обивал медью в месте, где ванты стягиваются стропом. Беллинсгаузен хотел вообще оставить этого человека в госпитале Сиднея, но лекарь Берг уверил командира, что Гумин уже поправляется, и «излечение его весьма верно». Все на шлюпе сожалели о потере «доброго человека и искусного слесаря».

Кроме того, выявились негативные последствия «отдыха» моряков в Порт-Джексоне: взамен одного недуга (цинги) приобрели другой. При осмотре матросов через 5 дней после выхода в море оказалось, что несколько человек на «Мирном» и один – на «Востоке» заражены венерической болезнью. Фаддею Фаддеевичу пришлось признать, что не все проблемы, порождаемые спецификой переселенческого контингента, колониальные власти решают успешно: «Болезнь распространилась в Порт-Жаксоне и непрерывно вновь из Англии завозима ссылочными».

19 мая с 4 часов дня бушевал шторм, но он не причинил особого вреда, если не считать сорванной со шкафута «Востока» сетки⁵⁰, налившейся в жилую палубу и отчасти в трюм судна

⁴⁹ Согласно утверждениям современных этнографов, подобный способ «заключения браков» у коренных жителей Австралии был всё-таки не самым распространённым: преобладало «обручение» мальчика и девочки в раннем детстве по договорённости их семей.

⁵⁰ Косечная сетка – нечто вроде глубокого жёлоба или узкого открытого сверху ящика: такие «сетки» располагались вдоль

воды и ушибленного плеча старшего офицера Завадовского: тот попытался выбежать наверх через парадный люк, как раз когда из последнего хлынул вниз водяной поток. Беллинсгаузен, однако, опасался за мачты, которые у его шлюпа изначально были сделаны чрезмерно высокими.

20 – 21 мая с севера постоянно дули крепкие противные ветры, и начальник эскадры засомневался, смогут ли шлюпы, особенно «Восток», пройти к востоку (прошу прощение за каламбур) севернее Новой Зеландии. Решив не ждать у моря погоды (получается – в прямом смысле, без кавычек), он избрал другой путь – прямо через архипелаг, между двумя крупнейшими островами того, водами пролива Кука. Уведомив Лазарева семафором об изменении маршрута, Фаддей Фаддеевич назначил местом randevu для кораблей (на случай, если они в пути потеряют друг друга из виду) бухту Королевы Шарлотты внутри этого пролива.

Берег Новой Зеландии увидели уже 24 мая (5 июня) в 7 часов утра, а 28-го (9 июня), в 4 часа дня, «Восток» стал на якорь в вышеназванной бухте, с северо-западной стороны острова Мотуаро. Впоследствии выбрали другое место для якорной стоянки, поскольку первоначальное, как объяснял Ф.Ф.Беллинсгаузен, «не обещало совершенной безопасности от сильно дующих здесь NW (северо-западных – А.Л.) ветров, и наливание бочек свежую водою по дальнему расстоянию сопряжено было с затруднением». «Мирный» запоздал с входом в залив из-за сильного противного ветра и встречного течения и с наступлением темноты всё ещё лавировал. Чтобы показать Лазареву местоположение «Востока», на последнем подняли 2 фонаря и иногда жгли фальшфейеры⁵¹: иначе на втором судне экспедиции могли бы принять за сигналы флагмана огни разведённых туземцами на берегу костров. Только в 11 часов шлюпу Михаила Петровича удалось подойти к «Востоку» и стать рядом с ним на якорь.

Моряки с тревогой вглядывались в незнакомые берега. С трёх сторон – высокие, крутые, в основном покрытые лесом горы, на севере синее море, тоже высокая земля... На кораблях знали, что Новая Зеландия населена каннибалами, слышали об убийстве аборигенами матросов Абея Тасмана, десяти человек из экипажа сопровождавшего Кука в его второй «кругосветке» капитана Фюрно (как раз здесь, в заливе Королевы Шарлотты!), о страшной участи французского мореплавателя Мариона⁵².

Вскоре после прихода «Востока» в бухту к нему подошли две пироги, в одной из которых сидело 23 человека, в другой 16. Носы лодок были украшены сквозной резьбой, улитковыми линиями и изображением человеческого лица с глазами из ракушек и высунутым языком, а кормы представляли собой прямоугольные брусья примерно в 1,83 м высотой. Туземцы гребли типичными для жителей островов Полинезии лопаткообразными вёслами, которые, как и лодки, были тёмно-красного цвета.

Чуть-чуть не дойдя до шлюпа, пироги остановились; сидевший в одной из них старик, которого Беллинсгаузен правильно, как потом выяснилось, посчитал вождём, произнёс длинную и совершенно непонятную нашим соотечественникам речь. Ему ответили взмахами белого платка, и новозеландцы, видимо, понимавшие смысл этого жеста, приблизились, а вождь поднялся на борт. Фаддей Фаддеевич подарил ему бисер, зеркальце, куски грубого ситца и ножик и, видя, что подарки старику понравились, произнёс по-новозеландски «рыба» («гийка»). Старик засмеялся, переговорил со своими соплеменниками, и уже на другой день, по завершении перехода к новому месту стоянки, команды шлюпов получили свежей рыбы в достаточном для

бортов на верхней палубе и служили для хранения в течение дня свёрнутых матросских коек. Шкафутные сетки находились по бортам шкафута – участка верхней палубы между фок- и грот-мачтами.

⁵¹ Фальшфейер – пиротехническое сигнальное устройство в виде бумажной гильзы, наполненной специальной смесью, которая горит ярким пламенем белого цвета.

⁵² Марион-Дюфрен, Никола Тома (1729 – 1772) – французский капитан, исследователь антарктических вод, острова Тасмании и Новой Зеландии. В 1772 г на Северном острове последней был обманом завлечён в западню, убит и съеден туземцами.

ужина количестве и плюс к тому местные ремесленные изделия – в обмен на бисер, зеркальца и другие безделушки.

После того, как начальник эскадры потёрся, по обычаю жителей Океании, своим носом о нос вождя, обнял его и отобедал вместе с ним и Лазаревым в капитанской каюте «Востока» (прочих гостей угощали на шканцах сухарями, маслом, кашей и ромом), «взаимное дружество», по выражению Фаддея Фаддеевича, как будто утвердилось. Туземцы приглашали русских к себе в деревню и показывали знаками, что там будут женщины. Но на кораблях не торопились принимать эти приглашения: в отличие от несчастного капитана Мариона, введённого в заблуждение показным дружелюбием дикарей, наши моряки нимало не обманывались насчёт новозеландского «радушия». В наибольшей степени это относилось к самому Беллинсгаузену, за плечами которого был опыт участия в плавании Крузенштерна – Лисянского, когда Фаддей, в то время молодой мичман на корабле И.Ф.Крузенштерна «Надежда», лично убедился в «своеобразии» представлений полинезийских дикарей о дружбе и гостеприимстве.

Это произошло 18 мая 1804 г. Корабли экспедиции выходили тогда из залива Тайо-Гое острова Нукагива (Нука-Хива) в Маркизском архипелаге, жители которого, как и новозеландцы, были каннибалами. Вот что писал об увиденном в тот день Иван Фёдорович Крузенштерн в своей книге «Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева»:

«... во всю бытность нашу в заливе Тайо-Гое не только не подавали мы повода к какому-либо негодованию, но, напротив того, всевозможно старались делать им всё доброе, дабы внушить хорошее о себе мнение и возбудить если не благодарность, то, по крайней мере, благорасположение, однако, ничего не действовало.

При выходе кораблей наших из залива, разнёсся между нукагивцами слух, что один из них разбился. Сие, конечно, произошло оттого, что мы принуждены были стать на якорь весьма близко берега... Менее нежели в 2 часа собрались множество островитян на берегу против самого корабля, вооружённых своими дубинками, топорами и пиками. Никогда не показывались они прежде в столь воинственном виде. Итак, какое должно было быть их притом намерение? Верно, не другое, как грабёж и убийство. Прибывший в то время на корабль француз подтвердил то действительно и уведомил нас о возмущении и злонамерении жителей всей долины».

Уже в первую ночь стоянки в заливе Королевы Шарлотты вахтенным выдали заряженные ружья и приказали быть в полной боевой готовности. В последующие дни матросам и офицерам приходилось неоднократно съезжать на берег для наполнения бочек пресной водой, заготовки дров, сбора съедобных растений и ловли рыбы. Посетили они и селение, в которое их так настойчиво зазывали, и некоторые другие места по соседству. Старый вождь, между прочим, сдержал обещание и предложил Беллинсгаузену, как выразился последний, «не старую, но довольно отвратительного вида женщину»; капитан вежливо отказался. Но куда бы и на какое бы время ни отправлялись путешественники, всегда перед высадкой они принимали меры для обеспечения своей безопасности.

Рисунок 40. Татуированный вождь маори. Изображение 1784 г

В книге Ф.Ф.Беллинсгаузена находим описание виденных русскими маори – аборигенов Новой Зеландии:

«Жители залива Королевы Шарлотты роста среднего, сложением тела крепки и довольно стройны, только колена несколько толстоваты; лицом и телом смугло-желтоваты, глаза чёрные, быстрые, волосы чёрные, у всех проколоты уши, а у большей части и средний носовой хрящ. Лица испестряют набивными, кривыми, но правильными линиями и натирают тёмно-синюю краскою, знатные люди более, нежели прочие. У некоторых женщин только губы были испестрены».

Об одежде туземцев сказано следующее: «... покрывают тело, начиная из-под грудей до половины ляжек, куском белой ткани, которую перевязывают узким поясом; чрез плечо набрасывают кусок белой или красной ткани, весьма искусно сделанной, с тёмным вокруг узором, и на грудях зашпиливают шпильками... из зелёного базальта и костей, вероятно, человеческих или собачьих, ибо, кроме собак, других зверей никто из путешествовавших здесь не встречал. Сии шпильки висят на тонких верёвочках, чтоб не потерялись. Когда прохладно, сверх всего надевают мохнатую бурку наподобие черкесской. Так одевался старый начальник...; молодые по большей части, кроме бурок, ничем не прикрывались... Голову убирают, завязывая на теме волосы в пучок, воткнув в оные несколько белых перьев. В уши продевают кусок птичьей шкуры с белым пухом. На груди носят безобразные человеческие изображения, застёжки или род ножичка из зелёного камня, а у других просто косточки. Все сии вещи охотно променивают, и потому невозможно полагать, что принадлежат к их кумирам».

Внимание путешественников привлекли «пету» – кистени маори из нефрита или костей морских животных, с резьбой длиной 38,1 – 45,7 см, шириной в 10,16 и толщиной в 5 см и с дырой в рукоятке – для верёвочки, за которую кистень обычно держат. Также новозеландцы изготавливали три вида оружия из крепкого тёмного дерева – пику длиной примерно 9 м; нечто, напоминающее алебарду длиной 2,44 м с резным изображением отвратительного лица, в глазницы которого вставлялись раковины отражающего зелёного цвета; наконец, некое подобие топора длиной в половину второго из перечисленных предметов. Последние два были замечены у вождей и предположительно служили знаками их статуса.

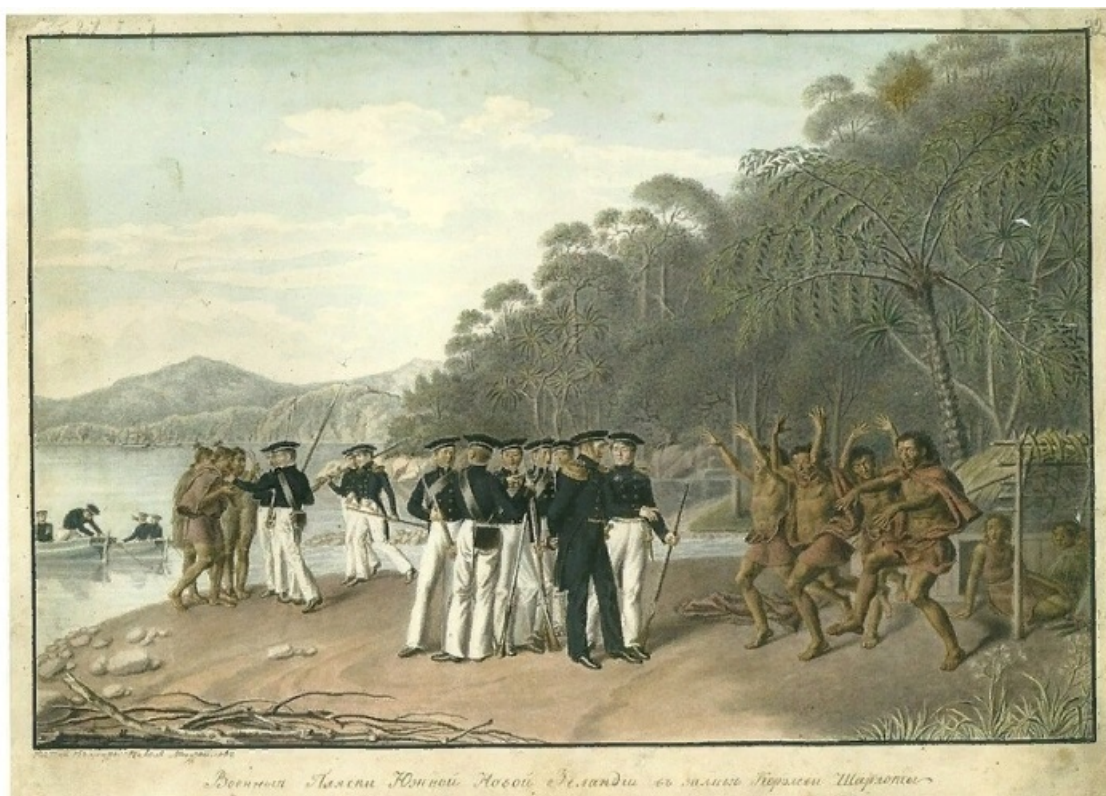
Предостерегая моряков, могущих впоследствии посетить Новую Зеландию, Фаддей Фаддеевич подчёркивает следующие особенности маорийского менталитета:

«От привычки с юных лет не обуздывать своего нрава и следовать всем худым и добрым движениям сердца, жители Новой Зеландии хотя и горячи в дружбе, но непостоянны, за малейшую причину доходят до ссоры, которая производит пагубные последствия...»

Когда старый начальник у меня обедал, я спросил его, ест ли он человеческое мясо, и показал на руку. Он объяснил, что очень охотно ест, и кажется в том нет никакого сомнения, ибо капитан Кук был сам очевидцем, как зеландцы с удовольствием ели мясо своих неприятелей, убитых в сражении».

Понятно, что, несмотря на великолепие местной природы (Беллинсгаузен описывает пение птиц в Корабельной бухте, где запасались водой, как «отзывавшееся подобно фортепианам с флейтами и обвораживающее слух») и отсутствие видимых признаков враждебности со стороны обитателей побережья, нервы у участников экспедиции были напряжены до крайности, и в глубине души каждый мечтал поскорее покинуть эту имевшую столь чудовищную репутацию землю.

Рисунок 41. Ф.Ф.Беллинсгаузен и М.П.Лазарев с отрядом вооружённых матросов наблюдают пляску маори на берегу залива Королевы Шарлотты. Художник П.Н.Михайлов

«Во время семидневного пребывания нашего близ берегов острова... мы были в всегдашнем согласии с его жителями, но это потому только, что они боялись наших пушек и ружей, — писал астроном И.М.Симонов. — При первом посещении своём на шлюп «Восток» они показали нам, что знают действие нашей артиллерии, и, показывая на пушки, с некоторым страхом произносили «пу». Однако ж, при всей уверенности их в превосходстве сил наших, мы никогда не решались посещать места, ими обитаемые, без оружия и достаточного прикрытия».

Поэтому, когда 4 (16) июня туземцы, видя приготовления к отходу шлюпов, выражали своё сожаление и просили русских остаться в бухте ещё ненадолго, для моряков их вздохи и просьбы звучали скорее настораживающе, чем трогательно. Впрочем, ни Беллинсгаузен, ни Симонов не сомневались, что огорчение, например, старого вождя было искренним, «потому что, — как иронически заметил учёный, — он (вождь — А.Л.) ещё надеялся за свои безделки выменять у нас много необходимых для него вещей». Некоторые аборигены, в основном юноши, и вовсе просили взять их с собой в Россию, и один добился-таки согласия командира «Востока», но старейшины, поняв намерение парня, почти силой заставили того вернуться к соплеменникам.

Зная, как маори непостоянны в своих привязанностях и непоследовательны в поступках, Фаддей Фаддеевич и Иван Михайлович с не меньшим, чем все остальные на шлюпах, облегчением смотрели на удаляющийся берег.

Но оказалось, что это чувство было преждевременным. Не успели суда покинуть гавань, как тучи закрыли небо, и сильный противный ветер с юга стал сносить шлюпы обратно, в залив Королевы Шарлотты. В полночь ветер, по словам Беллинсгаузена, «скрепчал и дул сильными порывами с дождём, снегом и градом; по временам молния, сопровождаемая громом, освещая берег, показывала нам близость оного и опасность. Порывы ветра наносили ужасные густые

облака, и кроме водяных насосов (смерчей – А.Л.), мы в сию ночь испытали всё, что производит атмосфера Южного полушария».

5-го июня лучше не стало: ветер всё усиливался, дождь чередовался с градом и снегом, видимость даже днём оставалась нулевой – с «Востока» не было видно «Мирного», и наоборот. К ночи шторм бушевал уже вовсю; на зажигаемые на «Востоке» фальшфейеры «Мирный» не отвечал. 6-го, когда ветер, оставаясь противным, слегка сбавил силу, на каждом судне по-прежнему безуспешно пытались разглядеть в море корабль-спутник; и только утром 7-го шлюпы, наконец, обнаружили друг друга.

В течение, в общей сложности, шести дней суда лавировали в проливе, рискуя быть разбитыми о прибрежные скалы. По свидетельству Симонова, «капитан Беллинсгаузен беспрестанно пытался выйти из Кукового пролива, но всякий раз при выходе в открытое море встречал сильный противный ветер ... Сильные порывы ветра преобразовывались иногда в совершенную бурю, иногда в штиль, а это в тесных морях не лучше бури, потому что зыбь несравненно беспокойнее волнения при ветре; а когда, при безветрии, течение повлечёт корабль к таким берегам, где нельзя бросить якорь, тогда надобно готовиться к кораблекрушению. Это шестидневное плавание взад и вперёд в Куковом проливе мы почитали одним из самых опасных случаев нашего путешествия...»

Действительно, крушение у берегов Новой Зеландии означало для мореплавателей в то далёкое время одно из двух: в лучшем случае – гибель в волнах вместе со своим разбитым судном, а в худшем – встречу на суше с каннибалами, давно наблюдавшими за агонией «чужаков» в море и теперь ожидающими их, обессиленных, безоружных и лишённых поддержки корабельной артиллерии...

К счастью, 10 (22) июня слабый, но попутный ветерок позволил русским шлюпам миновать мыс Пализер у восточного выхода из ставшего для них проклятым пролива. В тот день путешественникам казалось, что они удаляются от адских врат. А ведь им предстояло ещё много чего пережить и узнать...

Глава 10. Сюрпризы сердитых морей и опасных архипелагов

Теперь путь «Востока» и «Мирного» лежал к известному с 1791 г острову Опаро (сегодня – Рапа-Ити). Остров получил такое название потому, что, как утверждал открывший его капитан Ванкувер, местные жители, которых он встретил, часто повторяли это слово.

С борта «Востока» Опаро увидели на рассвете 29 июня (11 июля), и не успел шлюп приблизиться к берегу, как появились лодки, в каждой из которых сидело по 5, 6 или 7 туземцев. В «Памятнике» (дневнике) матроса 1-й статьи Егора Киселёва находим в связи с этим следующую запись:

«29-го. Пришли ко острову Опаро. На оном острову народу дикого премножество и народ преразбойный, того глядит, где бы гвоздик украсть. Тут приехали к нам 22 лодки, одеяния никакого нет, как рыба по воде плавают, так они питаются земляным хлебом, и народ прездоровый собой».

С моря, на расстоянии 8 с небольшим километров (подойти ближе шлюпам мешал слабый, но встречный ветер), остров выглядел как несколько довольно высоких островершинных горных хребтов, тянувшихся на восток и на запад. «На некоторых из вершин гор видны некие устройства, как будто бы укрепления, куда токмо по тропинкам войти можно», – указывал Ф.Ф.Беллинсгаузен; увиденное навело его на мысль, «что островитяне разделены на разные общества, имеют также свои причины к прерыванию взаимных дружественных сношений, и в таком случае укрепления служат им убежищем и защитой».

У него же говорится, что лодки островитян, непохожие на виденные россиянами в Новой Зеландии, были «вероятно, по неимению на острове достаточной толщины дерев, составлены из нескольких досок, вместе скреплённых верёвочками, свитыми из волокон древесной коры... С одной стороны вдоль лодки на отводах был брус в 3 с половиной дюйма (8,9 см – А.Л.) толщиной, заострённый с обеих сторон наподобие лодки, который служит для равновесия. По узкости лодок дородные островитяне не усаживаются в оные, а местами прикреплены дощечки, на которых они покойнее сидеть могут»⁵³. Модель такой лодки была доставлена М.П.Лазаревым в Музей государственного Адмиралтейского департамента.

---

⁵³ Фактически здесь мы имеем дело с примитивным воплощением идеи катамарана – судна с палубным настилом, уложенным поверх двух параллельных корпусов. Двухкорпусная конструкция современного океанского плавсредства позволяет добиться большей остойчивости, чем у однокорпусных судов сопоставимых габаритов. По словам пассажиров катамаранов, качка на последних практически не ощущается.

Рисунок 42. Лодки жителей острова в Океании. Ретро-фотография

Туземцы, по свидетельству капитана «Востока», были «вообще среднего, а некоторые довольно высокого роста, по большей части все стройны, крепкого сложения, много дородных; в телодвижениях ловки и проворны, волосы... кучерявые, особенно быстро сверкающие чёрные глаза, бород не бреют, цвет лица и тела тёмно-красный, черты лица приятные и не обезображены испестрением, как то водится у многих жителей островов сего Великого океана».

В том, что опарцы, как и новозеландцы, знакомы с действием европейского оружия, сомневаться не приходилось. Они не сразу решились подняться на борт, но желание получить в подарок вещи, показываемые русскими моряками, оказалось сильнее страха. А освоившись на судне, дикари проявили те самые свои качества, которые вызвали такое раздражение не только у матроса Киселёва.

«Жители острова Опаро обнаруживали великую наклонность к воровству и старались красть всё, что только им попадалось в руки, – негодовал Ф.Ф.Беллинсгаузен. – Часовые с заряженными ружьями везде присматривали за ними. Один из островитян, бывший в кают-компании, успел украсть спинку от стула и бросился с оною прямо в воду. Лишь только сие увидели, прицелили на него ружьё, он испугался и возвратил украденное».

Это произошло на «Востоке» 29-го, т.е. в первый день пребывания кораблей возле Опаро. На другой день островитяне посетили и шлюп Лазарева, который накануне был довольно далеко от берега; 30-го оба шлюпа держались уже рядом друг с другом.

От внимательного взгляда начальника эскадры не укрылся один хитрый приём туземцев:

«...островитяне переезжали с шлюпа на шлюп, ибо, получив подарок от меня, спешили за тем же к господину Лазареву. Одарённые им, возвращались ко мне, протягивали руки и знаками объясняли, что ещё ничего не получили». И именно на «Мирном» разразился новый скандал, связанный с попыткой воровства.

Павел Михайлович Новосильский описал инцидент следующим образом:

«Один островитянин, выдернув со шкафута железный сектор с фалрепом⁵⁴, бросился с ним в воду. В то же мгновение и все островитяне, как будто по сигналу, последовали его примеру, только один старик по дряхлости своей не успел броситься за борт и был задержан. Ему дали знать, что освободят его не прежде, как возвращён будет похищенный сектор, и указали лодку, в которой он был спрятан. Старик..., переговорив с сидевшими в ней опарцами, уверял нас, что в ней нет ничего.

Видя, что старика не отпускают со шлюпа, опарец, укравший сектор, выдернув из него фалреп, спрашивал: не ту ли вещь у них требуют? потом шарил внутри лодки и показывал то изломанную корзину, то кусок камыша и, подняв руки кверху, делал знаки, что более ничего нет. Наконец, удостоверясь, что все его хитрости ни к чему не ведут и задержанного старика не освобождают, принуждён был, хотя очень неохотно, достать спрятанный сектор и отдать на шлюп. Тут старик и прочие островитяне стали бранить виноватого. Нетрудно было видеть, что это одна только комедия и что задержанный старик если не главный виновник, то и не противник похищения. Впрочем, капитан наш (лейтенант Лазарев – А.Л.) делал вид, как будто бы... не подозревает старика, и, отпуская его, подарил ему гвоздь»⁵⁵.

В обмен на свои дары (зеркальца, топоры и прочие изделия из железа, бисер, ткани и др.) путешественники получили от жителей Опаро немного: раков, коренья таро, напоминающие вкусом картофель, из ремесленных изделий – вёсла и лейки для вычерпывания воды из лодок. Ни рыбы, ни свиней, ни кур на корабли не привезли. Туземцы, правда, звали моряков к себе на сушу, но россияне не рискнули принять приглашение: из-за упоминавшегося выше тихого противного ветра «Востоку» и «Мирному» так и не удалось подойти к острову настолько близко, чтобы в случае необходимости можно было поддержать высадившихся на берег огнём корабельных пушек.

Как и в Новой Зеландии, здесь нашёлся молодой человек, который захотел остаться на «Востоке» и получил на это согласие капитана. Соплеменники уговаривали юношу не уезжать, и на его лице явственно отражался внутренний разлад, вызванный противоречивыми чувствами.

«С одной стороны, как думать должно, какое-то ожесточение против земляков своих, – предположил Беллинсгаузен, – а с другой – врождённая каждому человеку любовь к своей родине производили в нём сильное противоборство». В конце концов, победило второе, и несостоявшийся эмигрант последовал за своими уже покинувшими шлюп соотечественниками.

Задерживаться около этого довольно хорошо известного острова было незачем, и, проведя наблюдения с целью уточнения его координат, Беллинсгаузен и Лазарев двинулись дальше.

⁵⁴ Фалреп – это «верёвки, служащие вместо поручней для входа на судно или из кают на палубу» (Примечание самого П.М.Новосильского).

⁵⁵ Приём, к которому в данном случае прибегнул М.П.Лазарев – взятие в заложники туземцев при совершении их соплеменниками кражи на борту с обещанием освободить задержанных после возвращения похищенных вещей – широко использовался командирами судов в XVIII в, в частности Куком, в подобных ситуациях. Это дало современным горе-исследователям, приверженцам «антиколониальных» догм (речь идёт не столько о вчерашних ортодоксах-псевдомарксистах, сколько о нынешних неолиберальных апологетах глобализационного проекта), одно из оснований для обвинения европейских первооткрывателей островов Океании в «жестокое обращение с беззащитными (! – вспомним лишь один из многих фактов – судьбу капитана Мариона!) людьми». Сегодняшние комментаторы книг мореплавателей и учёных XVIII – XIX вв заявляют, что принимавшаяся за склонность к воровству привычка полинезийцев была на самом деле следствием первобытнообщинного отношения к собственности, характеризующегося отсутствием представления о неприкосновенности чужих вещей. Не оспаривая эти утверждения, считаю нелишним заметить, что участникам дальних плаваний на кораблях, где многие нужные, а то и жизненно необходимые вещи имелись лишь в нескольких или даже в одном экземпляре, от таких этнографических справок вряд ли стало бы легче.

Как только они достигли архипелага Туамоту, который обнаруживший его в предыдущем столетии Луи Антуан де Бугенвиль⁵⁶ назвал Опасными островами, открытия посыпались на них как из рога изобилия.

6 (18) июля в половине 3-го пополудни увидели неизвестный остров, до 8-го лавировали, пока, наконец, не приблизились к земле на расстояние, на котором стало возможным послать к берегу шлюпки с обоих судов. Осматривать сушу отправились: с «Востока» – сам Беллинсгаузен, художник П.Михайлов и мичман Д.Демидов; с «Мирного» – сам Лазарев, медик-хирург Н.Галкин, лейтенант М.Анненков и мичман П.Новосильский.

«Когда мы подошли к коралловому берегу, – рассказывает Фаддей Фаддеевич, – о который разбивался большой бурун и ... пристать было трудно, на берегу к сему же месту сбежались до 60 мужчин, коих число непрерывно умножалось. Некоторые были с бородами, волосы... у всех не длинные, а курчавые, чёрные; островитяне среднего роста, тело и лицо... бронзового цвета, подобно как у всех островитян сего Великого океана; детородные части закрыты узкою повязкою. Все были вооружены длинными пиками, а некоторые в другой руке держали деревянную лопатку, коею, как и в Новой Зеландии, неприятелей бьют по головам. Женщины стояли поодаль у леса ..., также вооружены пиками и дубинками; с пупка до колен тело их было обёрнуто тонкою рогожею.

Лишь только мы приблизились, чтоб пристать к берегу, островитяне все с ужасным криком и угрозами замахали пиками... Мы старались ласками, бросая к ним на берег подарки, привлечь и склонить их к миру, но в том не успели. *Брошенные вещи охотно брали, а допустить нас к берегу не соглашались* (выделено мной – А.Л.).

Мы выпалили из ружья дробью поверх голов их, ... женщины и некоторые из молодых людей отступили подалее в лес, а прочие все присели. Видя, что сим никакого вреда им не делаем, они ободрились, но после при всяком выстреле приседали к воде и плескали на себя воду, потом дразнили нас и смеялись над нами, что им никакого вреда сделать не можем. Сие явно доказывает, что смертоносное действие огнестрельного оружия им неизвестно. Видя исходящий огонь из ружья, вероятно, заключали, что мы их хотим обжечь, для того мочили тело водою... Когда шлюп «Мирный» подошёл, и по сигналу пущено было с одного ядра из пушки в лес выше островитян, все испугались, присели и мочили тело водою; женщины и некоторые молодые мужчины бежали и зажигали лес на взморье, производя длинную непрерывную линию ужасного огня с треском, и сим прикрывали своё отступление...

Из подарков они больше всего обрадовались колокольчику, в который мы звонили. Я бросил им несколько колокольчиков, предполагая, что приятный их звон установит между нами согласие; но лишь только приближались гребные суда к берегу, островитяне с ужасным криком от большой радости приходили в великий гнев. Таковое упорство принудило нас возвратиться».

Не правда ли, хороший повод порассуждать о «ружейном огне» и «пушечной канонаде», которыми европейцы ознаменовали своё прибытие к этим «счастливым, не знавшим до того горя и насилия берегам»?⁵⁷ Любители такого рода клише используют их, где надо и, чаще, где

⁵⁶ См. главу 4.

⁵⁷ Поскольку в советские времена, начиная со Сталина, не было принято «бросать тень на светлые образы» наших героических (без кавычек, на самом деле) предков, в книгах «для широкого круга читателей» факты, подобные данному, как правило, замалчивались, когда речь шла о великих российских мореплавателях, и напротив, выпячивались и раздувались до размеров злодеяний испанских конкистадоров и германских нацистов, когда говорилось о мореплавателях западных. Подлинные же отчёты, дневники, записи и т.п. тех и других навигаторов были доступны лишь сравнительно узкому кругу завсегдаев больших библиотек и архивов. Сегодня многое из этого опубликовано издательствами «Дрофа» и «ЭКСМО» и лежит на полках книжных магазинов, что можно было бы считать несомненным плюсом современного отечественного книгопечатания, не будь тиражи подобных изданий ничтожно малыми, а цены на них – непомерно высокими и повышающимися из года в год. Так или иначе, те, кому удалось эти книги приобрести, могут получить более адекватное, чем из «научно-популярных» брошюр и художественных опусов недавнего прошлого, представление и о личностях первопроходцев морских путей, и о тех трудностях и опасностях, с которыми им пришлось столкнуться.

не надо: как доставалось в своё время у нас и достаётся сегодня на «глобализованном», «толерантном» и «культур-мультикультурном»... простите, «мультикультурном» Западе, включая его родную Англию, бедному капитану Куку!

Посему продолжаю цитировать Ф.Ф.Беллинсгаузена:

«Ежели бы мы решились положить на месте несколько островитян, тогда, конечно, все прочие пустились бы в бегство, и мы бы имели возможность без всякого препятствия выйти на берег. Но, удовлетворив своё любопытство в довольно близком расстоянии, я не имел особенного желания быть на сём острове, тем паче что хотя и представилось бы небольшое поле к изысканиям по натуральной истории,... но как я натуральною историею мало занимался, а натуралиста у нас не было, то пребывание на берегу мало бы принесло пользы. Не желая употребить действие пороха на вред островитян, я предоставил времени познакомиться их с европейцами... Остров сей я называл остров Моллера, в честь контр-адмирала Моллера 2-го, который имел флаг свой на состоявшем под моим начальством 44-пушечном фрегате “Тихвинская Богородица”».

Имеющие глаза – да увидят, имеющие мозги – да разберутся.

Остров Моллера (местное название – Аману) представлял собой невысокий коралловый атолл с расположенной посередине лагуной (озером), которая соединялась с морем двумя проливами: через один из них туземцы, на глазах у моряков, переправлялись вброд. Берега атолла поросли лесом, над которым местами возвышались рощи кокосовых пальм, и кустарником.

Вскоре были открыты и нанесены на карту острова, получившие имена графа Аракчеева (местное название – Ангатау), князя Волконского (Такуме), князя Баркляя-де-Толли (Рароя), Нигиру (Нихиру – туземное название), генерал-лейтенанта Ермолова (Танга), князя Голенищева-Кутузова-Смоленского (Макемо), генерала Раевского (Тепото), генерала графа Остен-Сакена (Танганеа), адмирала Чичагова (Фаите), графа Милорадовича (Факарава), графа Витгенштейна (Тоау) и вице-адмирала Грейга. Все они были похожи на остров Моллера и друг на друга: коралловые атоллы различной величины с лагунами посередине, низменные (последний – Грейга – был выше прочих), в большей или меньшей степени поросшие лесом, где высоким, где редким и низким.

Малочисленность (например, на островах Волконского и Милорадовича) или полное отсутствие кокосовых пальм, обеспечивающих туземцев пищей, прохладительным напитком и материалом для плетения верёвок, свидетельствовали не в пользу обитаемости атоллов. Только острова Аракчеева, Волконского и Баркляя-де-Толли были населены, но и на большинстве остальных видели людей (обычно двоих, а на острове Витгенштейна – до 40) или лодки.

Встреча 13 (25) июля подтвердила предположение Беллинсгаузена, что жители других, близлежащих, островов навещают такие безлюдные атоллы с целью промысла. С острова Нигиру на небольшой, плоской, лёгкой лодке без киля приплыли 2 человека. Один из них, совершенно не робея, взобрался на судно и предложил для обмена улиток и сделанные из раковин рыболовные крючки, а потом вынул перевязанный кокосовыми волокнами свёрток, в котором оказалось немного мелкого жемчуга. На вопрос капитана, есть ли ещё, гость ответил: «Нюй, нюй» («много, много») – и показал на берег. Второй туземец, слуга первого, был на лодке послан обратно и вернулся в обществе молодой женщины: они привезли вяленых каракатиц и вынутых из раковин и нанизанных на волокна из древесной коры вяленых же моллюсков.

Пока слуга отсутствовал, поднявшийся на борт туземец объяснил, что он – вождь, живёт на острове Анюи, а сюда, на Нигиру, приехал для промысла. Вероятно, объектами такового служили те самые вещи, которые он и его соплеменники хотели обменять.

В ожидании возвращения слуги глава «промыслового отряда» с Анюи (его звали Эри-Татано) отобедал за одним столом с капитаном: Фаддей Фаддеевич отметил, что гость «ел всё,

но с великой осторожностью, старался в действиях своих подражать нам, но при употреблении вилки встречал немалые затруднения, боясь уколоться».

Тем временем М.П.Лазарев с некоторыми офицерами обоих кораблей поехал на остров на двух шлюпках, но из-за обилия у берега коралловых рифов и разбиравшегося о них большого буруна пристать им не удалось; пришлось даже оставить в воде один из дреков (шлюпочных якорей), застрявший между кораллами.

Восхищённый смелостью и тронутый дружелюбием Эри-Татано, Беллинсгаузен велел одеть гостя в красный лейб-гусарский мундир и сам повесил ему на шею серебряную медаль при тоекратном «ура!» команды шлюпа. Радости вождя не было предела.

Рисунок 43. Полинезийцы – ловцы жемчуга. Ретро-фотография.

Приехавшую с берега женщину (невысокую, полную, с чёрными кудрявыми волосами и того же цвета пылающими глазами на приятном смуглом лице) капитан в кают-компании одарил зеркальцем, серёжками, перстнем и куском красного сукна, которым она тут же обернула нижнюю часть тела до колен: «свою же рогожу из травы, искусно сплетённую, оста-

вила нам, и она теперь хранится в числе редкостей в Музее государственного Адмиралтейского департамента. Островитянка с особенной стыдливостью при переодевании своего платья старалась сколь возможно скрыть части тела, которые благопристойность открывать воспрещает».

Также офицерам бросилась в глаза чёрно-синеватая татуировка на ляжках и бёдрах у вождя. Через 2 дня шлюпы находились у острова Голенищева-Кутузова, и с «Востока» на берегу заметили двух человек. Беллинсгаузен заключил, что атолл необитаем, а те двое прибыли сюда с другого острова, как и на Нигиру, для промысла.

Он оказался прав. Через некоторое время те самые туземцы привезли на «Мирный» свежую рыбу, и в тот же вечер Лазарев прислал часть этой рыбы на «Восток». Михаил Петрович сообщил, что видел на ляжках дикарей такие же узоры, как у Эри-Татано.

Жители Анюи вернулись на берег в 4 часа: выяснилось, что там у них – большая лодка, используемая для плаваний между островами (со шлюпов её толком не рассмотрели, потому что она стояла за лесом).

Но найти общий язык с аборигенами удавалось не всегда. На острове Аракчеева к путешественникам отнеслись не лучше, чем на острове Моллера. Туземцы встретили шлюпы довольно далеко от берега; они сидели в напоминавших опарские лодках длиной примерно 6 м, по 3 или 4 человека в каждой. Все дикари были вооружены пиками, небольшими булавами и арканами из травяных верёвок: из этого можно было сделать вывод, что они намеревались напасть на пришельцев, но, увидев такие большие «пироги» вблизи, не решились их атаковать.

Несмотря на бросаемые островитянам с обоих шлюпов подарки (топоры, выбойки, серебряные и бронзовые медали), аборигены не только не проявляли дружелюбия, но даже, по свидетельству капитана «Востока», старались «коварным образом пикой ранить офицера, который из каюты им изъявлял благоприязненное расположение».

Так и не поднявшись на корабли, туземцы в 4 часа вернулись на свой остров, а когда следом подошли шлюпы, островитяне подожгли кустарники и лес во многих местах побережья. В ответ с обоих судов запустили в небо несколько ракет.

После этого, ни о какой высадке русских на берег не могло быть и речи. Впрочем, и другие острова, в том числе необитаемые, участники экспедиции видели только с моря, а один – генерала Раевского (Тепото) – вообще лишь издали, поскольку ветер не позволил к нему приблизиться⁵⁸. О наличии населения на островах Волконского и Барклая-де-Толли на «Востоке» заключили по дымам, кое-где поднимавшимся над лесом; правда, Лазарев с борта «Мирного» разглядел на «Барклае» людей и лодки.

Единственным исключением из данного правила стал остров Грейга, который обнаружили в сумерках 17 июля, а утром 18-го, благо за крутым мысом море было тихое, а бурун невысок, послали-таки на берег в ялике отряд, состоявший из лейтенантов Торсона и Лескова, художника Михайлова, астронома Симонова и – в качестве и.о. естествоиспытателя – лекаря Берга. Они привезли на «Восток» сучья деревьев мягких пород, кораллы и обложенных кораллами «греческих» губок, улиток и застреленных офицерами птиц: попугая величиной с воробья с красивым синим оперением, а носом и лапами красными, как сафьян, и малую серо-зелёную горлицу.

Людей никто из отряда не встретил, но Константин Торсон доложил, что видел их следы, места, где разводили костры, а на берегу лагуны – старую лодку. По-видимому, атолл был необитаем, но тоже посещался жителями соседних островов.

Как бы «между делом» русские моряки уточнили расположение двух из четырёх открытых Джеймсом Куком в 1777 г островов Пализера. Ко второму из них (в порядке обнаруже-

---

⁵⁸ Беллинсгаузен открыл южный из трёх образующих группу островов; сейчас имя Раевского носит весь этот мини-архипелаг, а увиденный русскими остров известен под туземным названием – Тепото.

ния их английским мореплавателем) подошли 17 (29) июля. Координаты его середины были: 15°55'40" южной широты, 145°56' западной долготы.

Поначалу Беллинсгаузен не был уверен, что видит именно один из Пализеровых островов, но, поразмыслив, пришёл к следующему выводу:

«Когда капитан Кук прошёл остров первый Пализер, и находился у южной оконечности одного..., тогда видел с высоты мачты к SO (юго-востоку – А.Л.) берег, и, ежели бы луч зрения можно было продлить на 24 мили (44,472 км – А.Л.) по сему направлению, конечно, капитан Кук увидел бы остров, ныне нами обозренный. Находясь сего дня у северной одного оконечности, мы с салинга усмотрели на NWtW (северо-запад плюс один румб к западу – А.Л.) тот берег, подле которого был капитан Кук, а именно 1-й остров Пализер, а тот берег, у коего мы были, второй Пализер...»

17 (29) июля, почти одновременно с островом Грейга, но к западу от него, увидели ещё один остров, а 18-го в 4 ч 17 мин дня подошли к его восточному лесистому мысу. Полуденное наблюдение позволило установить, что эта оконечность имеет координаты 15°50'20" ю.ш. и 146°25'55" з.д., а западная – 15°41'20" ю.ш. и 146°48'30" з.д.

Поскольку полученные цифры были очень близки к указанным Куком в качестве координат открытого им 3-го острова Пализера, сомнений не осталось: перед ними был тот самый остров.

Если капитан Кук видел на его северном побережье вооружённых пиками дикарей, их шалаши, лодки и сооружения для вяления рыбы, то Беллинсгаузен и Лазарев, обозревая 19 июля противоположный, южный берег, разглядели лишь несколько шалашей, возле которых сидели островитяне и бегали собаки. Здесь почти один к одному повторилась история, приключившаяся на Нигиру: к «Востоку» подплыла лодка с двумя туземцами, они поднялись на корабль и, когда им подарили по поясу и ножу, а также некоторые другие вещи, совершенно осмелели. Один дал капитану горсть мелких жемчужин (за что получил ещё и зеркальце) и начал, указывая на остров, твердить «Нью!».

Обобщая сделанные в этой первой части «вояжа» в полинезийских водах открытия, Фаддей Фаддеевич написал: «Вся сия гряда коралльных островов, начиная от острова графа Аракчеева до острова Крузенштерна (открыт Отто Евстафьевичем Коцебу 26 апреля 1816 г, во время его плавания на бриге «Рюрик» – А.Л.), описана и приведена в известность российскими мореплавателями; хотя в числе сих островов находятся 4 острова Пализера и хотя они обретенны капитаном Куком, но как после описаны лейтенантом Коцебу и нами определено их настоящее протяжение и вид, то я почитаю приличным всю гряду назвать островами Россиян».

20 июля (1 августа) «Восток» и «Мирный» достигли необитаемого, но посещаемого полинезийцами с целью всё тех же промыслов острова Матеа (Макатеа). Беллинсгаузен рассчитывал его осмотреть и уточнить, как это было сделано с островами Пализера, его местоположение. К удивлению моряков, они увидели на берегу четырёх человек, которые изо всех сил пытались привлечь их внимание: трое махали кораблям ветками, один – шестом с привязанным к нему куском рогожи. Шлюпы легли в дрейф, и командиры приказали поднять кормовые флаги в знак того, что заметили сигналы с берега. Затем с каждого судна направили к острову по ялику: на посланном с «Востока» находились лейтенант Игнатъев, художник Михайлов, клерк Резанов и гардемарин Адамс; с «Мирного» поехали лейтенант Анненков, врач Галкин и мичман Новосильский.

На острове нашли четырёх мальчиков, двоих из них привезли на «Восток», двоих – на «Мирный». Из этих последних одному было 14, другому 9 лет, а из взятых на флагманский шлюп – одному около 17, второму около 9. Оба старших, в основном с помощью знаков, рассказали русским леденящую душу историю.

Мальчики были родом с острова Анны (Анаа); буря занесла лодку с ними и их родственниками на Матеа, и они уже думали, что спаслись, когда туда же приплыли, и тоже в поис-

ках укрытия от бури, жившие на близком к Анаа острове люди из враждебного им племени. Новоприбывшие напали на родичей мальчиков, перебили их и съели всех до единого, кроме самих ребят, которые вовремя спрятались в густом кустарнике в отдалении от берега: там они и сидели, пока их враги не покинули остров.

«Видя наши шлюпы и наслышась, что европейцы людей не едят и не обижают, решились просить знаками, чтобы мы взяли их с этого острова», – объяснял П.М.Новосильский в своей книге «Южный полюс. Из записок бывшего морского офицера». Там же он кратко охарактеризовал вызволенных русскими ребят: «Мальчики были понятливы и имели склад лица, близкий к европейскому. Они знали остров Отаити, который называли Таичь, и показывали, что остров их лежит от нас на юго-восток. Мальчиков остригли, вымыли, надели на них брюки и куртки из тика, и они не походили более на дикарей».

Аналогично поступили со спасёнными и на «Востоке». «Я приказал их остричь и вымыть, надеть на них рубахи и сделать им из полосатого тика фуфайки и брюки, – вспоминал Фаддей Фаддеевич. – Наряд сей весьма занимал их, и они охотно были в платьях, но башмаки по непривычке всегда сбрасывали и ходили босиком. Я неоднократно спрашивал у старшего мальчика, в которой стороне находится остров Анны, он всегда прежде ответа осведомлялся, где Таичь, и когда я показывал ему, ... он указывал рукою на SO четверть, против направления пассатного ветра. Когда я ему говорил, что не так показывает положение своего острова и что онный находится от нас на север (там располагался о.Анаа на карте Арона Эрросмита – А.Л.), мальчик с сим не соглашался, а настоятельно утверждал своё мнение...».

21 июля (2 августа) 1820 г на горизонте показалась земля, появления которой абсолютно все на кораблях ждали с нетерпением, ибо она сулила полноценный отдых со многими характерными исключительно для тропических широт удовольствиями, при замечательной погоде и в окружении по-настоящему добродушных, незлобивых аборигенов. Разумеется, это был остров Таити, или, как его тогда называли, Отаити – место, считавшееся «райским уголком» Океании ещё со времён посещений его в XVIII в Луи Антуаном де Бугенвилем и тем же Куком. Ветер не позволял шлюпам до следующего утра подойти к острову ближе, чем на 7,4 км, и нетерпение участников плавания от этого, конечно, многократно усиливалось. Ф.Ф.Беллинсгаузен делится своими впечатлениями от последней ночи перед прибытием на таитянский рейд:

«... густые чёрные облака стлались по высоким горам; у взморья на едва видимом берегу сверкали огни; частые небольшие волны отличались по тёмному морю огненными грядами, местами на глубине в разных направлениях медленно исчезали слабые огненные струи пробегающих рыб... При таком разительном зрелище мы проводили всю ночь под малыми парусами, лавируя, чтоб не удалиться от берега».

С утра шли мимо мыса Венеры: все собрались на палубе и любовались видом берегов. Далее в книге Фаддея Фаддеевича:

«Высокие горы покрыты лесами, глубокие ущелины, крутые скалы, ровная и широкая зеленеющая низменность у подошвы гор, покрытая кокосовыми, банановыми и хлебного плода деревьями, в тени которых видны были опрятные домики жителей, желтеющее взморье, катящиеся с гор ручейки, местами суetyающиеся островитяне, плывущие на гребле и под парусами лодки с отводами, всё сие вливалось в сердце каждого из нас приятнейшие чувствования».

Множество туземных лодок направилось к шлюпам, но всех опередил вполне европейский ялик, в котором сидели 2 таитянина. Один из них, в белой коленкоровой рубашке, с обёрнутой той же материей нижней частью тела, оказавшись на «Востоке», заговорил с капитаном на таком плохом английском языке, что его не поняли ни Беллинсгаузен, ни приглашённый по этому случаю Лазарев. Но письмо, которое имел при себе незнакомец, объяснило командирам, что эти двое – лоцманы, присланные королём острова с приказом провести корабли в залив.

Рисунок 44. Залив Матаваи на Таити. Художник Уильям Ходжес, участник экспедиции Дж.Кука

В результате островитянин с письмом остался на «Востоке», второй, сидевший до этого момента в шлюпке, был взят на «Мирный», и уже в 10 часов утра суда отдали якоря в том самом месте Матавайского залива, где открывший остров в 1767 г (по крайней мере, для широких кругов европейской общественности⁵⁹) английский капитан Сэмюэль Уоллис вступил, к сожалению, в бой с туземцами, а Кук, напротив, встретил самый радушный приём.

Таитяне привезли для обмена куда более разнообразные и вкусные продукты, чем до тех пор удавалось приобрести на полинезийских островах: тут были и лимоны, и апельсины, и ананасы, и бананы, и кокосовые орехи...

По воспоминаниям П.Новосильского, у туземцев были «открытые, весёлые лица», большая часть островитян не носила одежды, но кое-кто был в «неполных» европейских костюмах: на одном надета куртка или камзол без штанов, на другом, наоборот, одни штаны...

С аборигенами приехали 2 матроса – американец и англичанин. Первого, служившего некоторое время в Российско-американской компании, а ныне жившего на Таити с женой родом с острова Нукагива, взяли переводчиком на «Восток»; второго – с той же целью – на «Мирный».

После полудня флагманский шлюп навестил английский миссионер мистер Нот, живший на острове уже более 20 лет и преуспевший в приобщении туземцев к христианской вере; он объявил о скором приезде короля со свитой.

---

⁵⁹ Считается, что первооткрывателем острова Таити стал ещё в 1606 г Педро Эрнандо Кирос, но поскольку идентификация открытых в те времена испанскими мореплавателями земель крайне затруднительна по причине искажения информации об их местоположении самими навигаторами и засекречивания сведений об этих плаваниях правительством страны, а отчёты именно Кироса вообще не отличались достоверностью (см. обо всём этом в главе 3), честь подлинного открытия острова по справедливости должна принадлежать англичанину Уоллису – подобно тому, как Колумбу принадлежит честь открытия Америки, хотя он не только не был первым европейцем, достигшим её берегов, но даже не знал, чего он достиг.

Помаре, король острова, не замедлил приплыть на большой двойной лодке. Он сидел на помосте и был облачён в кусок белой ткани с прорезью для головы, надетый поверх белых же коленкоровой рубашки и материи, обёртывавшей тело от пояса до пят; на глазах монарха были синие очки, а волосы, гладкие и остриженные спереди, сзади были завиты в один висевший локон.

Позади помоста под навесом сидели члены королевской семьи и придворные дамы. Моряки рассмотрели их получше, когда они, следом за королём, поднялись на борт судна.

Рисунок 45. Таитянка в праздничном одеянии. Фото 1906 г

Королева Тире-Вагине – невысокая, стройная, с маленькими живыми глазами, на вид лет двадцати пяти, была одета в белую ткань от груди донизу, а сверху – в некое подобие шали того же цвета; голову покрывала чем-то вроде зонтика из свежих кокосовых листьев. Дочь короля Аймата, девочка лет десяти, была в цветном ситцевом платье европейского покроя; её тётка, одетая, подобно королеве, держала на руках грудного сына короля. Впоследствии, уже во время приёма в капитанской каюте «Востока», королева взяла младенца у сестры и на глазах у всех, нимало не стесняясь мужчин, покормила его грудью.

Придворные, «почти все хорошенькие дамы», как со знанием дела отметил П.Новосильский, очень грациозно драпировались в белые и жёлтые ткани из коры хлебного дерева и имели на головах такие же, как у королевы, «зонтики» либо гирлянды из душистых цветов. Не судите о таитянках по мужеподобным страхолюдинкам с картин Гогена!

В каюте капитана, куда пригласили гостей и где состоялся обед, король часто повторял слово «Рушень» («Русские»), произнёс имя «Александр», затем «Наполеон» и рассмеялся; присутствовавшие офицеры поняли, что и на Таити кое-что слышали о войнах в Европе. Когда приступили к трапезе, Фаддей Фаддеевич извинился за небольшое количество свежей еды на столе, на что Помаре ответил: «Знаю, что рыбу ловят при берегу, а не в глубине моря!». Шутки короля подчёркивали его гостеприимство и готовность к дружескому общению: «Я думал делать дорогу от дворца до пристани, теперь это не нужно: надеюсь, что русские её протопчут!». Хозяева заметили, что высокий гость ел с большим аппетитом и очень часто наливал себе вина. Несвежая вода ему не понравилась, и он приказал своему слуге принести кокосовых орехов, сок которых тоже смешал с вином. П.Н.Михайлов нарисовал Помаре держащим в руке медаль с изображением императора Александра I: король был весьма доволен как собственным портретом, так и портретом жены.

После обеда островному монарху показали пушки на нижней палубе и произвели в его честь салют из 15 выстрелов. Помаре был в восторге, но, как свидетельствовал капитан, «при каждом выстреле, держа мою руку, прятался за меня».

Потом пришлось одаривать и поить грогом новых гостей – главного королевского секретаря с братом-военачальником и некоего хранителя собираемого в пользу Библейского общества кокосового масла. В 5 часов прибыла лодка с подарками от короля: 4 свиньи, плоды хлебного дерева, в том числе печёные, корни, сахарный тростник и всевозможные фрукты. Матросы, привыкшие к скудной, да и то с трудом получаемой, продукции посещённых ими ранее островов, смотрели на всё это с радостным изумлением.

Отправив своё семейство домой в 6 часов вечера, Помаре остался на шлюпе до темноты, а потом мичман Демидов доставил его на берег (как выяснилось позже, почти к дверям дома) на корабельном катере.

Рисунок 46. Завтрак у короля острова Таити. Художник П.Н.Михайлов

Так закончился первый из нескольких поистине счастливых дней. Уже на следующее утро оба командира навестили на берегу мистера Нота, потом – в компании проповедника – и самого короля, позавтракав вместе с Помаре во дворе его дома. После еды король улучил момент и увлёк Беллинсгаузена за собой в маленький домик, причём, как только они вошли, сразу же закрыл дверь. Сделано это было, как понял потом капитан, для того, чтобы мистер Нот не застал их врасплох. В домике было 2 комнаты, и та, в которой они оказались, представляла собой что-то вроде кабинета: двуспальная кровать, полки с английскими книгами и свёрнутой картой мира, под полками – подаренные английским Библейским обществом сундук с замком и шкатулка из красного дерева. Из этой шкатулки Помаре вынул чернильницу с пером и листок бумаги и попросил Фаддея Фадеевича написать по-русски записку с просьбой отпустить её предъявителю бутылку рома (капитан распорядился дать 3 и 6 – tenerifского вина). Тут пришли Нот с Лазаревым; король сильно смутился и спрятал бумагу с чернилами.

Беллинсгаузену не надо было растолковывать суть дела. Ещё накануне вернувшийся с берега Демидов передал ему слова короля: мол, на Таити когда-то делали и сейчас могут делать ром, «но как отаитяне, употребляя крепкий напиток, беспокойны, то он вовсе запретил приготавливать ром, невзирая, что сам принадлежит к числу первых охотников до сего напитка». Последствия этого, введённого, очевидно, по настоянию мистера Нота запрета сам Помаре выдерживал с трудом и изыскивал возможности втайне от своих подданных и от миссионера приобретать для себя лично алкогольные напитки.

Приближённые короля и члены его семьи в этом отношении не отличались от него и тоже пытались «разжиться» спиртным при каждом удобном случае. Когда Помаре со своим семейством посетил «Мирный», королева, оставшись на какое-то время наедине с Лазаревым, попросила дать ей бутылку рома, а когда тот упомянул посланное королю, пожаловалась: «Он всё выпьет один и мне не даст ни капли». Михаил Петрович велел выдать ей две бутылки.

Путешественники, побывавшие на Таити до русской экспедиции, сообщали не только о «кротком нраве» и гостеприимстве местных жителей, но и о том, что туземки хладнокровно убивали своих нежеланных, рождённых от мимолётных связей детей⁶⁰, а жрецы приносили человеческие жертвы уродливым языческим идолам. Так было при Уоллисе, Бугенвиле, Куке. Но ко времени посещения острова Беллинсгаузеном и Лазаревым очень многое здесь изменилось – главным образом потому, что аборигены были усилиями английских миссионеров обращены в христианство.

Христианизация Таити, бесспорно, имела благотворные последствия: исчезла зверская практика детоубийств и религиозные ритуалы с человеческими жертвоприношениями, перестало быть нормой так досаждавшее экипажам посещавших острова Полинезии судов воровство... Но для изголодавшихся в дальних океанских переходах по женскому обществу моряков смена религии таитянами означала ещё и другое: ведь остров раньше привлекал европейцев, не в последнюю очередь, свободными нравами его жителей. Здесь было можно «снять» вполне симпатичную девушку, и даже не одну, за подарки вроде дешёвых браслетов или бус; притом и мужчины-аборигены не были ревнивы и не отличались агрессивностью. Теперь же, хотя, как мы уже знаем, «стыдливость» европейских женщин была туземкам по-прежнему чужда, Таити больше не был прежним местом «безграничной сексуальной свободы».

27 июля (8 августа), простившись с королём Помаре, мистером Нотом и другими своими новыми знакомыми, русские опять, как тогда говорили, «вступили под паруса». Мальчиков, взятых на острове Матеа, оставили по их просьбе на Таити на попечение главного королевского секретаря, его брата и ещё двух «чиновников». У Беллинсгаузена сказано, что по выходу из Матавайского залива, убрав в хранилище арбузы, тыквы, бананы, хлебные фрукты и таро, «развесили за кормом и над руслениями⁶¹ апельсины, которые ежедневно раздавали служителям... Кокосовые орехи также хранили развешанными на борту и на марсах⁶² и раздавали ежедневно, а лимоны обмывали в пресной воде и укладывали в бочки, прибавляя в каждую несколько свежих стручков красного перца, потом наполняли рассолом, который обыкновенно употребляют при солении огурцов. Часть апельсинов и лимонов обратили в сок. Как солёные лимоны, так и сок, я приказал беречь до прибытия в южные широты».

Уже 30-го, пройдя проливом между островами Денса и Крузенштерна (см. о нём выше), открыли поросший лесом необитаемый атолл и назвали его островом Лазарева, а 3 августа – совсем маленький коралловый островок, названный Востоком. Единственными обитателями его были птицы: над атоллом во множестве летали фрегаты, бакланы, ласточки и другие пернатые...

7 (19) августа (по записям Беллинсгаузена; у Новосильского указано 8-е, т.е. 20-е) в 14.30 со шлюпа «Мирный» условным сигналом (убранный фор-брамсель и пушечный выстрел) оповестили флагмана, что видят сушу. Подойдя к южной оконечности этой земли, русские увидели на взморье множество аборигенов и аборигенок, которые бежали вдоль берега вслед за движущимися судами. Островитяне были вооружены пиками и палицами; мужчины почти совсем наги (за исключением набедренных повязок), а женщины от поясицы до колен «обёрнуты» в ткани или маты. Вскоре к шлюпам направились лодки разной величины: в ожидании их легли в дрейф и подняли кормовые флаги. Островитяне окружили суда, не приближаясь более чем на полкабельтова (92,6 м) к «Востоку»; к «Мирному» же подошли под самую корму и держались за спущенные оттуда верёвки. Лодки их, как и виденные на прочих островах, имели противовесы и были сработаны довольно хорошо: нос и корма чисто отделаны и основательно подняты

⁶⁰ Уточняю, что речь идёт не об абортах, а именно об умерщвлениях уже родившихся младенцев.

⁶¹ См. главу 8.

⁶² Марс – первая снизу площадка на мачте парусного судна.

над водой, имелись украшения из правильно врезанных жемчужных раковин; в каждой лодке сидело от 6 до 10 человек

Дикари показались Фаддею Фаддеевичу похожими внешне на таитян: он отметил, что «волосы у них распущенные, длинные, изгибисто висели по плечам и спине, а у некоторых головы были убраны как у перуанцев, красными лентами из морского пороста или листьев; на шее и ушах искусно выделанные жемчужные раковины...».

На шеях островитян были ещё и забрала, «сплетённые из волокон кокосовой коры круглыми обручиками, наподобие хлыстика, ... в 21 ряд, сзади одна треть связана в 4-х местах тонкими плетёнками». Когда такое приспособление «приподнято на лице, передняя часть расширяется и покрывает всё лицо: спереди некоторые части украшены искусно выделанными из раковин и черепах четырёхугольничками; забрало упруго и тем более защищает от ударов».

Наличие забрал, а также пик, булав и коралловых глыб в лодках заставляло наблюдавших за визитёрами с бортов шлюпов быть настороже, несмотря на символизирующие миролюбие кокосовые ветви в руках островитян. Те знаками зазывали моряков к себе в гости, но сами так и не поднялись на корабли и даже не взяли вещей, которые им бросали с «Востока»; правда, Лазарев с «Мирного» раздал-таки несколько подарков и медалей с портретом императора.

Утром 8-го островитяне рискнули подойти вплотную к «Востоку», и обмен пошёл немного лучше. Беллинсгаузен подарил аборигенам несколько серебряных и бронзовых медалей, а вот топоры не производили на дикарей особого впечатления, пока им наглядно не продемонстрировали их действие (плотник на глазах гостей разрубил кусок дерева).

Нашим морякам удалось выменять некоторое количество палиц, красных лент для украшения головы, топориков из раковин, матов и забрал; но ничего съестного, кроме оказавшихся испорченными кокосовых орехов, туземцы не привезли. Не заметив у них никаких изделий из звериных или птичьих костей, Беллинсгаузен посчитал, что наземные животные здесь – редкость, и подарил одному казавшемуся вождём аборигену петуха и курицу: тот обещал их сбывать.

Рисунок 47. Жители острова Великого князя Александра. Художник П.Н.Михайлов

Но мореплаватели недолго пребывали в иллюзии насчёт возможности дружбы с островитянами. Мошенничество с кокосами, как оказалось, было ещё «цветочками». Когда «Восток»,

подойдя ближе к берегу, стал поворачивать оверштаг⁶³, и матросы были заняты операциями с парусами, с лодок вокруг шлюпа обрушился на его палубу град бросаемых дикарями коралловых обломков, причём такой величины, что они могли тяжело ранить или убить человека. Холостой ружейный выстрел туземцев ничуть не устрасил, а то и наоборот, ещё больше разъярил, и капитан вынужден был приказать мичману Демидову выстрелить зачинщику нападения в ягодицы, чтобы произвести на расстоянии эффект хорошей порки.

Мичман блестяще выполнил приказ, раненый закричал, его тут же отвезли на берег, а лодки рассеялись⁶⁴. Немного погодя они опять вернулись, и торг возобновился, но и после такого урока дикари не оставляли попыток достать своими пиками людей, выглядывавших из окон кормовой каюты.

Беллинсгаузену и Лазареву пришлось отказаться от мысли послать к берегу шлюпки, и, дав острову имя великого князя Александра (местное название – Ракаханга, или Рукаханга), они пошли дальше на запад. Этого курса держались потому, что рассчитывали отыскать обозначенные на карте Флёрё⁶⁵ острова Тиенговена и Гронингена. Пройдя тот район, где, согласно карте, они должны были находиться, и не обнаружив их, повернули к югу.

Ещё два новых острова (за последние месяцы открытия неизвестных островов у участников похода, можно сказать, вошли в привычку) увидели 19 (31) августа и дали им имена Михайлова и Симонова – в честь художника и астронома экспедиции. Это были очень маленькие, поросшие пальмами атоллы, окружённые мелями, о которые разбивались буруны. Не успели окончить осмотр, как разглядели на севере плюс румб к западу (NtW) другой – притом высокий, гористый – берег. Не заметив на пути к нему никаких препятствий, Беллинсгаузен рискнул идти в том направлении ночью, фактически вслепую, и его попытка едва не привела к катастрофе. Сам он записал в связи с этим вот что:

«В начале 10-го часа вечера показалось перед носом шлюпа белое зарево, которое то потухало, то снова светило. Пройдя ещё некоторое расстояние, мы услышали от разбивающегося буруна о коральную мель ужасный рёв, почему я тот час приказал поворотить через фордевинд⁶⁶ на другой галс; при самом повороте мы были так близко от сей мели, что, невзирая на темноту, ясно различали каждую разбивающуюся волну. Несколько минут промедления – и погибель наша была бы неизбежна...»

Утром 20-го к русским кораблям подгребли туземцы на двух больших парусных и нескольких маленьких вёсельных лодках. В тех, что шли под парусами, сидело по 3 человека: двое из них забрались на «Восток», как только их жестами туда пригласили. Ту лодку, где остался только один человек, волной от форштевня продолжавшего идти шлюпа опрокинуло, верёвка, которой её привязали к кораблю, оборвалась, и сидевший в ней туземец оказался в воде. Капитан приказал лечь в дрейф и послал ялик, чтобы спасти островитянина и взять на буксир его лодку; находившиеся же на судне соплеменники несчастного не только не волновались о нём, но ещё и смеялись, глядя, как он барахтается.

⁶³ Оверштаг – поворот судна, при котором оно проходит через положение «носом навстречу ветру».

⁶⁴ Это был единственный случай фактического применения участниками экспедиции оружия против кого-либо из коренных жителей Полинезии. Астроном И.М.Симонов вспоминает о случившемся на острове Моллера (Аману) после того, как его вооружённые обитатели не дали ступить на берег нашим морякам: «Когда шлюпки «Востока» и «Мирного» довольно далеко отплыли от берега, тогда женщины первые выбежали из леса на берег, даже в море по колено, и разными кривляниями, часто не очень пристойными, насмехались над неудачным посещением капитанов». Поскольку высечь аборигенов розгами было невозможно, некоторые матросы просили у Беллинсгаузена разрешения проучить нахалок выстрелами дробью из ружей, но тогда командир не дал на это согласия: в конце концов, хозяева имеют право не пустить гостей в свой дом. Здесь же, на острове Александра, видя РЕАЛЬНУЮ ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ЖИЗНИ своих подчинённых, он посчитал нужным отступить от правила, которого до сих пор старался придерживаться: не прибегать к силе в общении с аборигенами.

⁶⁵ Шарль Пьер, граф Кларе де Флёрё (1738 – 1810) – французский мореплаватель, адмирал, гидрограф и политик, морской министр при Людовике XV. Дал название Берингову морю.

⁶⁶ Поворот фордевинд – поворот судна на другой галс, когда корма проходит через положение, в котором ветер дует прямо в неё.

Через какое-то время на суда залезли множество аборигенов, и завязался оживлённый обмен.

«Островитяне похожи на отаитян: они были нагие, выключая узких поясков, – писал П.М.Новосильский. – Волосы разделяют они на несколько пучков, перевязывают их тонкими верёвочками и потом кончики взбивают; в эту великолепную... причёску втыкают длинные черепаховые шпильки, которыми беспрестанно чешут голову. На шее у них были ожерелья из жемчужных раковин, а на руках кольцо также из раковин».

Среди прибывших на борт высокопоставленных островитян оказались и 2 сына местного короля, т.е. верховного вождя. Им, помимо раздаваемых направо и налево медалей, вручили по лоскуту красного сукна, большому ножу, зеркальцу, чему-то вроде набора железных инструментов, а также кое-какие вещи с просьбой передать их лично королю. Те ответили, что король скоро приедет сам: в ожидании его на судне остался некий Пауль, как выяснилось, один из его приближённых.

Король, которого звали Фио, оказался высоким смуглым черноглазым мужчиной лет 50, с тщательно, наподобие парика, уложенными седеющими волосами и татуировкой только на пальцах, да и там в виде небольших звёздочек. «Одежда» его не отличалась от облачения простых туземцев: один лишь узкий пояс вокруг тела.

Как только Фио взойшёл на шлюп, он и капитан поприветствовали друг друга по полинезийскому обычаю: потёрлись носами. За этим последовал довольно сложный и забавный ритуал, в деталях воспроизведённый на страницах книги Беллинсгаузена:

«По желанию Фио, я и господин Завадовский сели с ним на шканцах на полу. Пауль и ещё один островитянин, пожилых лет, также сели, и мы составили особенный круг. Тогда, по приказанию Фио, подали с его лодки ветвь кокосовую, на коей были 2 зелёных ореха. Он взял сию ветвь, отдал Паулю, который, держа оную за конец кверху, начал громко петь; в половине пения пристали 2 островитянина, потом все хлопали в ладоши и по своим ляжкам. После сего Пауль начал надламывать каждый отросток от ветви, прижимая их к стволу, и при каждом надламывании приговаривал нараспев какие-то слова; по окончании сего все запели и били в ладоши, как и прежде. Без сомнения, действие сие изъясняло дружелюбие...»

В дополнение к подаркам, доставленным сыновьями, Фио получил серебряную медаль, пилу, чугунную и стеклянную посуду, ножи, зеркала, ситец, иголки, несколько топоров и всякие мелкие вещи. Беллинсгаузен, как персонаж песни Андрея Макаревича, «очень ценил тепло отношений», особенно после слишком частых в последнее время примеров прямо противоположного. Король отужинал и переночевал на судне в компании Пауля и ещё одного старика (лодка за ними пришла только утром). Перед сном гостей развлекали запуском ракет, которые сначала напугали их, а потом, когда туземцы поняли, что это – лишь развлечение, сильно заинтересовали.

Со своей стороны, Фио пригласил русских навестить его на берегу. Не принимать приглашение причин, в принципе, не было: доброжелательность туземного вождя и его окружения не вызвала подозрений. Но моряки торопились в Порт-Джексон, так как нужно было подготовиться к новому «броску» за полярный круг: южнополушарное лето неумолимо приближалось. Утром 23 августа они распрощались с Фио и его подданными.

Находясь у острова, путешественники выменяли у аборигенов немало продовольствия: таро, ямс, кокосовые орехи, плоды хлебного дерева, сахарный тростник, бананы, корни вроде картофеля, двух свиней. Из местных ремесленных изделий приобрели разные образцы оружия, ткани, гребни, шпильки, украшения из ракушек и др. Сами туземцы именовали свой остров Оно: под этим названием его и поместили на карту. В произнесённой 7 июля 1822 г, через год после возвращения из плавания, в торжественном собрании Казанского университета речи Иван Михайлович Симонов воздал должное культурному уровню и добросердечию населения последнего открытого экспедицией обитаемого острова:

«... во всех сих местах мы нашли 1 только остров, до нас не известный, коего жители отличаются от своих соседей особенною кротостию, которая приметна была из их наружного вида, поступков и из той доверенности, с коей они вошли на шлюп наш. Остров сей находится недалеко от Дружественных островов и называется жителями Оно».

Рисунок 48. Современная фотография молодой полинезийки.

By Dan Steely – Beautiful Polynesian Girl, CC BY-SA 2.0, <https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=45691434>

30 августа (11 сентября) 1820 г на «Восток», по случаю тезоименитства Александра I, приехали Лазарев и все офицеры «Мирного». Уже вечером, когда они, вместе с офицерами флагманского корабля, сидели в кают-компании и беседовали, вспоминая оставшихся далеко на севере родных и друзей, с бака неожиданно послышался крик: «Человек упал!». Все выскочили на палубу, судно немедленно легло в дрейф, и лейтенант Анненков в ялике с зажжённым фонарём пустился на поиски пропавшего.

Искали долго, но, к сожалению, тщетно: шлюп в тот день, как назло, шёл очень быстро, и место, где произошло несчастье, осталось к моменту спуска ялика далеко позади.

Матрос Егор Киселёв записал в своём «Памятнике»: «30-го. Упал матроз 1-й статьи Филимон Блоков, в 8 часов свалился с бушприта. Ходу было 7 узлов (12,97 км/ч – А.Л.). Спасти невозможно».

По отзыву капитана, погибший был одним из самых здоровых и проворных в экипаже «Востока». Закрепив кливер, Блоков шёл по бушприту обратно на бак и то ли поскользнулся, то ли просто оступился, но не устоял и сорвался вниз...

Жестокий шторм от ОСО (востока-юго-востока) разлучил суда 7 (19) сентября рядом с австралийским берегом. Утром того дня через пелену дождя с флагманского шлюпа увидели мыс Стефенса, но «Мирного» никто не видел, и ночью на зажжённые фальшфейеры также не было ответа. Беллинсгаузен решил не искать корабль Лазарева, так как не было необходимости обоим шлюпам входить в гавань одновременно. 8 (20) сентября «Восток» был уже неподалёку от залива Порт-Джексона, но не мог войти в него из-за сильного ветра.

Пролавировав до утра 9-го (21-го), капитан попытался провести шлюп в залив без помощи лоцмана, который почему-то не появлялся. Когда лоцман всё-таки приехал, «Восток» уже шёл проливом, соединяющим гавань с морем.

«Капитан порта Пейпер (он же Пайпер – А.Л.) встретил нас на половине пути по заливу, – вспоминал И.М.Симонов. – Он увидел шлюп «Восток» с дачи своей... и тотчас поехал к нам на маленькой гичке⁶⁷. Заметив, что мы возвращаемся без... шлюпа «Мирный» ... из таких мест, из которых некоторые мореплаватели совсем не возвращались, с приметной грустью спросил нас:

– А где капитан Лазарев?

Мы его успокоили, уведомляя, что ... «Мирный» разлучён был с нами бурей в местах, уже не опасных».

«Восток» отдал якорь на том же месте, где и 5 месяцев назад, а на другой день, 10 (22) сентября сюда же подошёл и «Мирный».

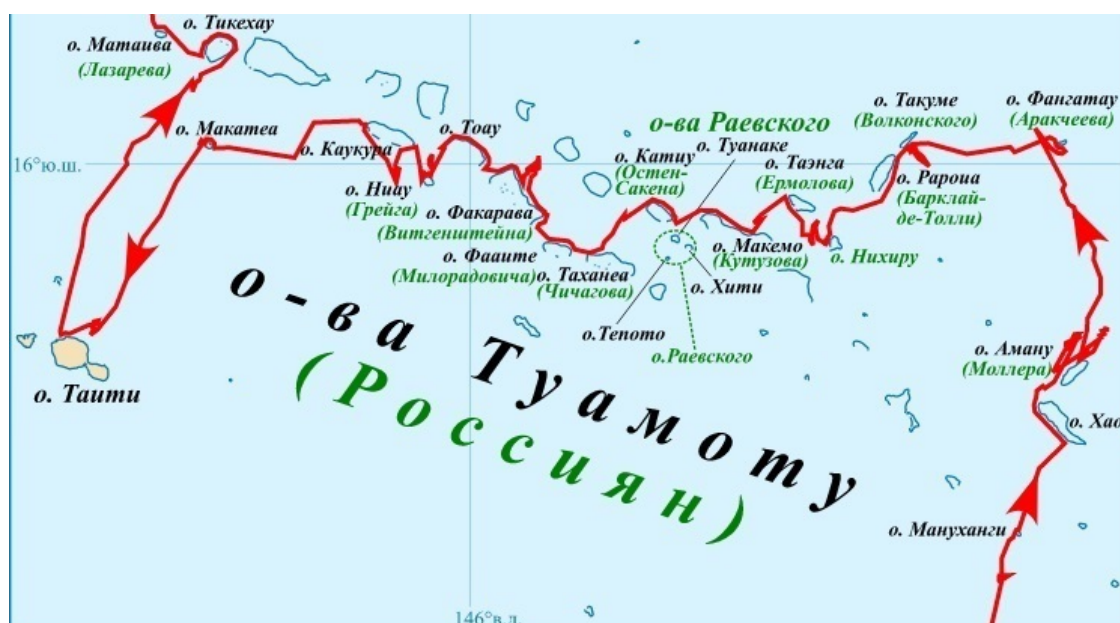

Рисунок 49. Открытия экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева в Полинезии.

Видоизменённый фрагмент изображения «Маршрут первой русской антарктической экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева в 1819—1821 годах».

Авторство: Kaidor. CC BY-SA 4.0. Это векторное изображение содержит элементы, заимствованные из другого изображения; CC BY-SA 4.0, <https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=78057591>

В письме другу А.А.Шестакову⁶⁸ Михаил Петрович Лазарев как бы подвёл итог этому чрезвычайно насыщенному событиями «вояжу» в тропиках:

«Между широтами 15 и 20° S, долготами 210 и 220° восточными от Гринвича, открыли 15 прежде неизвестных островов, некоторые из них обитаемы... Были в Таити для поверения своих хронометров, которые оказались верны, а потому и заключать можем, что открытия наши положены на карте с довольною точностью... После сего открыли ещё 5, что с прежними составит 20 новых открытий в тропиках, и спустились вторично в Порт-Джексон...»

⁶⁷ Гичка – лёгкая, быстроходная парадная 5 – 8-вёсельная шлюпка с транцевой (не острой, а как бы «обрезанной») кормой.

⁶⁸ См. о нём в главе 5.

Да, уже сделанного экспедицией в Полинезии с июня по сентябрь 1820 г было достаточно, чтобы вписать её в мировую историю мореплавания. Но вопрос, что скрывается там, на крайнем юге, за айсбергами, торосами и кажущимися бескрайними ледяными полями, по-прежнему оставался для путешественников открытым. Зима закончилась, лето было не за горами. Наступала пора решительных действий.

Глава 11. «И вновь уходит в никуда вчера открытый нами берег»

На этот раз моряки пробыли в Австралии целых 50 дней, которые использовали, главным образом, для ремонта судов. Так, на «Востоке» установили ряд добавочных креплений и наконец-то заменили треснувший во время шторма ещё в начале года степс бушприта (см. главу 9).

Губернатор Нового Южного Уэльса генерал-майор Маквари (Маккуори) обеспечил россиян отличным сухим корабельным лесом и прислал им в помощь искусных (сейчас бы сказали – высококвалифицированных) рабочих английского адмиралтейства, которыми в ходе ремонта руководил портовый корабельный мастер.

«А между тем, – писал впоследствии М.П.Лазарев А.А.Шестакову, – люди хорошо освежились и приуготовились к перенесению новых трудов при вторичном покушении на юге. 1 ноября не без сожаления оставили мы прекрасный сей порт, – место, где, можно сказать, принимали нас как искренних друзей или родственников».

Фактически шлюпы вышли в море ещё 31 октября (12 ноября по новому стилю) 1820 г. И уже 8 (20) ноября возможность продолжения плавания оказалась под вопросом.

Матрос Егор Киселёв оставил в «Памятнике» короткую запись:

«Тут у нас сделалась большая течь в судне, от 7 дюйм до 8-ми (от 17,78 до 20,32 см – А.Л.) прибывало воды в час».

Течь обнаружилась в полдень в носовом отсеке возле форштевня. Меньше всего можно было ожидать этого после ремонта: в Порт-Джексона с носовой части сняли старое покрытие, тщательно её проконопатили и заново обили медью.

Осмотр помещения старшим офицером не дал, к сожалению, нужного результата: по словам Ф.Ф.Беллингаузена, «вода входила так сильно, что слышно было её журчание, но в какое именно место, невозможно было видеть за обшивкою... Надлежащих против сего мер в нашем положении взять не было возможности и места...».

И вот начальник эскадры принимает очень смелое, могущее даже показаться авантюрным решение: не прерывать «вояж», плыть дальше к югу. Он объясняет это так: «... время года, лучшее для плавания в южном полушарии, нам не позволяло переменить нашего намерения».

Разумеется, были приняты некоторые меры предосторожности: «... я не смел нести много парусов, дабы чрез то, умножая ход, не увеличить течи в носовой части». Но опасность всё равно оставалась, и Беллингаузену приходилось постоянно держать ситуацию под контролем: «Не имея средства сему помочь, я имел одно утешение в мысли, что отважность иногда ведёт к успехам».

На рассвете 17 (29) ноября вдаль показался остров Маквари (Маккуори). Приблизившись к его северо-восточной оконечности, «Восток» лёг в дрейф и капитан-лейтенант Завадовский отправился на шлюпке к берегу. Ему было поручено поискать на острове источник пресной воды, из которого можно было бы наполнить опорожнившиеся бочки на судах. Вместе со старшим офицером поехали художник экспедиции П.Михайлов, астроном И.Симонов и мичман Д.Демидов. «Мирный» также спустил шлюпку, в которую сели командир М.П.Лазарев, мичман П.М.Новосильский и другие офицеры.

Неожиданно для участников экспедиции, земля эта оказалась непохожей на виденную ими в прошлом году Южную Георгию, хотя оба острова лежали в одних и тех же широтах. Если Георгия всегда была покрыта льдом и снегом, то здесь, на Маквари, даже с кораблей повсюду, за исключением тёмных скал, можно было разглядеть яркую зелень. В подозрные трубы офицеры видели на взморье большие колонии пингвинов и лежбища морских слонов.

В 4 часа дня к «Востоку» со стороны берега подошли две незнакомые шлюпки. Оказалось, что это – лодки охотников из Порт-Джексона, приехавших на остров промыслить морских слонов и ещё 4 месяца назад наполнивших жиром этих зверей все имевшиеся у них бочки. С тех пор, по их словам, они тщетно ожидали судна, которое должно было прийти и забрать их с острова. С большим огорчением услышали они, что ждать им предстоит ещё долго: когда русские корабли покидали Австралию, предназначенное для доставки на остров сменщиков этих промышленников судно «Мария-Елизавета» ремонтировалось на берегу, и работы были далеки от завершения. Беллинсгаузен велел угостить охотников сухарями с грогом: гости были особенно рады напитку, так как не пробовали его уже несколько месяцев.

Тем временем отряды Лазарева и Завадовского с трудом пробирались по берегу между не желавшими уступать пришельцам дорогу пингвинами, которые, как и встреченные русскими за год до того на открытом ими острове⁶⁹, высиживали яйца. Путешественники заметили среди птиц множество молодых, ростом уже сравнявшихся со взрослыми особями, но ещё не успевших отрастить перья и потому покрытых курчавым пухом, напоминавшим цвет верблюжьей шерсть. Ещё одна подмеченная исследователями острова особенность состояла в том, что взрослые птицы и молодняк стояли, как указывал И.М.Симонов, «густыми, но отдельными толпами».

Рисунок 50. Фауна острова Маккуори (Маквари): пингвины и морские слоны.
Художник П.Н.Михайлов

⁶⁹ См. главу 7.

На побережье отряд встретил пингвинов трёх пород: двух уже знакомых морякам по предыдущему плаванью на холодном юге⁷⁰ и ещё одной – «более первых» (о них см. ниже).

Наполнив взятые для этой цели корзины «конфискованными» у пернатых хозяев острова яйцами, русские добрались до пляжа, занятого морскими слонами и другими водными млекопитающими. «Они вышли на берег, кажется, для отдохновения, и они не обращали никакого внимания на наше к ним приближение, – вспоминал И.М.Симонов, – даже и тогда, когда в них кидали камнями, они, просыпаясь, изъясляли своё неудовольствие только открытием пасти и рёвом, похожим на хрипение. Но когда капитан-лейтенант Завадовский выстрелил одному слону из пистолета в открытый зев его, то он сильно захрапел и медленно пополз в океан лечить свою рану морскими ваннами».

Интересно, что, согласно записям Фаддея Фаддеевича, в 5 часов того же дня «большой морской зверь окровавленный» проплыл мимо «Востока»: «мы ранили его ещё двумя пулями, кровавая струя оставалась долго на поверхности моря. Я хотел спустить шлюпку, чтоб за ним гнаться, но промышленники объявили, что на воде невозможно его убить, а на берегу их много и без затруднения можно выбирать любого».

По-видимому, это был тот самый «слон», которого «недострелил» старший офицер.

Пройдя чуть дальше вдоль берега, разведчики наткнулись на стоявшие в ряд бочки с железными обручами, наполненные тюленьим жиром, и поняли, что на острове обосновались зверобои. Затем обнаружили и сушащиеся тюленьи шкуры, и хижин, точнее, как описал их И.М.Симонов, «пустые, тёмные, закоптелые шалаши... некоторые из них были составлены из камня, грудой сложенного, а другие внутри обтянуты шкурами морских животных и покрыты травой».

Путешественники заходили в эти убогие жилища в отсутствие хозяев, которые как раз отправались на русские шлюпы.

Внутри одной из хижин, где побывали люди и с «Востока», и с «Мирного», они, как вспоминал астроном, нашли «две печки, пустую кадку, кусок чёрствого хлеба и деревянную руку, отломанную от носовой корабельной статуи...».

П.Новосильский заметил там же «куски изжаренного элѳанта» (морского слона) на потухшем очаге и в углу, рядом с деревянной рукой, белые сухари.

«Из всего, что мы там видели, заключить можно, – утверждает Симонов, – что англичане, получая от этого промысла большие выгоды, нимало не заботились о спокойствии промышленников, которые терпели в этой суровой стране и холод, и голод».

«Вышед из хижин, – продолжал рассказ о событиях того дня П.М.Новосильский, – увидели, что на наших судах подняты флаги и английская гичка⁷¹ идёт к «Востоку». Мы не замедлили возвратиться на шлюп и нашли у нас троих англичан».

Посланные на остров привезли, помимо пингвиньих яиц, несколько живых пингвинов, образцы трав и камней, немного жира морских слонов и шкур молодых особей, а также подстреленных поморников, чаек и других птиц: Завадовский, например, добыл одного попугая. Подходящих для наполнения бочек источников пресной воды они не нашли, но бывшие в это время на флагманском корабле промышленники сообщили Беллинсгаузену, что в глубине острова имеются маленькие озёра, в которых даже водятся форели, а в центре, близ охотничьего лагеря, есть место, где удобно брать воду. Решили заняться этим на следующий день, а вечером отошли на север-северо-запад от берега – с тем, чтобы ночью держаться подальше от окружающих остров рифов.

В 22.00 было уже совсем темно. Фаддей Фаддеевич ходил по шканцам и смотрел в сторону суши без особой надежды что-либо разглядеть. И вдруг... Слово самому капитану:

---

⁷⁰ См. главу 7.

⁷¹ См. примечание 67.

«... мы внезапно почувствовали 2 сильные удара, как будто бы шлюп коснулся мели, я велел бросить лот, но на 60-ти саженях (109,8 м – А.Л.) дна не достали, и потому заключили, не набежали ли мы на спящего кита или прошли гряды камней, коснувшись оной... Шлюп «Мирный» находился тогда под ветром на траверсе⁷²».

Одновременно то же самое испытали и на «Мирном». Из книги П.М.Новосильского: «В 10 часов вечера почувствовали на шлюпе 2 сильных толчка, точно как будто ударились об мель. Капитан тотчас послал лейтенанта Анненкова донести об этом начальнику экспедиции».

«Сие донесение, – записал, приняв рапорт Анненкова, Беллинсгаузен, – вывело меня некоторым образом из сомнения, что удары обоим шлюпам в одно время не могли быть от спящего кита или от подводной мели. Я велел сказать господину Лазареву, что с нами то же самое последовало и, вероятно, мы чувствовали сей удар от землетрясения...»

Командиры укрепились в этом своём мнении 18 (30) ноября, когда сами высадились на берег в сопровождении офицеров обоих кораблей (Лескова, Торсона, Новосильского) и художника Михайлова. Шлюпки пристали как раз там, где располагалось селение охотников. Начальник последних встретил гостей и провёл в свою хижину, где Фаддей Фаддеевич получил возможность лично познакомиться с бытом английских поселенцев. По его словам, изба начальника имела длину 20, а ширину 10 футов (приблизительно 6х3 м), «внутри обтянута шкурами морских зверей, снаружи покрыта травой, на острове растущей... На очаге, за неимением дров и угля, горел кусок сала морского зверя, а в лампе – истопленный его жир; подле очага стояла кровать...; внутри от копоти так было черно и мрачно, что мерцающий огонь лампы и скважина, обтянутая пузырьём, мало освещали внутренность хижины, и, доколе мы не могли осмотреться, нас водили за руки; жилища других промышленников были лучше».

Выяснилось, что и охотники на берегу ощутили накануне вечером 2 сильных удара, и, по их мнению, это было землетрясение. От тех же промышленников участники экспедиции узнали некоторые дополнительные подробности, касающиеся жизни зверобоев на этой не очень-то гостеприимной земле.

Происхождение названия острова – Маквари – очевидно для тех, кому известно, что его открыл в 1810 г капитан брига «Perseverance» («Упорство») Гассельберг из Нового Южного Уэльса. Из встретившихся русским морякам охотников некоторые, включая начальника, находились здесь безвыездно уже 6, а другие даже 9 месяцев. Они делились на две артели, в одной было 13, во второй 27 человек, и занимались исключительно добычей жира морских слонов; он частично продавался в Австралии, частично отправлялся в метрополию.

Раньше, по словам добытчиков, здесь промышляли в основном котиков, шкурки которых ценились в Англии очень высоко; но ко времени прибытия сюда русских всех котиков на острове давно истребили.

---

⁷² Траверс (траверз) – направление, перпендикулярное курсу судна.

Рисунок 51. Бухта острова Маккуори (Маквари). Фотография

Хотя условия жизни поселенцев на Маквари были, мягко говоря, незавидными, Ф.Ф.Беллинсгаузену положение австралийских охотников показалось всё-таки «сноснее, нежели [у] промышленников, которых мы видели в Южной Георгии⁷³; те и другие питаются теми же морскими птицами, лапами молодых морских слонов, яйцами пингвинов и других птиц; но здешние промышленники имеют, кроме лучшего климата, и ту выгоду, что на острове находят средство к предохранению от цинги. Дикая капуста, так ими называемая, ... растёт во множестве по всему острову; от прочей травы отличается тёмною своею зеленью; листья имеет широкие, выходящие горизонтально и окраенные городками (зубцами – А.Л.); поверхность сей капусты тёмная, а низ светло-зелёный; стебли длиною около фута (30,48 см – А.Л.) и так же, как листья, мохнаты; цвет на среднем стебле белый, как у цветной капусты; большая часть корня, который толщиной в 2 дюйма (5,08 см – А.Л.), лежит по земле, а наконец, и тонкие отростки одного входят в землю; корень вкусом похож на капустную кочерыжку; промышленники оскабливают стебли и корень, разрезают мелко и варят в похлёбке. Мы много набрали сей капусты и накусили впрок для служителей, а для офицерского стола наделали из корня пикалей; из заквашенной варили вкусные щи и жалели, что не больше заготовили».

Из четвероногих животных здесь водились только завезённые европейцами и одичавшие собаки и кошки. Старший офицер шлюпа «Мирный» лейтенант Обернибесов, можно сказать, продолжил традицию: его собака осталась на острове. Россияне видели множество типичных для этих широт птиц: альбатросов, голубых бурных, чаек и др. Всех их застали уже сидевшими на яйцах, и, как отметил Фаддей Фаддеевич, «в сие время промышленники не имеют надобности в ружьях и порохе: бьют птиц просто палкою и употребляют их в пищу».

---

⁷³ См. главу 7.

Удивляло наличие на острове – в таком-то климате! – попугаев; правда, только одной породы.

Довелось путешественникам наблюдать и охоту на морского слона. Беллинсгаузен описал то, чему сам был свидетелем:

«Мы шли вдоль песчаного взморья, чтобы посмотреть морских слонов, которые по 2 и по 3 месяца лежат..., не трогаясь с места. Нас провожал один из промышленников; он имел при себе ... орудие длиною в 4 с половиною фута (примерно 1,37 м – А.Л.), толщиной в 2 дюйма (5,08 см – А.Л.), наружный конец шарообразен, в 4 и 5 дюймов (10,16 – 12,7 см – А.Л.) в диаметре, окован железом и обит острошляпочными гвоздями. Когда мы приблизились к одному спокойно спящему слону, промышленник ударил его своим орудием по переносью: тогда слон, отворив пасть, заревел громким и жалостным голосом и уже лишился силы пошевелиться; промышленник взял нож и сказал: «Жаль смотреть, как бедное животное страдает», и ножом черкнул его с 4-х сторон по шее; кровь полилась фонтанами, ... после чего слон ещё раз тяжело вздохнул. И с тем кончилась жизнь его. Больших слонов, кроме сего удара, прокалывают ещё копьём прямо в сердце, чтоб они оставались на месте».

Русским морякам встречались старые самцы морских слонов величиной около 6,1 м, с хоботом длиной около 20 см. Они вылезали из воды, как правило, на траву и лежали в ямах, выдавливаемых в рыхлом грунте их собственным весом. Самки и молодые самцы хоботов не имели и мордами, как показалось начальнику эскадры, были «несколько похожи на мосек».

Кожа морских слонов, также представлявшая собой объект промысла, использовалась в то время для обивки сундуков и баулов. Одну целую шкуру Фаддей Фаддеевич заказал у промышленников для «кабинета редкостей» (музея) Петербургской Академии наук и, уже запасшись водой, оставался у острова утром 19 ноября в ожидании доставки своего заказа. Чтобы не терять время попусту, со шлюпов снова отправили на берег ялики за водой; но посланный с «Востока» клерк офицерского чина Иван Резанов рассудил по-своему и, вместо воды, за одну бутылку рому набрал у охотников в бочонки (анкерки) тюленьего жира.

«Между тем, – пишет Беллинсгаузен, – промышленники на китобойном судне доставили на шлюп «Мирный» слоновую шкуру сообразно с моим желанием. Сии добрые люди даже с опасностью жизни исполнили наше поручение, ибо нашедшая тогда густая пасмурность с мелким дождём всё скрыла от глаз».

О приёме охотников на борту «Мирного» подробнее рассказал П.М.Новосильский: «19 ноября поутру английские промышленники привезли нам кожу с морского слона самой большой величины... В 2 часа пополудни сделался густой туман и остров Маквари совершенно скрылся. Между тем ялики с свежою водою возвратились и были уже подняты. Промышленники не могли долее у нас оставаться. Для безопасности им дали компас и показывали румб, на который должны были держать к берегу, сверх того снабдили их сухарями и несколькими бутылками рому».

«Для порядка», т.е. для заключительного осмотра побережья, эскадра прошла немного в направлении «юго-запад плюс румб к западу» – но моряки лишь удостоверились, что остров в тумане не виден, а приближаться к нему крайне опасно из-за свирепого ветра. Теперь ничто не задерживало русские корабли у Маквари, и они двинулись дальше, курсом на юго-восток.

27 ноября (9 декабря) шлюпы вышли на параллель, северный аналог которой проходит через Санкт-Петербург. И.М.Симонов отметил следующее обстоятельство: «Несмотря на то, что в Южном полушарии время нашего перехода через широту Санкт-Петербурга соответствовало концу нашего мая месяца, температура в тех холодных местах в 9 часов утра была на точке замерзания...».

А на другой день, 28-го, на 62-й параллели, то есть, по замечанию М.П.Лазарева, «гораздо далее прежнего», суда встретились с двумя первыми в этом повторном «вояже» на Крайний Юг айсбергами. Их высота была около 15,24 м, и, по воспоминаниям П.М.Новосиль-

ского, «на одном из них, как на пьедестале, возвышался пирамидальный монумент. Киты приветствовали появление наше во льдах высокими фонтанами».

В тот день на корабле М.П.Лазарева обедали некоторые офицеры «Востока» и сам Ф.Ф.Беллинсгаузен; «к удовольствию моему, – записал он, – нашёл на шлюпе «Мирный» всех совершенно здоровыми». А в 8 часов вечера суда подошли к, по выражению И.М.Симонова, «сплошной твёрдой оболочке Южного полюса», т.е. к кромке монолитного ледяного поля.

«Вид этого поля походил на развалины огромного города, вдоль которого мы следовали к востоку», – повествует П.М.Новосильский. Как и прошлым полярным летом, они искали проход, по которому можно было бы проникнуть дальше на юг. Плыть приходилось среди дрейфующих льдин разной величины, да ещё в условиях, когда периодически стучался туман и сыпал обильный снег. Наконец, 1 (13) декабря вахтенная команда П.М.Новосильского на «Мирном» заметила нечто необычное: «С полуночи до 4 часов утра на моей вахте прошли 80 островов (имеются в виду айсберги – А.Л.) и видели трёх эгмондских куриц, которые далеко от берега не отлетают». Больше, правда, ничего не обнаружили, но предположение мичмана подтвердилось... через 30 лет, когда несколько выше точки, в которой тогда находились русские корабли, открыли Южную Землю Виктории.

Рисунок 52. Фрагмент картины И.К.Айвазовского «Ледяные горы в Антарктике»

Второй поход в антарктических морях обещал быть не менее трудным и опасным, чем первый. Ещё до прохождения полярного круга моряки несколько раз оказывались в отчаянном положении. Вот лишь две записи Фаддея Фаддеевича:

«2 декабря... В 5 часов утра, подошед к мелкому плавающему льду, мы поворотили от одного к северо-западу. В 7 часов вдруг ветер задул от юга с порывом, пошёл густой снег и сделалась такая великая мрачность, что едва на 30 сажен (54,9 м – А.Л.) можно было видеть. Толь нечаянная перемена в нашем и так уже худом положении подвергла нас крайней опасности. Служители с большим трудом убрали замёрзшие паруса; я продолжал идти тем же галсом, дабы

не разлучиться с шлюпом «Мирный», и для того сделал сигнал пушками привести на левый галс;... с баку закричали: «Впереди ледяной остров», и мы находились от него так близко, что спуститься не было места, а подняться сила ветра не позволяла; ... прибавив с поспешностью парусов, миновали и сие опасное место на ветре, в самом близком расстоянии... Чрез каждые полчаса я производил выстрел с ядром из каронады⁷⁴, чтобы звук был слышнее шлюпу «Мирный», но мы ответа на слышали... К полудню мрачность несколько прочистилась, мы с салинга тщетно искали шлюпа «Мирный», ... по условию нашему, мы должны были, в случае разлуки, искать друг друга трое суток на том месте, где последний раз виделись; по сим причинам я поворотил на другой галс и прибавил парусов. Ветр отходил более и более к югу, погода прояснилась, и шлюп «Мирный» открылся на О (востоке – А.Л.)...; я приказал дать чарку рому тому матросу, который первый усмотрел спутника нашего, чудесно спасённого. Шлюп «Мирный» при перемене ветра с снегом остался на одном месте в дрейфе на разные галсы, держась около одного ледяного острова для безопасности. В половине третьего часа пополудни... мы соединились...».

«3 декабря. В продолжение сего дня буря свирепствовала с жесточайшими порывами до 8 часов вечера; снег мелкий и крупный несло горизонтально; паруса и стоячий такелаж покрыты были льдом толщиной до двух дюймов. Ежеминутно при сильном движении шлюпа падали сверху куски льда; лёд сей нарастал от несущихся по воздуху водяных капель и снега... Колебание шлюпа было так велико, что мы не варили похлёбки и даже с большим трудом согрели воду для чая и пунша, дабы сим тёплым питьём хотя несколько подкрепить служителей... В продолжение всего дня за густою мрачностью и снегом весьма редко видели шлюп «Мирный» и по окончании суток почитали себя счастливыми, не встретя ни одного ледяного острова».

А вот запись от 5 декабря, сделанная на «Мирном» П.М.Новосильским:

«Шторм во всей силе от юга. Валы поднимаются до высоты необъятной. Мы остались под штормовой бизанью, зарифлёнными триселями и фок-стакселем⁷⁵; густая пасмурность со снегом, вихрь, несущий брызги и пену, – всё это смешалось в какой-то непроницаемый хаос. Если встретим теперь ледяные острова или большие льдины, тогда никакое искусство, никакие человеческие усилия нам не помогут, и однако ж мы остались целы и невредимы. Невидимый кормчий непостижимыми, ему одному известными путями провёл нас безбедно среди льдов в эту страшную бурю».

13 (25) декабря 1820 г экспедиция в четвёртый раз (!) пересекла Южный полярный круг. Предвидя возможную реакцию будущих читателей своих записок на упоминание этого факта, П.М.Новосильский не удержался от несколько ироничного комментария:

«Для незнакомых с Южным Ледовитым морем и вообще для немореплавателей слова «пересекли полярный круг» не имеют значения и, следовательно, не произведут никакого впечатления; но для мореплавателей и в особенности для немногих, переступавших за эту черту, вполне будут понятны одушевлявшие нас тогда чувства».

Это плавание за полярным кругом началось с приключений другого рода, которые, впрочем, нашим морякам были тоже не в новинку, а П.М.Новосильскому, похоже, особенно нравилось делиться с читателями подобными историями:

«14 декабря. Около полудня увидели на одной льдине большого зверя; со шлюпа «Восток» послан был ялик; матросы по льдинам добрались до животного и дали по нём несколько ружейных выстрелов, ... добились его вёслами и привезли на «Восток». Убитый зверь принадлежал к породе тюленей, имея в длину 8 футов (почти 2,44 м – А.Л.); шкура на нём была белая....

⁷⁴ Каронада (карронада) – короткая чугунная пушка на неподвижном лафете.

⁷⁵ См. примечания 43 и 44.

15 декабря, следуя вдоль ледяного поля, в 8 часов поутру заметили на ледяном мысу большого тюленя. Со шлюпа «Восток» послан был к этому месту на ялике лейтенант Игнатьев; матросы тотчас по льдинам добрались до зверя, и убили его вёслами, но взять с собой не успели, потому что льдины начали расходиться.

Лейтенант Игнатьев привёз на «Восток» необыкновенной величины королевского пингвина, вышиною в 3 фута (91,44 см – А.Л.)... Но всего удивительнее, что в желудке пингвина найдены были маленькие кусочки горного камня. Стало быть, пингвин этот был недавно на неизвестном берегу, потому что самые ближайшие острова удалены от нас более чем на 2000 миль (3706 км – А.Л.)».

Как видим, автор продолжает искать и находить признаки близости судов к какой-то неведомой суше.

Так шли «Восток» и «Мирный» вдоль кромки ледяного поля, то несколько забирая к северу, чтобы обойти непроходимые скопления льдов, то опять поворачивая к югу на более или менее чистой воде, пока 10 (22) января 1821 г не достигли самой южной за все время своих странствий по чужим морям точки – 69°53' южной широты и 92°19' западной долготы.

«В это время мы находились в ледяном заливе, которым могли бы пройти ещё мили две (3,7 км – А.Л.) до ледяного берега, – свидетельствует тот же Новосильский, – но северо-восточный ветер дул прямо в залив, и мы принуждены были заблаговременно из него выбраться. Между тем киты пускали фонтаны, над нами летали ласточки и эгмондские курицы; в воде, близ шлюпа, показался однажды какой-то чёрный зверь. Что же всё это значит? Мы смотрели с недоумением друг на друга и ожидали чего-то необыкновенного».

Из этого состояния «предвкушения чего-то» людей на «Мирном» вывел переданный с «Востока» семафор.

На флагмане ещё час назад увидели к востоку-северо-востоку черневшее в тумане пятно: командир, поглядев на него в подзорную трубу, сразу понял, что это такое, но другие офицеры, тоже смотревшие в трубы, не сошлись во мнениях. И всё-таки в без малого 16.00 Беллинсгаузен просигналил Лазареву на «Мирный»: «Вижу землю!».

«Мы подымаем ответ, – продолжает П.М.Новосильский. – «Берег! Берег! – слышится всюду. Нельзя выразить радости, общего восторга. В это время из облаков блеснуло солнце, и лучи его осветили чёрные скалы высокого, занесённого снегом острова».

«Ныне обрётённый нами берег подавал надежду, что непременно должны быть ещё другие берега, – поясняет Ф.Ф.Беллинсгаузен, – ибо существование токмо одного в таковом обширном водном пространстве нам казалось невозможно».

В 8 часов вечера землю скрыл сгустившийся туман, и только на другой день в 17.00 удалось подойти к её побережью, но не ближе чем на 26 км: дальше не пускал окружавший остров ледяной барьер. Начальник экспедиции подробно описал последовавшую за этим церемонию:

«Достигнув с шлюпом «Восток» до самых льдов, я привёл на другой галс в дрейф, чтобы дожидаться шлюпа «Мирный», который был далеко позади нас. В 6 часов, по приближении «Мирного», мы подняли флаги; господин Лазарев поздравил меня чрез телеграф с обретением острова, и когда подходил под корму шлюпа «Восток», на обеих (так в оригинале – А.Л.) шлюпах поставили людей на ванты и прокричали по 3 раза взаимное «ура!». В сие время телеграфом с «Востока» приказано дать служителям по стакану пунша. Все единогласно провозгласили здравие государя императора. Я позвал к себе господина Лазарева: он сообщил мне, что все оконечности берега видел ясно и хорошо определил положение оных...

Я назвал сей остров высоким именем виновника существования в Российской империи военного флота – остров Петра I».

Рисунок 53. Побережье острова Петра I. Фотография.

Автор: Hannes Grobe. Собственная работа, CC BY-SA 2.5, <https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=3322283>

По вычислениям астронома Ивана Михайловича Симонова, координаты острова были: $68^{\circ}57'$ южной широты и $90^{\circ}46'$ западной долготы. Поскольку сплошной лёд мешал не только высадке на берег, но и более тщательному обследованию суши с моря, начальник эскадры отдал приказ немедленно продолжить плавание к востоку параллельно окраине ледяного поля. По его собственным словам, он надеялся, что «может быть сии льды приведут нас к новым обретениям».

Так оно и вышло. Через каких-то 6 дней после отплытия от острова Петра I, 17 (29) января, в 11 часов утра с флагманского шлюпа увидели берег. «Мыс оного, простирающийся к северу, – записал тогда капитан, – оканчивался высокою горою, которая отделена перешейком от других гор, имеющих направление к SW (юго-западу – А.Л.); я известил о сём господина Лазарева.

День был прекрасный, какового только можно ожидать в большой южной широте... Ветр дул тихий от О, нам противный, однако ж мы поворотили на SSO (юг-юго-восток – А.Л.), ибо сей румб приближал к берегу. В сие время ...видели повсюду мелкий сплотившийся лёд, не допускавший до берега на расстояние сорока миль (74,12 км – А.Л.).... Простирая плавание в южных широтах для исполнения воли государя императора, я почёл обязанностью назвать обретённый нами берег берегом Александра I, яко виновника сего обретения».

Нечастые в тех местах ясная погода и совершенно безоблачное небо дали возможность неплохо рассмотреть найденную землю даже на сравнительно большом от неё расстоянии.

«Я называю обретение сие берегом потому, – уточняет Беллинсгаузен, – что отдалённость другого конца к югу исчезала за предел зрения нашего. Сей берег покрыт снегом, но осыпи на горах и крутые скалы не имели снега. Внезапная перемена цвета на поверхности моря подаёт мысль, что берег обширен, или, по крайней мере, состоит не из той только части, которая находилась пред глазами нашими».

Лишь в 1940-х годах окончательно выяснилось, что этот так называемый «берег» (Alexander I) представляет собой самый крупный в южных полярных водах остров, «припаянный» к Антарктическому полуострову «шестого континента» вечными шельфовыми льдами пролива Георга VI (George VI Sound). Море, в котором расположен и остров Петра I, и Берег Александра I, носит теперь имя Беллинсгаузена.

Рисунок 54. Горы на Берегу (Земле) Александра I. Фотография.

Следует отметить, что в ряде трудов, посвящённых первой русской антарктической экспедиции, можно встретить отличные от вышеприведённых даты открытия ею острова Петра I и Берега Александра I – соответственно 9 и 16 января (по старому стилю) 1821 г. Такие цифры даются с учётом поправки во времени, вносимой в обычный отсчёт дней по хорошо известной географам причине. В кругосветном путешествии, при постоянном следовании в восточном направлении один и тот же календарный день «растягивается» на двое астрономических суток⁷⁶. Как мы помним, с момента выхода из Рио-де-Жанейро русские корабли, в общем и целом, перемещались к востоку. Естественно, командиры шлюпов учли этот факт: на флагманском «Востоке» «повторили» день 3 февраля 1821 г, а на «Мирном» пересчёт дат произвели намного раньше: там «удвоили» день 4 декабря 1820 г.

От Берега Александра I суда пошли на северо-восток – к земле, о существовании которой никто из участников экспедиции по выходу из Кронштадта даже не подозревал.

Дело в том, что ещё в Порт-Джеконе Беллинсгаузен получил письмо от генерал-майора барона де Тейль фон Сераскеркена – российского посла при находившемся в Бразилии португальском дворе⁷⁷. Посол извещал капитана, что в феврале 1819 г англичанин Смит, капитан торгового судна «Виллиам», обходя Огненную землю, из-за продолжительных противных ветров отклонился далеко к югу, и, оказавшись не по своей воле на 63-й параллели, обнаружил там неизвестную сушу. Смит назвал её Южной Шетландией: он, разумеется, вообразил, что

---

⁷⁶ На этом основана сюжетная интрига одного из самых известных романов Жюль Верна – «Вокруг света в 80 дней»: «удвоение» суток позволяет вернувшемуся из путешествия персонажу успеть в клуб к предварительно оговорённому времени, выиграть пари и избежать разорения.

⁷⁷ См. главу 6.

видит выступ легендарного материка Terra Australis Incognita. Информацию из Бразилии подтвердил услышанный русскими в том же Порт-Джеконе рассказ капитана судна английской Ост-Индской компании.

Беллинсгаузен сомневался в обоснованности претензии Смита на столь важное открытие, но решил сам произвести осмотр случайно обнаруженной англичанином земли: если она – не оконечность материка, то корабли смогут обогнуть её с юга.

24 января (5 февраля) в 8 часов утра на горизонте показался берег Южной Шетландии. Подойдя поближе, моряки увидели высокий остров с чёрными крутыми берегами: более высокие участки суши были покрыты снегом, а у юго-западной оконечности, между двумя возвышавшимися над водой высокими скалами, кипел на камнях бурн. Фаддей Фаддеевич назвал этот остров Бородино (сегодня известен как остров Смит). За ним через пролив шириной около 37 км лежал другой остров, который называли Малоярославцем (сегодня – остров Сноу). На следующий день, обогнув восточный мыс второго острова, мореплаватели без труда, но с некоторым удивлением разглядели за невысоким плоским берегом 8 стоявших на якоре в заливе коммерческих судов под английскими и американскими флагами. Итак, предприимчивые иностранные мореходы уже вполне освоились на этой совсем недавно открытой земле! Очень скоро участники русской экспедиции узнали о судах в бухте и прибывших на них людях достаточно много, а пока, продолжая плыть вдоль южного берега, обнаружили справа по курсу ещё один высокий, но заснеженный сверху остров, который называли именем барона Тейля, сообщившего Беллинсгаузену об открытии Южной Шетландии.

Войдя в 10 часов в пролив, отделяющий остров Тейля (сегодня – Десепшн) от берега, вдоль которого они шли, моряки заметили идущий им навстречу американский бот. Оба шлюпа легли в дрейф, и с «Востока» послали ялик навстречу гостям. Снова обратимся к записям Фаддея Фаддеевича:

«Вскоре после сего на нашем ялике прибыл господин Пальмер, который объявил, что он уже 4 месяца здесь с тремя американскими судами, и все промышляют в товариществе. Они обдирали котиков, коих число приметно уменьшается. В разных местах всех судов до 18, нередко между промышленниками бывают ссоры, но до драки ещё не доходило. Г-н Пальмер сказал, что вышеупомянутый капитан Смит, обретший Новую Шетландию, находится на бриге «Виллиам», что он успел убить до 60 тысяч котиков, а вся их компания до 80 тысяч, и как прочие промышленники, также успешно... производят истребление котиков, то нет никакого сомнения, что около Шетландских островов скоро число сих морских животных уменьшится, подобно, как у острова Георгии и Маквария. Морские слоны, которых даже здесь было много, уже удалились от сих берегов... в море. По словам г-на Пальмера, залив, в котором мы видели... 8 судов, закрыт от всех ветров, имеет глубины 17 сажен (51,11 м – А.Л.), грунт – жидкий ил; от свойства сего грунта суда их нередко с двух якорей дрейфуют; с якорей сорвало и разбило 2 английские и одно американское судно... Господин Пальмер скоро отправился обратно на свой бот, а мы пошли вдоль берега».

Странное это было плавание. «Обошед Шетландию с южной стороны, при ясной погоде, мы могли хорошо видеть и описать всю гряду узких высоких островов, покрытых льдом и снегом, – констатировал П.М.Новосильский. – Гряда эта простиралась почти от юго-запада на северо-восток на 160 миль (296,48 км – А.Л.)».

Слово «открытия» было бы в применении к сделанному ими в Южной Шетландии не совсем адекватным. Воды, которыми шли теперь «Восток» и «Мирный», временами напоминали скорее Ла-Манш, чем пустынные антарктические моря: чего стоила вполне «обжитая» промысловиками гавань с восемью судами или идущий навстречу бот! Вечером того же дня (25 января) наблюдали, как лавировал в широком заливе английский охотничий бриг...

Однако именно наши соотечественники первыми тщательно осмотрели, запечатлели на карте и снабдили названиями острова этого, как оказалось, архипелага. Все виденные 25-го,

кроме острова Тейля, были названы в честь мест сражений времён Отечественной 1812 г и последующих войн с Наполеоном Бонапартом: острова Смоленск (тот, вдоль берега которого плыли с 4 часов утра до 13.30), Березино, Полоцк, Лейпциг и Ватерлоо (сегодня – острова соответственно Ливингстона, Гринвич, Робертса, Нельсона, Короля Георга I). 26 января к ним на карте добавился остров Елены (сегодня – остров Бриджмена); фактически – большой камень на юго-восток 72° от юго-восточной же оконечности острова Короля Георга, или Ватерлоо.

В тот же день была произведена высадка на остров Ватерлоо в районе мыса, названного капитаном Смитом Норд Форланд. Мыс этот оканчивался подводным рифом, «а далее, – писал Беллинсгаузен, – берег возвышается в гору, покрытую снегом и густыми облаками. Мы ... спустили ялик; я послал господина Лескова осмотреть берег; господа Симонов и Демидов поехали вместе с господином Лесковым... Яликов, посланных на берег с обоих шлюпов, мы дожидали, держась на том же месте, откуда их отправили; наши путешественники возвратились не прежде вечера, привезли несколько камней, принадлежащих к переходным горам, несколько моху, морской травы, трёх живых котиков и несколько пингвинов. Господин Лесков объявил, что... нашёл 2 ручья пресной воды, текущих с гор и впадающих между мысами в море, но что по... большому буруну гребным судам в сём месте держаться худо; нашли множество ободранных котиков, доску с палубы и бочку. Первое доказывает, что промышленники были на северном мысе, а ... бочка и доска, вероятно, выброшены после претерпенного кораблекрушения. Берег состоял из камня, покрытого сыпучей рухлою землёю, обросшею мохом; кроме сего никакого прозябаемого (растительности – А.Л.) не заметили».

Судьба привезённых Лесковым котиков оказалась печальной: «помещены все вместе на юте в ванне, но они всё время были весьма беспокойны, ворчали друг на друга и нередко доходило у них до драки, что принудило нас скорее их убить, чтобы они не перепортили своих шкур. Я оставил одного живого для того, что господин Михайлов желал его срисовать».

Капитан отмечает, что пингвины, доставленные в этот раз на «Восток», были, как и виденные русскими прежде, «трёх родов». Из следующего за этим достаточно детализированного описания мы узнаём, наконец, кое-что о той загадочной породе пингвинов, которая встречалась нашим соотечественникам на острове Маквари, но отсутствовала на острове Завадовского:

«Простирая плавание 2 лета между льдами Южного Ледовитого океана в том месте, где пингвинов множество, мы видели оных только три рода, и, вероятно, нет других пород⁷⁸...

Из тех, которые нам попадались, в самом большем было весу 1 пуд 25 фунтов (27 кг 720 г – А.Л.). Нос у него острый, лапы чёрные; жёлтые пятна простираются от ушей по бокам на передней части шеи и сливаются с белым брюхом, спина, зад шеи и верх головы тёмно-серо-синеватые» (см. Приложения, рис. 5)

Судя по весу и окраске, это – королевский пингвин (схожие с ним внешне императорские значительно крупнее – их вес может даже превышать 40 кг). Такое название встречается в записках участников плавания, но употребляется скорее как субъективная характеристика, чем как строгий классификационный термин; поэтому ему не всегда можно доверять⁷⁹.

⁷⁸ В этом Ф.Ф.Беллинсгаузен ошибся: в настоящее время известно 18 видов пингвинов. См. <http://mirplaneta.ru/vidy-pingvinov-foto-opisanie.html>

⁷⁹ См. в главе 7 о хохлатых пингвинах.

Рисунок 55. Королевские пингвины. Фотография.

King Penguins (*Aptenodytes patagonicus*) at Edinburgh Zoo, taken by Sean Mack with an Olympus C8080W. Originally uploaded to en.wikipedia.org by the author. CC BY-SA 3.0: <https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=503639>

Утром 27 января были нанесены на карту острова Трёх Братьев (Аспленд, Гиббс и О'Бриен) и остров Рожнова, названный в честь контр-адмирала, под командованием которого Беллинсгаузен служил в молодости (последующие экспедиции не обнаружили этого острова, и что видели тогда с «Востока», остаётся загадкой). 29-го описали острова адмирала Мордвинова (Элефант), Михайлова (назван в честь художника экспедиции; сейчас это остров Корнуэльс) и вице-адмирала Шишкова (Кларенс).

Русские наименования южношотландских островов, как видим, не прижились, но вряд ли это можно считать исторической несправедливостью: всё-таки первооткрывателем этих земель был британский подданный, и он же проложил туда дорогу европейцам. Гораздо обиднее для нас то, что действительно открытые Беллинсгаузенем и Лазаревым острова Полинезии не сохранили, в большинстве своём, предложенные россиянами названия. Но вернёмся к нашей истории.

30 января (11 февраля) начальник экспедиции, скрепя сердце, но не своё судно (чего он просто не мог сделать), вынужден был признать: «Восток» с его протекающим корпусом сделался совершенно негодным для дальнейшего плавания в ледовитых морях.

«От шторма лопнули 2 кницы⁸⁰,... и обе оказались гнилы. Беспре-станное выкачивание воды из шлюпа производило большую сырость и в короткое время могло быть пагубно для здоровья служителей, которые уже 14 недель находились в сыром и холодном климате Южного полушария. По сей причине и видя, что на таковом расслабленном шлюпе, каковым сделался «Восток», при приближающемся позднем бурном времени не должно оставаться далее в больших южных широтах, я решился возвратиться на север и по прибытии в Рио-Жанейро подкрепить шлюп, дабы без опасения достигнуть в Россию».

Сказано – сделано. Миновав 3 (15) февраля 1821 г меридиан Петербурга и замкнув таким образом пройденную ими по поверхности земного шара окружность, русские суда через два дня повернули на ОНО (восток-северо-восток). В тот день – 5 (17) февраля – странники ступили на дорогу, которая вела к дому.

---

⁸⁰ См. примечание 47.

Глава 12. «Нет на свете дали, нет таких морей, где бы не видали наших кораблей!»

Запись в дневнике мичмана «Мирного» Павла Михайловича Новосильского:

«30 января с утра ветер начал свежеть. Шлюп «Восток» был в ненадёжном состоянии: кницы лопались, и вода сильно прибывала; беспрестанно выкачивали её помпами».

Продолжать плавание в приполярных водах с их плавучими ледяными горами, густыми туманами и свирепыми бурями на фактически разваливавшемся судне было, конечно, совершенно невозможно, и 30 января (11 февраля) 1821 г Фаддей Фаддеевич объявил о прекращении исследования этих областей и отбытии в Бразилию.

Курс, которым шли с 5 (17) февраля, лежал несколькими градусами восточнее прямого пути к южноамериканским берегам – и был выбран, как пояснил Беллинсгаузен, «дабы и наш обратный путь принёс несколько пользы географии». Руководитель экспедиции решил возобновить впервые предпринятые им в декабре 1819 г, но оказавшиеся тогда безуспешными поиски якобы открытого в 1675 г капитаном де ла Рошем острова Гранде⁸¹. На этот раз мореплавателям повезло не больше. 7 февраля в 18.00 корабли вышли «на самое то место, где предполагает г-н Пурди остров Гранде; но мы, при довольно ясной погоде, осматриваясь... во все стороны, ничего не приметили, хотя по ясности дня могли видеть остров на расстоянии двадцати пяти миль (46,325 км – А.Л.), ежели бы находился на сем пространстве в которой бы то ни было стороне. Итак, кажется, нет никакого сомнения, что сей остров вовсе не существует».

19 февраля умер последний взятый в Новой (Южной) Шетландии котик. Его хотели доставить в Россию живым, но, по воспоминаниям Фаддея Фаддеевича, зверёк, «сколько ни старались кормить его, ... ни до чего не касался во все 23 дня бытия его на шлюпе».

28 февраля (12 марта) «Восток» и «Мирный» вторично (после ноября 1819 г) отдали якоря на рейде Рио-де-Жанейро. Здесь экспедиция застала более трёхсот судов под флагами разных стран, включая португальский фрегат, королевский брандвахтенный корабль «Иоанн VI», американский фрегат и 2 английских военных брига; 2 марта подошёл ещё и небольшой голландский фрегат, а 26-го – 2 французских корабля: фрегат и 74-пушечный линейный под флагом контр-адмирала Жюльена, бывшего участника знаменитого плавания адмирала д'Антраксто⁸².

В это время в Бразилии кипели докатившиеся до неё из Португалии политические страсти. За несколько дней до прихода русских шлюпов находившийся с 1808 г в Рио король Жуан (Иоанн) VI объявил о своём намерении вернуться в Лиссабон, где обещал удовлетворить требование общественности утвердить в метрополии конституцию. Дело в том, что сторонники самоуправления португальской Америки также имели претензии к королю: они настаивали на том, чтобы монарх, пока общегосударственная конституция ещё не утверждена, дал Бразилии другую, по образцу испанской. Оба командира шлюпов и старший офицер «Востока» Завадовский даже присутствовали на созванном по этому поводу народном собрании; правда, лишь до того момента, когда избранные на митинге депутаты, не застав короля в его столичном дворце, отправились в колясках к его загородной резиденции. Напуганный размахом народных волне-

---

⁸¹ См. главу 7.

⁸² д'Антраксто, Раймонд Жозеф де Брюни – французский мореплаватель. В 1791 г был послан на поиски бесследно пропавшей экспедиции Жана Франсуа де Лаперуза. В путешествии его сопровождал учёный Лабинардьер. Хотя никаких следов Лаперуза эта экспедиция не нашла, она расширила знания европейских учёных о Новой Каледонии, островах Тонга, архипелаге Луизиада, Соломоновых островах, островах Адмиралтейства, Новой Британии и Ириане. 20 июля 1793 г д'Антраксто умер в Тихом океане после тяжёлой болезни.

ний Жуан VI перепоручил Бразилию наследному принцу дону Педро, а сам форсировал приготовления к отплытию за океан.

4 (16) марта состоялась церемония инспектирования монархом своего корабля, которую Ф.Ф.Беллинсгаузен описывает так: «Он (король – А.Л.) ездил сегодня на своей вызолоченной барже осматривать корабль «Иоанн VI», на котором намерен отправиться. Многие духовные особы были ... в числе назначенных к соупутствию его. Когда король проезжал мимо наших шлюпов, люди стояли по рядам и кричали «ура!», и с шлюпов произведена пальба из всех орудий. В сие время на королевской барже перестали грести, и чиновник, державший подле его величества штандарт, говорил краткую речь в честь государя императора нашего. По окончании речи все гребцы на барже встали и прокричали троекратно «ура!». После обеда королева проехала мимо наших шлюпов, и её величеству отданы те же почести, как королю».

Рисунок 56. Жуан (Иоанн) VI, король Португалии

Это была не последняя в Рио подобная церемония, в которой пришлось участвовать нашим морякам. 9 марта их корабли посетил русский посол барон Тейль – и, по свидетельству Фаддея Фаддеевича, «нашёл всех служителей здоровыми и в лучшей исправности». Далее там же читаем: «Со времени прибытия в Рио-Жанейро шлюпы «Восток» и «Мирный» посещаемы были ежедневно разными особами. Почти все посланники иностранных дворов и любители редкостей к нам приезжали».

В отличие от экскурсий «любителей редкостей», визиты дипломатов на русские корабли имели вполне практическую цель. Поскольку король со всем двором переезжал в Европу, послам, естественно, надлежало следовать за венценосцем: на предмет чего и производился

поиск подходящих судов. Когда «Восток» был более или менее отремонтирован, Беллинсгаузен предоставил свой шлюп в распоряжение барона де Тейля фон Сераскеркена, а русский поверенный в делах коллежский советник Бородовицын и его коллега при датском посольстве итальянец Дель-Примо-Даль-Борго перебрались с берега на «Мирный».

Королевская эскадра ушла из Рио-де-Жанейро 14 (26) апреля 1821 г, а русские суда отправились к европейским берегам 23 апреля (5 мая); с ними вместе рейд Рио покинули французы и 2 португальских фрегата. П.М.Новосильский вспоминал, как переносили пассажиры «Мирного» морской переход в Европу: «... господин Бородовицын очень терпел от качки и почти не вставал со своей койки, а итальянец Дальборго храбрился в погоду и был самый приятный собеседник».

Запись в «Памятнике» матроса 1-й статьи со шлюпа «Восток» Егора Киселёва, датированная 13 июня 1821 г⁸³:

«Пришли в Лиссабон, португальский город пребольшой, напитки предешёвые и фрукты, стоянка якорная хорошая».

Как оказалось, флотилия короля, покинувшая Бразилию за 9 дней до «Востока» с «Мирным», сюда, в столицу метрополии, ещё не прибыла. Она появилась четырьмя днями позже и была торжественно встречена властями, населением города и всеми стоявшими в порту судами. В кратком описании Егора Киселёва: «Тут для его королевского величества была по 3 дни ламинация (иллюминация – А.Л.), и расцветали флагами, и была пушечная (пальба – А.Л.), и стояли по реям и кричали “ура!”».

---

⁸³ Даты в дневнике Киселёва часто не совпадают с указанными в официальной хронологии экспедиции. Согласно последней, шлюпы достигли берегов Португалии 17 (29) июня и отдали якоря на лиссабонском рейде утром 18-го (30-го). Такие несовпадения возникали, видимо, потому, что Киселёв вёл свой дневник нерегулярно и иногда вносил записи в него «задним числом», уже не помня точно, когда произошло то или иное событие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.